

Алексей Тиваненко

ДРЕВНИЕ БОГИ БАЙКАЛА

Алексей Тиваненко

ДРЕВНИЕ БОГИ БАЙКАЛА

Чита
2012

УДК 256
ББК 86.31
Т 39

Т-39 Тиваненко А.В. Древние боги Байкала. — Чита: Экспресс-издательство, 2012. — 217 с., илл.:

В книге впервые описаны все шаманские святы места побережья озера Байкал, Баргузинской и Тункинской долин. Реконструированы пантеон почитаемых духов, обрядовые действия, архитектурные детали, религиозно-мифологическое мировоззрение. На основе собранного материала обосновывается положение о существовании в прошлом особой духовной культуры байкальских поморов (бурят, эвенков, якутов, курыканов, динлинов и др.) с глубин каменного века до наших дней. Это была развитая региональная культовая система, в основе которой лежало шаманское учение о способе выживания человека в условиях суровой природной среды (экосистемы) озера Байкал.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 256
ББК 86.31

ISBN 978-5-9566-0170-9

© Тиваненко А.В, 2012

© ООО «Экспресс-издательство», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Озеро Байкал не случайно называют «Святым морем» (в старину), «Священным» (сегодня). Так отразилось многотысячелетнее обожествление человеком суровой природной среды громадного по площади, разнообразного по ландшафтам и климату, предельного по глубине сибирского водоема. Материальными свидетельствами былых и кое-где современных шаманских культов обожествления стихии являются остатки древних святилищ и разнообразная по образам почитаемых духов-божеств мифология живущих на его берегах аборигенных народов: якутов, бурят, эвенков, монголов, еще ранее самодийцев, курыкан и прочих.

Под шаманскими святыми местами озера Байкал мы понимаем систему особо почитаемых и сегодня человеком природно-географических объектов, состоящих из гор, скал, озер, рек, термальных источников, островов, полуостровов, мысов, промысловых (охотничье-рыболовных) угодий, шаманских некрополей, мест для дачи клятв, следов крупных геологических катастроф, горных перевалов, пещер, отдельных священных камней и деревьев и пр., а также различных культовых сооружений, с ними связанных: обо, барисаны (бур.), улагиты, налакиты (эвенк.), сэргэ-коновязи, алтари-жертвенники, петроглифы (наскальные рисунки) и т.п.

Все они, вместе взятые, издревле являются географическими маркерами Байкальской природной среды обитания человека, вокруг которых происходила хозяйственно-культурная и политическая консолидация аборигенного населения. Если исключить долины р. Селенги выше Мандриковского прожима, и р. Иркут, впадающего в Ангару, то географически выделяемая геополитическая зона совпадает с основной водосборной площадью оз. Байкал, что подчеркивает наличие единого взаимосвязанного географического региона на стыке тайги и степей вокруг оз. Байкал. В этническом плане мы видим особую эколого-географическую зону (нишу), населенную родственными группами людей, издревле ведущих преимущественно охотничье-рыболовный образ жизни. Этот гомогенный хозяйственно-культурный тип або-

ригенного населения нашел полное отражение в хорошо отлаженной тысячелетиями традиционной культовой системе «байкальского» шаманизма.

Являясь одной из главнейших составных структурных частей шаманизма, святые места и пантеон почитаемых на них языческих духов-божеств до сих пор не получили должного освещения в науке и практике развивающегося туризма.

Порою даже раздаются голоса, что «байкальский» шаманизм не нужно изучать вообще, чтобы не усиливать ажиотаж современных и будущих поколений к особо почитаемым на Байкале географическим объектам в целях недопущения их «осквернения». Но как охранять то, чего не знаешь!

Между тем, очевидно следующее:

Для географов данная проблема интересна тем, что разрабатываемая и внедряемая система особо охраняемых заповедных территорий и конкретных памятников природы, оказывается, совпадает по общим и нередко частным деталям с шаманскими святыми местами озера Байкал (священными географическими территориями и отдельными шаманскими святилищами). Значит, существует нечто такое, еще не познанное, что дает основание людям сотен поколений свято оберегать те или иные уголки уникального сибирского водоема.

Для экологов изучение традиционных святых мест и связанных с ними религиозно-мифологических представлений дает свежее понимание истории почитания конкретных географических объектов, физических явлений природы, отдельных видов фауны и флоры.

Для этнографов шаманские святые места важны потому, что они являются маркерами географической родоплеменной территории этнических групп, некими сакральными-политическими центрами сосредоточения народов в пределах байкальской природной среды обитания человека.

Для археологов подобные святые объекты являются новым типом археологических источников в понимании духовной культуры древнего населения региона. Раскопки следов жертвенных приношений, изучение наскальных рисунков, пиктограмм и надписей, изва-

яний, архитектурных сооружений и других вещественных деталей дают наглядное представление об изначальных истоках и генезисе культовой традиции.

Для практиков шаманские святыи места очень ценны в роли важнейших материальных объектов в деле возрождения духовной культуры, усиления регионального патриотизма и этнического самосознания, усиления внимания современников к окружающей природной среде. Другими словами, они дают фактологическую базу для успешной работы по поиску возможных путей устойчивого развития общества.

Как бы там ни было, но единой сводки шаманских святыи мест Байкальского региона, их научной интерпретации ни в отечественной, ни тем более в зарубежной практике, не существует. Тому есть целый ряд объективных причин:

Во-первых, среди местных жителей существует табу на посещение святилищ чужими людьми и недовольство производством на них каких-либо исследовательских (тем более археологических) работ;

Во-вторых, местные информаторы уклоняются от бесед на темы традиционных культов, опасаясь гнева от духов и божеств своих святыи мест;

В-третьих, нет четких координат расположения святыи мест, а их поиски затруднены из-за дальности расстояний;

В-четвертых, шаманские верования, по большому счету, плоды религиозно-мифологических фантазий людей, а для человеческой фантазии, как известно, пределов нет. Только этим объясняется чрезвычайная сложность и противоречивость отдельных шаманских представлений об окружающем мире, пантеоне территориальных божеств и духов. Кроме того, многие терминологические понятия в шаманизме местных народов переданы в устной традиции старыми словами, вышедшими из употребления и потерявшими изначальный смысл.

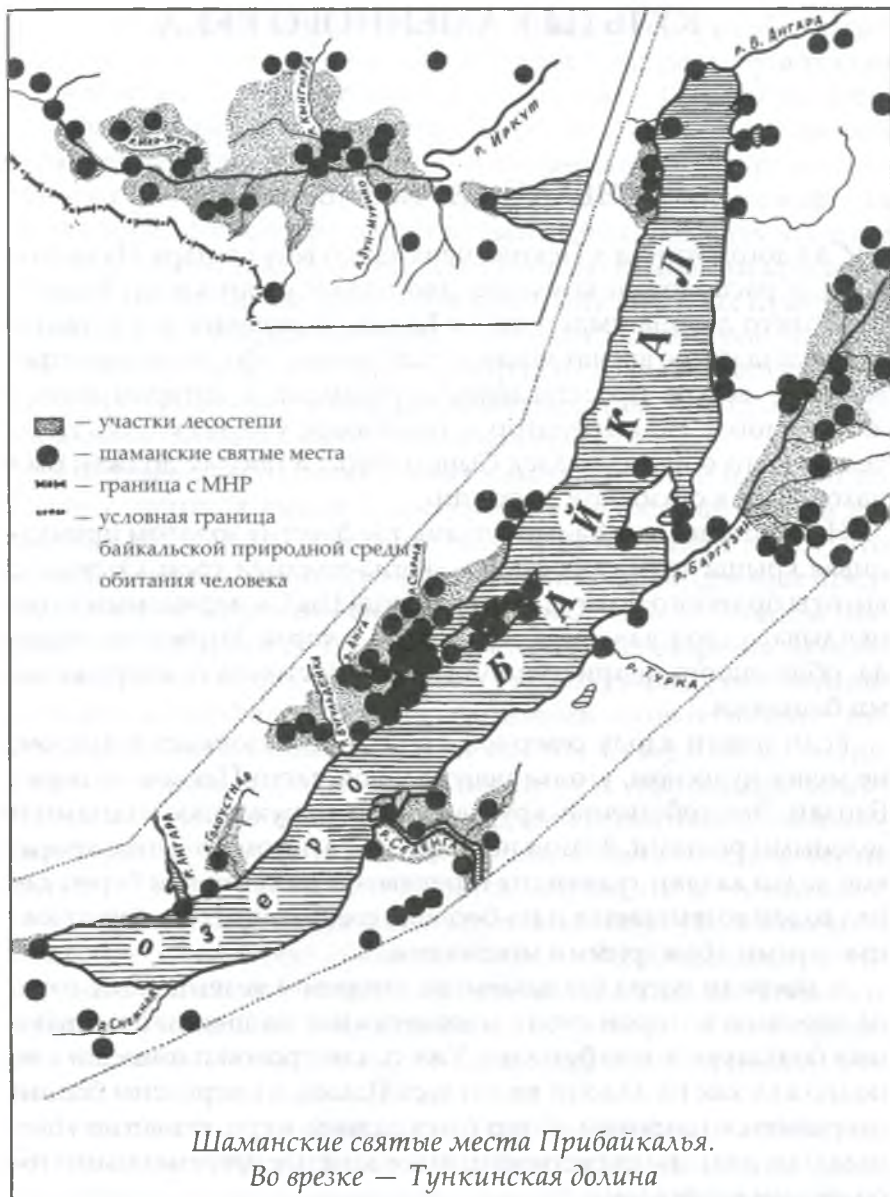
Наконец, до сих пор среди ученых нет согласия по основополагающим, кардинальным понятиям шаманизма: почитанию природы, культу предков, анимизму, фетишизму, магии и т.п. Если эти понятия отражали стадии развития первобытной религии, то в ка-

кой последовательности они сменяли друг друга? Что касается непосредственно памятников и географических объектов культового характера Байкала, то и здесь нет представления, по каким критериям определять их функциональное назначение: что относится к культу гор, воды, лесов, атмосферных явлений, шаманских и тотемных предков; сколько вообще типов святых мест и культовых памятников; каковы их архитектурное единство и различия; что является общим и особенным в формах совершаемых культовых действий, комплексе жертвенных приношений; как определять социально-общественную значимость памятников и т.д.?

В любом случае главным признаком шаманизма, по нашему мнению, являются религиозные представления о природе, об окружающем человека мире, о преемственной связи поколений. Говоря конкретнее, это некое, пусть иллюзорное, учение о способе выживания человека и общества в определенной экологической обстановке («экологической нише» Байкала), в котором высок процент анимизма, приведший к созданию сложной иерархической лестницы родоплеменных духов и общенациональных божеств «животного» происхождения.

Полагаю, что данная книга будет встречена с пониманием не только местными читателями, но и теми, кто приезжает на Байкал в качестве гостей. Буду признателен за возможные дополнения и уточнения, поскольку данная тема никогда ранее не изучалась специально применительно к озеру Байкал.

Автор

КУЛЬТЫ КАМЕННОГО ВЕКА

ХАНЬХАЙ-БЭЙХАЙ-БАЙКАЛ

Каждого туриста в Пекине неизменно везут в парк Ихэюань, где расположен комплекс дворцовых сооружений бывшего Летнего дворца императоров Китая. Посещение его оставляет неизгладимое впечатление на всю жизнь, ибо увиденное превосходит всякое представление о роскоши, в которой может жить человек. Но император — не человек: уже несколько тысячелетий его образ считался Сыном Неба, а посему должен был находиться в сказочной роскоши.

На вершине горы Ваньшоушань, где блесит золотом причудливая крыша храма «Фосаньгэ», когда-то стоял трон. Отсюда, с высоты орлиного полета, императрица Цы Си державным оком окидывала свои владения, конкретно в черте Запретного города, обнесенного неприступной каменной стеной со сторожевыми башнями.

Если пойти вдоль северной стены, то окажешься в другом, не менее чудесном, уголке центральной части Пекина — парке Бэйхай. Это, собственно, крупное озеро, окруженное холмами и зелеными рощами. Зимой на озере лед, а летом большие красивые лодки катают гуляющих и перевозят на северный берег, где над водой возвышается пять беседок, соединенных между собою изящными абажурными мостиками.

А посреди озера (называемого «морем») возвышается гора, на вершине которой стоит многоэтажная башня, напоминающая большую белую бутылку. Уже со смотровой площадки у ее подножья как на ладони виден весь Пекин, а с вершины башни открывается широкий обзор (по крайней мере, столетие тому назад) на дальние окрестности, ныне занятые современными городскими кварталами.

По-китайски **Бэйхай** означает «Северное море». Согласно легенде, на месте живописного водоема и острова Чуньхуадао тысячелетие тому назад были рисовые поля. Однако император повелел разбить здесь парк. И вот недалеко от его дворца в Запретном городе появилось тогда дивной красоты рукотворное озеро-море, такое большое, что из вынутого грунта выросла целая гора. Другому императору захотелось украсить эту гору причудливыми скалами. Подневольные люди добыли красивые камни, именно такие, какие хотелось Сыну Неба. Их пришлось возить из-под города Кайфына за пятьсот километров. Многие люди погибли в дороге, другие умерли от голода и непосильного труда. Но это не интересовало императора. Вот какой большой ценой создавалась эта сказочная красота!

Это чудное место также входит в экскурсионный маршрут по Пекину, занимая вместе с посещением Запретного города несколько дней. Однако местные гиды вряд ли теперь знают, что искусственное «озеро-море» Бэйхай олицетворяет древние представления китайцев о... сибирском Байкале. Ведь Бэйхаем (наряду с более древним гидронимом **Ханьхай**) издревле называли только этот отдаленный водоем в краю северных кочевников-варваров и еще более «диких» обитателей лесов и снежных пустынь. Там, по их поверьям, жил сам бог Севера, насылавший к югу холодные ветра, моровые поветрия и губительные зимы. Не зря же и вырыли водоем за северной крепостной стеной императорского города и возвели башни в честь прихода весны солнцу и чистой воде. Что касается острова-горы Чуньхуадао, то в нем безошибочно узнается крупнейший остров Байкала — Ольхон — с его горой Ижимей, высотой более километра. Не случайно китайский император ценою тысяч людских жизней добивался придания искусственному острову сходства с сибирским прообразом по такому его ландшафтному признаку, как скалистость восточного склона.

Даже наличие храмовых построек на северном побережье Бэйхая может отражать существовавшие в древнем Китае представления о системе имевшихся селитьб или знаменитых наи-

В парке Бэйхай

*Школьники
на прогулке
в парке Бэйхай*

Общий вид озера Бэйхай с искусственным островом Ваньшоушань

*"Павильон
прозрачных струй
и солнечных дней"
в парке Бэйхай*

В таких лодках отдыхающие катаются по озеру в парке Ихэюань

главнейших культовых шаманских мест, которые китайские послы к прибайкальским динлинам и курыканам рубежа эпох лично видели во время своих дипломатических миссий. Я считаю логичным связать храмовые беседки и башни на Бэйхае с системой обнаруженных на Ольхоне и по берегам Малого моря курыканских городищ, обнесенных рвами и каменными стенами. Есть они и во многих местах западного побережья Байкала. Исследованиями археологов установлено, что не все они являлись крепостями, но иные выполняли роль общеплеменных святилищ. Там проводились наиболее значимые ритуалы, часть из которых возрождается потомками курыкан — западными бурятами. Память о них сохранилась и среди якутов среднего течения реки Лены, полтора тысячелетия тому назад также живших по берегам Байкала и являющихся поэтому народом, родственным бурятам по общему курыканскому предку.

Все это так, но возникает вопрос: при чем тут Байкал, к тому же, «размещенный» не где-нибудь в Китае или Пекине, а непосредственно у стен Запретного императорского города? Чтобы занять столь невероятно почетное место, отдаленный географический объект Северной Азии должен был иметь поистине очень важное место в жизни древних китайцев, на уровне мифологии о сотворении мира и ранней истории государства.

И действительно, достаточно повнимательнее прочитать тексты древнейших китайских мифов и династийные летописные хроники, как открывается неведомый доселе пласт ранних письменных сведений о далеком прошлом как Поднебесной империи, так и нашего сибирского края. Однако письменность эта лишь зафиксировала те географические познания, что бытовали у китайцев задолго до нашей эры в виде устной мифологии о далеких северных странах. При этом выясняется, что озеро Байкал занимало в этой мифологии такое важное место, что ему отведена целая глава в известном каталоге «Книга гор и морей», записанном рисунчатými прообразами китайских иероглифов еще на инь-чжоуских ритуальных сосудах-треножниках

бронзового века. Образно говоря, первым записям «Шань Хай цзина» от 3 до 2 тысяч лет.

Мы придаем этим записям очень большое значение, так как они дословно донесли до наших дней географические, религиозные и этнографические сведения, не искаженные веяниями последующих веков и тысячелетий. Конечно, не все в этих записях нужно принимать за абсолютную веру, многое передано через призму тогдашней мифологии, не все местные реалии Байкала были понятны китайским очевидцам, но записи эти сохранили дух того далекого времени и являются очень ценным «посредником» между познаниями аборигенов Прибайкалья каменного и бронзового веков и этнографической современности. В этом ракурсе сведения из «Шань Хай цзина» («Книги гор и морей») современными исследователями еще не рассматривались.

Не загружая читателя пересказом древнейшего мифологического литературного памятника Китая, выделяю несколько основных моментов бытовавших сведений о Байкале:

1. *Озеро-море Байкал есть страшное место на Севере, куда уходят на вечный покой души умерших предков.*

2. *В море под единственным каменным островом существует вход в потусторонний мир мертвых, который охраняет чудовищный дракон-змея.*

3. *Бэйхай имеет духа-хозяина, превращающегося то в гигантскую рыбу, способную лечь поперек моря и служить «сухопутным» мостиком от берега до берега, то в страшную птицу, то в огнедышащего дракона.*

4. *Если этот владыка моря и всего Севера вставал на крыло и летел на юг, то в теплые земли китайцев приходила губительная зима.*

5. *Пытаясь умиловить злого бога, китайцы приносили особые жертвы наравне с богами других наиважнейших географических объектов общегосударственного значения.*

6. *Поскольку такие жертвы от имени всего народа мог приносить только император, то и был сооружен в Пекине гигантский*

культовый комплекс, отражавший все главные географические достопримечательности далекого Северного моря.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров первых познаний древних китайцев о Байкале.

Называя Бэйхай «Широким морем» или «Великим озером», древние очевидцы говорили о нем так: «Есть Большое озеро, каждая сторона которого в тысячу ли. Птицы там сбрасывают перья». В другом месте подтверждается: «Там расположено Большое озеро окружностью в тысячу ли. Здесь стаи птиц меняют свое оперение». В третьем читаем: «Птицы выводят там птенцов и сбрасывают перья». По берегам озера отмечаются многочисленные родники и реки с холодной и прозрачной водой, так удивившие китайцев, вынужденных утолять жажду из своих мутных водоемов, несущих падающую лессовую пыль от дующих с севера ветров.

Если учесть, что мера длины («ли») у китайцев равнялась приблизительно 500 метрам, то протяженность каждого из двух вытянутых берегов Большого озера-моря равна 500 километрам, что примерно соответствует длине нашего Байкала. Кстати говоря, длина Байкала и наличие чистых впадающих рек удивляли не только древних китайцев, но и тех средневековых арабов, кто попадал на его берега, а на родине испытывал нехватку пресной воды и не знал, что кроме мутных рек существуют и кристально чистые потоки. Вот строки из малоизвестной космографии XII века «Диковинки сотворенного», где Байкал назван арабами **Бахр-ал-Бака**, что в переводе означает «Море, рождающее

Образ мифического божества Северного моря Юй-луна (Юйцзяна).

Древнекитайский рисунок

много слез» или «Море ужаса»: «Бахр-ал-Бака. Это море с удивительной прозрачной и приятной на вкус водой. Оно расположено за морем Алмазов. Всевышний создал его в форме рогов, соединенных вместе. Оно возникло из подземной расщелины. И стонало оно всегда, и будет стонать вплоть до судного дня. И море это находится в постоянном волнении и реве...»

Кажется, более точно не скажешь. Для обитателей жарких пустынь с их солеными озерами и мутными теплыми речушками не только чистота воды, но и сам факт впечатляющих многодневных морских штормов явился географическим чудом. Да и сам водоем, зажатый горами и гранитными скалами, при ширине до 70 и длине более 600 километров казался необъяснимой диковинкой. Ведь если даже сейчас заплывать на середину Байкала и оглянуться, то кроме бескрайнего простора пресной воды в буквальном смысле слова не видно ничего вокруг, особенно ночью или при низко сидящих облаках, закрывающих слабо проступающие на восточном и западном горизонтах синеющие контуры прибрежных гор.

Тут мы снова обратимся к личным впечатлениям древнекитайских дипломатов, ходивших посольствами в земли прибайкальских курыканов в эпоху раннего средневековья. Один из них удивленно писал: «По переправе за морем Байкал на север дни долги, ночи коротки. По закате солнца только что баранья селезенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет. Сия страна близка к месту солнечного восхождения».

В XVIII веке император Цян-Лун, нашедший это донесение тысячеклетней давности, не поверил сообщаемым сведениям и дал собствен-

*Иконографический
образ духа Севера
(Байкала) Сюанью.
Древнекитайский рисунок*

Северный Байкал.

Мыс Лударь с курыканским городищем на его вершине

ное примечание в своде летописных известий всех династий Тунцзян: «Какая правда, — писал он, — в том, что от сумерек до рассвета сварится одно баранье междуплечье? Только пользуясь принесенными хвастливыми словами, записали их в исторические списки. Дело не соответствует истине, не заслуживает передачи на веру».

Но вот еще одна запись китайских послов Танской эпохи, изложенная в «Тан-шу диличжи»: «На север от двух поколений Гулигань и Дубо имеется небольшое море. Когда лед крепок, лошади, идя восемь дней, могут переправиться. На север от моря много больших гор. Жители их по виду (фигуре, — А.Т.) очень крупны. Обычаем походят на гулигань. День длинен, а вечер короток. Так называемое Малое море и есть эти воды». А ведь первую и вторую запись разделяет несколько столетий!

Вновь возвращаемся к «Шань Хай цзину». Географической примечательностью Бэйхая древние мифы называют большой каменный остров посреди его студеной воды: «Если продвинуться по реке (Селенге. — А.Т.) четыреста ли к северу (от ее истока — А.Т.), то увидишь озеро Великое. Там есть гора под названием Столица Предка, окружность в сто ли. Там нет растительности...» В другом месте эту гору-остров называют Змеиной го-

рой, на которой водилось много пестрых птиц. Эти птицы слетались в огромные стаи и своими крыльями застилали солнце. «Это было величественное зрелище!» — восклицают, пораженные видением массового обилия птиц, очевидцы. Около острова в море имелась «Пучина птичьих перьев», куда вышнелетавшие птицы и сбрасывали свои перья.

Байкал издавна славился обилием птиц. Вспомним подобное же удивление ссыльного вождя российских старообрядцев середины XVII века протопопа Аввакума Петрова: «Гуси и лебеди по морю яко снег плавают...» В книге мы покажем, что с птицами — орлами и лебедями, — жившими на Ольхоне, связано мифологическое происхождение бурятского народа. Культ царя птиц *Ихэ-шубууна* или *Хан-хутэ-баабая* до сих пор существует на острове Ольхон. В ряде случаев Божественный орел не только бог-хозяин Ольхона, но и всего Байкала. Древние китайцы также знали этот шаманский образ аборигенов Бэйхая, именуя его владыкой Бэйхая и всего Севера (и студеного северного ветра). Даже «рыбообразная» и «драконоподобная» ипостаси этого божества находят полные аналогии в шаманской мифологии бурят и якутов, о чем мы будем говорить далее. Как и мифологические представления о якобы существовавшем на Ольхоне входе в страшное подземное царство мертвых.

Полуфантастические описания живших на Байкале народов мы опускаем, как выходящие за рамки нашей темы. Упомянем лишь о часто называемых динлинах рубежа эпох, которых китайские послы встретили типичными таежными охотниками и рыбаками. А на острове Ольхон жили какие-то «вислоухие» (так названные по длинным ушам традиционных меховых шапок-малахаев?): «Народ Царства вислоухих <...> питается просом, живут на острове в Северном море <...> Города их стоят на море»; «Это были мрачные и унылые места, имевшие много колдунов», то есть, вероятно, шаманов. Многие байкальские жители обитали в прибрежных пещерах, «не видя солнечных лучей». Любопытно, что и якутские мифы, рассказывая о своей утраченной прародине на берегах Байкала, также говорят о

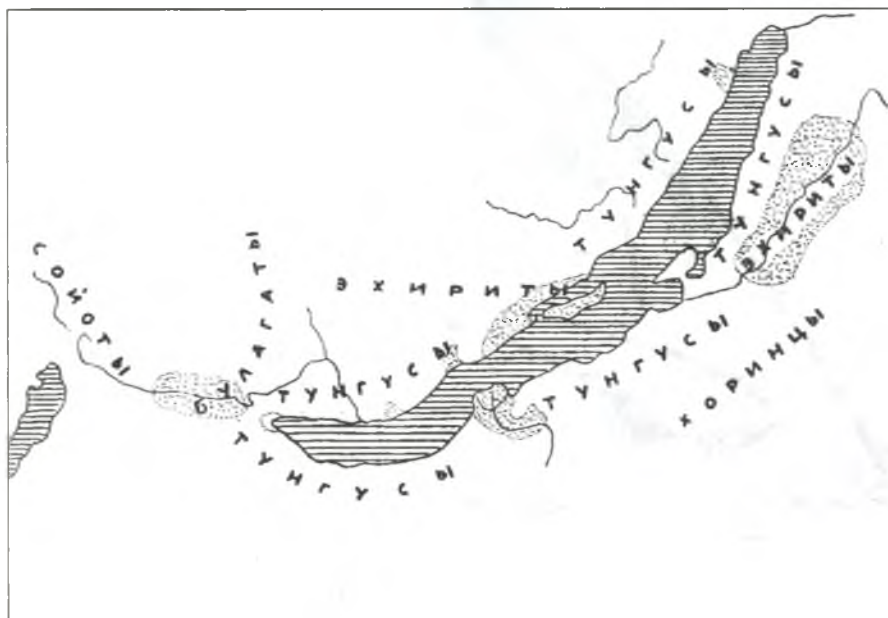

*Древний ров укрепления на курыканском городище
еще неплохо сохранился*

жительство в пещерах с закрытыми шкурами животных входами, а дым от разводимых внутри костров и очагов выходил через «дуплистый пень». Таковых пещер на Байкале действительно немало, но больше всего их, как ни странно, в Приольхонье. Археологические раскопки показали обитаемость всех их не только в эпоху курыкан, но и каменного века. Часть памятников связывается местными бурятами с жившими в старину здесь якутами. А динлины-курыканы, напомним, являлись общими предками и якутов, и бурят. И, что важно, именно на острове Ольхон, на земле «длинноухих», обитал, по рассказам древних китайских информаторов, бог Байкала и Севера «с человеческим лицом и туловищем птицы».

БАЙКАЛ — «СВЯТОЕ МОРЕ»

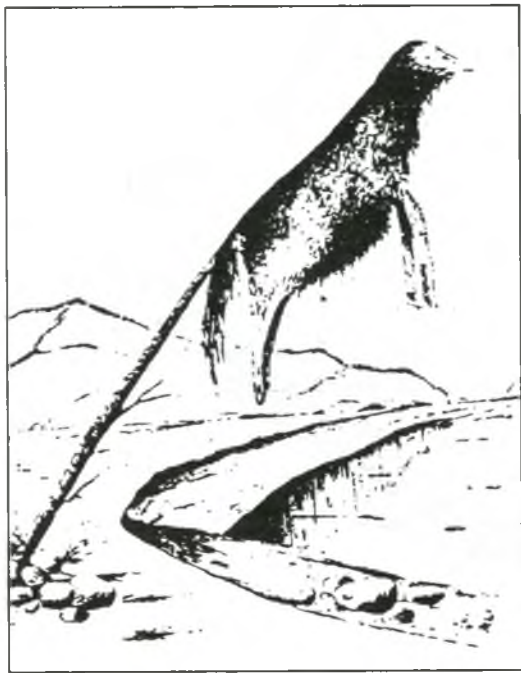
Далекий XVII век. Один за другим продвигаются в глухие Дуголки Сибири отряды «служилых» людей, за которыми, гонимые мечтой о воле и счастливой доле, покидали родные края и шли на восток «промышленные», «пашенные» и просто «гулящие» люди. И по мере удаления за великую реку Енисей все отчетливее распространялись слухи о том, что где-то впереди, за высокими горами и дремучими лесами, имеется диковинное море: пресное, глубокое и обширное, на берегах которого живут дикие кочевые племена охотников и рыболовов. А сами поморы говорили, что в неизведанных глубинах водоема обитают страшные животные типа «извергающих огонь» змеев-драконов, гигантские рыбы и птицы и прочая чудовищная тварь.

*Расселение коренных этнических групп
на берегах Байкала на начало XVIII столетия*

А еще, мол, на его дне существует мир умерших предков, страна покойников и вредоносных существ. И будто бы озеро-море имеет своего сурового духа-«хозяина», языческое божество, которое нужно задаривать жертвенными приношениями.

Судя по архивным документам того времени, россияне не очень-то и верили в подобные рассказы местных аборигенов, считая их побасенками. Иное дело — иностранные послы и путешественники, хотя поначалу они смеялись над шаманскими суевериями. Один из них, Исбрандт Идес, к примеру, писал: «Их богослужение состоит единственно в том, что они несколько раз в году с преклонением головы воздают некоторые почести дохлым козлам и овцам, которые прикреплены перед их

*Шкура жертвенной лошади
близ мыса Бурхан.*

Рис. П.П. Хороших

жилищем <...> О другом богослужении не знают они ничего, да и не хотят знать; несмотря на это, они имеют своих священников, которых они убивают, когда им это заблагорассудится, и хоронят, кладя около них деньги и платья. <...> когда озеро Байкал, близ которого находится гора, почитаемая ими священной, и до которой два дня пути. На этой горе приносят они свою клятву, кто же присягнет ложно, тот, по их мнению, не сойдет живым вниз. На ней приносят они также в жертву убойный скот».

Мы процитировали запись И. Идеса только

потому, что она является первым письменным свидетельством о шаманских культах на берегах Байкала: святая гора, им упомянутая, это, вероятно, **Шаманский камень** в истоке Ангары, на котором подобный обряд действительно проводился вплоть до начала XX столетия.

Но есть в записках Идеса еще один интересный момент, который все же отражает степень преклонения русских перед грозной и всесокрушающей силой Байкала, унаследованную от бурятско-эвенкийских аборигенов и, по большому счету, дожившую до наших дней. В конце XVII столетия русские поселенцы предупреждали новичков не называть озеро своим именем, но говорить Далай, то есть «море», в знак уважения. При этом добавляли, что путешественники, которые не прислушивались к их советам, при переезде через Байкал подвергались жестоким штормам, а иные и погибали в бушующих волнах. Вот как рассказывал об этом суеверии сам Идес:

«Я забыл упомянуть, что когда хотел спускаться на озеро у монастыря св. Николая, который расположен недалеко от того места, где вытекает река Ангара, местные жители пришли нарочно увещевать меня, чтобы я не называл Байкал озером, пока буду по нем ехать, но всегда называл бы его Далай, что значит море, так как, по их словам, все путешественники, которые не слушались их совета, подвергались многим опасностям от буйного ветра, который поднимался как раз в момент их проезда через него. Я начал смеяться этому нелепому утверждению и решил испытать, оставит ли море безнаказанным это мое оскорбление. Я поручил себя воле божией и поехал. Когда я был на самой середине переезда, я велел подать себе рюмку водки и, выпив за здоровье всех европейских христиан, призвал его в свидетели, называя его озером, что означает стоячую воду, но ветры не только не прогневались на меня, но даже успокоились, и оскорбленное мною море покорно снесло меня на своей спине вплоть до острожца Кабанского, первого места в Даурской провинции, причем день был тихий и совсем ясный. Не нужно ли сожалеть о невежестве народа, который находится в таком суе-

верии, вместо того, чтобы поручать себя Богу, который все создал и всем обладает, кому и море, и ветры послушны?»

Похожую историю рассказал в начале XVIII столетия англичанин Джон Белль. Попав на Байкал, он стал расспрашивать штурмана корабля о достопримечательностях здешних мест. Не ведая существовавшего запрета, он прямо-таки «оскорбил» водоем, назвав его озером. Штурман возмутился и поведал, что Байкал принято именовать морем, причем святым. И окрестные горы также являются святыми. В назидание несведущему англичанину он поведал историю, как однажды осенью ветры и волны начали швырять его судно от берега к берегу, не давая пристать к суше. Да так, что люди на нем едва не умерли от страха и голода. Тогда штурман начал молить о прощении у «Святого моря». С тех пор он строго соблюдает обычай: всегда говорить о Байкале с большим почтением и не называть озером.

Случай этот произошел в 1720 году. А спустя пятнадцать лет нечто подобное приключилось с академиком И. Гмелиным, направлявшимся во Вторую Камчатскую экспедицию. Он рассказал о нем своему коллеге И. Георги, выезжавшему следом для изучения Байкала. Особенно страшной для него была буря 16 сентября 1735 года. Корабль швыряло в волнах, доски бортов трещали и готовы были разломаться в щепы. Испуганные матросы беспрестанно произносили молитвы, бросая в воду куски хлеба, рыбы, монеты, стараясь жертвенными приношениями умиловить гнев «Святого моря». А Гмелина и его спутников сердито попрекали за то, что это они навлекли гнев Байкала, презрительно назвав его озером.

Даже столетием позже мистический страх местных народов перед Байкалом не иссяк. Так, моряк-декабрист М.К. Кюхельбекер, живший на поселении в Баргузине, писал: «Байкал величают здесь морем и рассказывают здесь про него разные диковинки, напр., что он не терпит, когда его кто назовет озером, и мстит за такую дерзость бурей». И в конце XIX века о том же сообщал ссыльный польский ученый-лимнолог Б.И. Дыбовский, изучавший южную часть озера. Когда он от-

правлялся рубить проруби для промеров глубин, местные жители отговаривали от этого мероприятия, предрекая гибель от гнева Байкала. И в XX столетии рыбаки по-прежнему именовали озеро морем, а в каждой рыбацкой лодке размещалось некоторое подобие походных часовен с иконами и горящей лампадкой. Перед путиной проводили молебен на берегу, во время лова бросали жертвы духу водоема, прося богатой добычи. Невероятно, но даже в наши дни это суеверие столь же живуче, как и сотни лет тому назад. Например, когда глубоководные обитаемые аппараты «Мир» начали исследовать недостижимый доселе мир глубин Байкала, произошедшие катастрофические землетрясения силою в 11 баллов 2008 года и серию более мелких местные поморы «объяснили» так: старик-Байкал гневается на то, что «Миры» «царапают» его дно. Я сам был свидетелем общественного недовольства некоторых бурятских жителей побережий проведением научно-исследовательских работ.

Вот такова многовековая традиция обожествления озера Байкал русскими, перенятая от предшественников-аборигенов и насчитывающая не одну тысячу лет. Где истоки этой традиции? Каков пантеон «байкальских» божеств? Какие ритуальные действия существовали в шаманизме?

НАБЛЮДЕНИЯ АКАДЕМИКА ГЕОРГИ

В далеком 1772 году академик И.Г. Георги со штурманом Алексеем Пушкаревым на простой весельной рыбацкой лодке совершил смелое путешествие вдоль всего побережья озера Байкал длиной более 1000 верст. И всю дорогу он не переставал удивляться не только первозданной красоте окружающих мест, но и обилию шаманских святых капищ на прибрежных диких утесах и в густых дебрях горной тайги. Из изданного три года спустя путевого дневника исследователя европейский читатель узнал, к примеру, что «недалеко от истока Ангары есть гранитная скала, называемая Шаманской, сажен семи в окружности, выдающаяся на сажень из Байкальского озера, но почитаемая шаманами и ламами за место пребывания <...> Белого бога, которому они и приносят на скале жертвы». Георги поведал современникам и о том, что, по бурятским поверьям, горы, леса, ключи и утесы населены различными духами, которых необходимо угощать, чтобы умилиستивить божеств Байкала: «туземцы молят духов об отвращении несчастья и вымаливают у них богатую добычу рыбы, тюленей, птицы и проч.» Есть в дневнике красочные описания языческих капищ острова Ольхон и встречи академика «с весьма смышленной шаманкой».

С большим трудом мне удалось отыскать в научных библиотеках изданную 235 лет тому назад книгу И.Г. Георги. Это оказался большой по объему фолиант с неровными буквами на толстой грубой серой бумаге. Но только четвертый том давал описание Северного Байкала и встреч с живущими там тунгусами, их родоплеменных шаманских капищ. Подлеморские охотники на нерпу, обитавшие стойбищем в устье реки Фролихи — ламагирты, намясинцы и намегиры — показали ученому свою Шаманскую скалу, где издревле производились клятвы-присяги (адакачан), длившиеся три года. «Тяжкая клятва, — писал Георги, — заключается в том, когда обвиняемый, влезши на

свято почитаемую гору, как н.п. на восточной стороне Байкала на Шаманскую скалу, находящуюся неподалеку от теплых вод при реке Фрелихе (Фролихе — А.Т.), воскричит: «Ежели я виноват, то пускай умру, или лишусь детей и скота, не буду никогда на зверином промысле счастлив, ниже в рыбной ловле!», то есть говорит то, что ему приказано клясться».

Клятва на Шаманской скале осуществлялась еще в двух видах. «Самая последняя состоит в том, что обвиняемый берет нож и размахивает оным против солнца, говорит: «Ежели я виноват, то пусть солнце повелит болезням разметываться в моей внутренности так, как размахивается сей нож». Самая же большая присяга «состоит в том, что убивается собака возле огню, прободается копьем, а потом или сжигается или просто бросается, обвиняемому же дают испить несколько ее крови, причем должен он говорить: «Кровь сию лью я на правде, а буде лгу, то пускай погибну, стору или изсохну, как сия собака».

Описанную Георги Шаманскую скалу я увидел высоким скалистым утесом в северной части бухты Фролихи, заросшую ле-

Орочонский табор

Летнее стойбище ороchon. С открытки XIX века

сом. Обследовать каждую расщелину в поисках следов жертвенных приношений или тех же костей собак не имел возможности, однако, у ее подножья, в рыхлых отложениях береговой песчаной косы, волны Байкала вымывают каменные орудия труда и обломки глиняной посуды эпохи неолита. Говорит ли это о том, что культу святой горы северобайкальских эвенков не менее 5 тысяч лет, или это материальные следы древней стоянки охотников и рыболовов? Однако Георги, любуясь величественным видом берегового утеса, записал в своем походном дневнике: «Не редко и целые каменные горы ради необыкновенного их вида почитаются идолами, как н.п. Шаманская гора в восточной стороне от Байкала, и другие».

Однако имелось некое шаманское капище и на самом стойбище местных тунгусов. Это был, по И.Г. Георги, деревянный идол, «сплетенный из древесных ветвей», с принесенными ему в жертву птицами (дом). «Дом их есть стоячий крест с распятою птицею. Сделанное их подобие человеческое чучело из ельнику называют они Боге».

Боге (И.Г. Георги), безусловно, есть эвенкийское *буга*, означавшее «небо; небесный свод; мир; Вселенная; родина; земля; место; область; страна; бог». Столь широкий спектр значений шаманского персонажа ведет нас в давний мир идеографических понятий по типу того, как древнекитайские иероглифы, рожденные из древнейших ритуальных рисунков, до сих пор имеют множество значений, и успех переводчика зависит от того, насколько удачно он выберет заложенное понятие. Во время посещения Георги тунгусского стойбища информаторы дали ученому совершенно другой перевод слова «боге», как это принято сегодня. По Георги, «верховное или вообще божество называют Боа, дьявола Буги».

Интересно, что в 1905 году исследователь Байкала А.М. Станиловский, посетив устье р. Фролихи, нашел в прибрежном песке большое количество «черепов тунгусов». Связаны ли они с эвенкийским родовым некрополем или с захоронениями шаманов — сказать невозможно. Однако таежные охотни-

Эвенки-рыболовы на р. Сосновке (Северный Байкал).

С открытки XIX века

Старинный рисунок эвенкийского стойбища. В верхнем левом углу "мировое дерево"; правее — ритуальное действо у костра; в правом нижнем углу — чум шамана с камляющим жрецом

ки и рыболовы не хоронили умерших там, где они проживали. Массовость же черепов можно объяснить случившейся в XIX столетии повальной эпидемией оспы, когда в один момент вымирало все стойбище, и хоронить людей было некому. Однако находка А.М. Станиловского «перекидывает» мостик со времени И.Г. Георги до наших дней: значит, это и есть следы информаторов российского ученого, жившие здесь родовым стойбищем из 12 чумов (семей)?

Рассказали тунгусы и о высокогорном озере Ассинга (совр. Фролиха), почитаемом бездонным, в глубинах которого, якобы, обитают страшные зловредные духи-божества. Из-за боязни стать утопленниками местные жители совершенно не занимались на нем рыбным промыслом: водоем буквально кишел весьма ценным видом байкальской форели — красной рыбой да-

ватчан. Есть интересное указание географа К. Риттера о том, как студент Лебедев за короткий срок добыл примитивной остро-гой 30 крупных особей этой весьма вкусной рыбы.

Но культовое значение имела не только бухта Фролиха. Неясно, бывал ли Георги в соседнем заливе Байкала Аяя, но на эвенкийском языке слово **яя** дословно означает «шаманить». Если быть более точным, то это такая часть шаманского камлания, когда происходит ритуальное пение-просьба о благополучии, обращенная к духу священного огня. **Яян** же означает «шаман». Так что и в этой бухте жил тунгусский жрец, проводивший соплеменникам некие ритуальные богослужения о достижении промысловой удачи на охоте или в рыболовстве.

Из дневников Георги явствует, что побывал он на береговом утесе **Хаман-кит**, находящемся на южном конце бухты Хакусы со знаменитым горячим источником. Есть мнение, что топоним **хаман** означает «шаманский», а **кит** — с кетского «человек». Отсюда, мол, буквальное понимание «шаман-человек». В прин-

Тип эвенкийского культового места "чилчилкан"

ципе, это верно, но дадим небольшое уточнение. Учитывая своеобразный баргузинский говор здешних поморов Байкала, слово **хаман** нужно произносить от слова **саман**. В эвенкийском языке **саман**, **саманил**, **самандры** обозначает одно из четырех значений смысла слова «шаман», «шаманить». Здесь корень **саман** обозначает наименование всех ритуальных телодвижений (пляску, прыжки) шамана во время камлания. Б.В. Болдырев в свое время высказал мысль, что корень **саман** в современном эвенкийском языке неотделим, но исторически и этимологически его можно расчленить на **са** — «знать» и **манн** — «имеющие склонность к действию».

По данным Георги, **Хаман-кит** — это «особо чтимый утесистый мыс Святого моря» (т.е. Байкала).

К. Риттер, пересказывая сведения своего предшественника, писал: «Между множеством его скал особенно возвышаются три, подобно отвесным столбам, футов на 200 (около 30 саженей) над поверхностью озера. Одна из них похожа на колоссальную человеческую голову с саженным носом и глубокими темными впадинами, похожими на глаза; в расселине, представляющей рот, гнездятся целые стаи морских ворон или бакланов, которые вообще водятся на этом берегу Байкала. Два других скалистых столба из темного кварца роговиковой породы не имеют столь определенной формы».

*Скала Хаман (Шаман)-кит.
Общий вид*

По сведениям, собранным И.Г. Георги, местные тунгусы XVIII столетия называли это **мыс Хаман-рил**, причем принимали первый столб за морского бога *Дианду*, а два других столба — за более низшие божества. «Оттого туземцы весьма чтут столб, — пересказывает Георги К. Риттер в 1879 г., — что шаманы ездят даже на поклонение Дианду, для того, чтобы он воспретил морским волнам потоплять упавших в озеро тунгусов, чтобы он повелел волнам пригонять к берегу стада рыб и т.п.» В другом месте Риттер еще раз подчеркивает, что Шаманский мыс есть жилище «морского бога Дианду с двумя низшими божествами».

Следуя маршрутом И.Г. Георги, мне довелось также посетить бухту Хакусы и совершить осмотр священного в прошлом берегового утеса, затерянного в густых лесных зарослях, причем подножье его представляет россыпь крупных валунов, покрытых густым слоем лишайников. В «человеческом» облике скалы действительно проглядывает нечто «обезьянье»: глаза под массивными надбровными дугами, огромный нос. На высоте около 20 м над уровнем воды оказалась довольно большая пещера арочного типа с почти идеально гладкими стенами и таким же ровным полом. Ширина пещеры почти повсюду составляет 5–7 метров, высота — до 8, длина же неизвестна, так как после 20 м наступила крошечная темнота,

Скала Хаман-кит (пещера)

Скала Немнянда (общий вид)

и продолжить путь без осветительных и страховочных средств было опасно. По той же причине не удалось установить наличие на стенах подземного зала древних наскальных рисунков, которые являются обычным явлением в подобных случаях. Зато перед входом в пещеру я долго любовался высоко выступающим из воды идеально квадратным камнем, словно побывавшим в руках каменотеса. Он, скорее всего, мог использоваться в качестве алтаря для жертвоприношений во время совершения ритуальных шаманских обрядов. Следов современного почитания пещеры не заметно, но информаторы говорят о проводившихся здесь в далекую старину молениях эвенков. О том же писал известный натуралист Байкала О.К. Гусев (1978): «Хаман (Шаман)-кит — место совершения шаманских обрядов». Ранее Ф.К. Дриженко (1908) записал от подлёморских эвенков такую информацию: «В былые времена они занимались тем, что с лодок пускали стрелы вверх около этой пещеры, состязаясь, кто дальше пустит стрелу,

поэтому и скала эта получила название Хаман-кит, что означает «Мыс стрел».

Объяснение топонима русским человеком неверно, но сведения о пуске стрел привлекает внимание. Да, это было местное святилище, заповедное место, куда человеку запрещалось причаливать с лодки, чтобы не осквернить жилище бога Дианду в той самой пещере. Что касается древней традиции пускать стрелы в сторону почитаемого утеса, то дело здесь вовсе не в спортивном состязании. Этот обычай был широко распространен среди сибирских народов с глубокой древности, о чем много писали ученые и путешественники прошлых столетий.

После Хаман-кита И.Г. Георги посетил стойбище тунгусов в устье реки Томпуды (сегодня это территория Баргузинского заповедника). Здесь он нашел захоронение шамана и висящий над ним ритуальный бубен (барабан). К. Риттер так пересказывает своего предшественника: «Шаманы и другие хотят истлеть на чистом воздухе, посеку и покрывают их только камнями и

Скала Немнянда (пещерки)

хворостом, у первых же вешают еще и барабан <...> Похороны отправляют приятели без всяких обрядов; а потом один после другого потчует покойника, ставя на могилу его пищу и питье; и сие называется у них шитурал».

Указание на жертвоприношение (поминки), устраиваемые сородичами в течение последующего после похорон времени (и даже поколений), свидетельствует о том, что со дня погребения шамана его могила становилась культовым местом. Впрочем, похожее, хотя и несколько оригинальное, объяснение дает и сам И.Г. Георги: «Поелику они (шаманы) при жизни упражняются в умиловлении богов и злых духов, почитают свои волшебства за нужные и причисляются по смерти к святым, имеющим участие в судьбах живых людей и приносимых ими жертвах, то ожидают себе впредь благой участи. Для избежания искушения земных духов и для собственного своего очищения предсказывают по большей части тела свои по смерти сжигать».

Этнография на Байкале имеет немало примеров, когда с момента погребения места захоронений родовых шаманов считались важнейшими культовыми памятниками, ибо наряду с некрополем запретной священной территорией становилась и сама роща (бор), где нельзя было не только рубить деревья, но и останавливаться на отдых и тем более жить. До тех пор, пока людская память передавала традицию культа погребенного шамана, проходившие мимо путники обязаны были делать жертвенные приношения его духу, превратившемуся в «хозяина» определенной географической территории.

Подобных жертвенников (мест погребений шаманов) было немало вдоль кочевых троп по северо-восточному побережью Байкала, именовавшемуся Подлеморьем. Это заметил еще И.Г. Георги, сказавший: «В путешествиях приносят в жертву горам и рекам, через которые переправляются, больше ельник, несколько кусков мяса, рыбы или сыр, пучки волос от конской гривы, небольшие кожи, шубные или суконные лоскуты и проч. Принесенное в жертву горе вешают на дерево, которые тунгусы называют налакитом».

Налакиты (И.Г. Георги), безусловно, есть **улгакиты** — эвенкийские молельни на вершинах перевалов, сохранившиеся в некоторых местах до наших дней. «Каждый проезжающий охотник, — пишут современные этнографы, — считал обязательным останавливаться у улгакита, оставить там какую-нибудь вещь и повторить свою просьбу к духам-хозяевам гор».

Одного из таких налакитов И.Г. Георги встретил в соседней бухте Давше, где проживала особенно крупная группа подлеморских тунгусов. Здесь горный пик в долине р. Кудалды считался одним из самых крупнейших святынь этого народа, что свидетельствует о его более глубокой древности, чем встреченные недавние захоронения родовых шаманов. Территориально этот пик совпадает с самым крупным святым местом баргузинских эвенков и бурят — **горой Барагхан**, достойной отдельного рассказа. Но при нашем посещении бухты мы обратили внимание на гранитную скалу в северной части побережья с названием **Немнянда**. Это слово согласуется с эвенкийским нимнан, буквально означающим «шаманить» и имеющим два пояснения: сказание и камлание (совершение ритуального обряда). В связи с полным отсутствием здесь эвенкийского населения получить какие-либо сведения о данной скале не удалось.

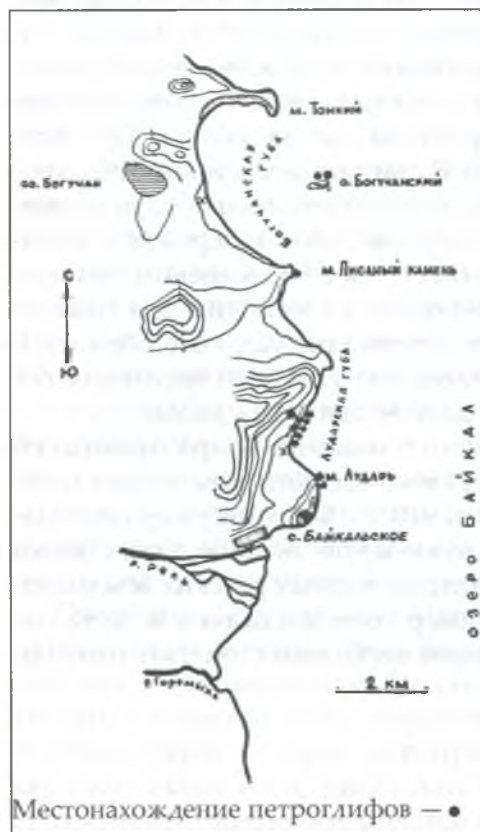
К «налакитам» следует отнести и название **озера Арангатуй** в Чивыркуйском заливе. На бурятско-эвенкийском языках аранга означает одно: деревянный помост с костями умершего шамана. Где находилось это культовое место, пока не ясно. Однако топоним встречается еще в отписках первых русских землепроходцев XVII столетия. Вот пример того, насколько живуча память соплеменников об умершем несколько столетий тому назад шамане!

ОТКРЫТИЕ ИСЧЕЗНУВШЕГО МИРА

В наше время кораблей и самолетов было бы неестественно пройти путем академика XVIII столетия И.Г. Георги на гребной весельной лодке вокруг всего более чем 1000-километрового побережья Байкала, хотя, справедливости ради, именно такое

неспешное путешествие и дает исследователю многое, что не улавливается при современных средствах передвижения. Но на Северный Байкал, куда нет иного доступного пути, я полетел самолетом.

Северный Байкал открывается постепенно, как бы неохотно, но пленяет и завоевывает глаза сразу, как только вступаешь в его пределы с ложногольцовыми формами берегового рельефа, где даже летом на горных пиках лежат нетающие снега. Мне он открылся тотчас, как только самолет АН-24 приглушил ревущие двигатели и пошел на посадку. Иллюминаторы накренившегося борта охватили черно-синюю бездну Байкала, белые гребешки набегающих волн и рваные поля последнего тающего в

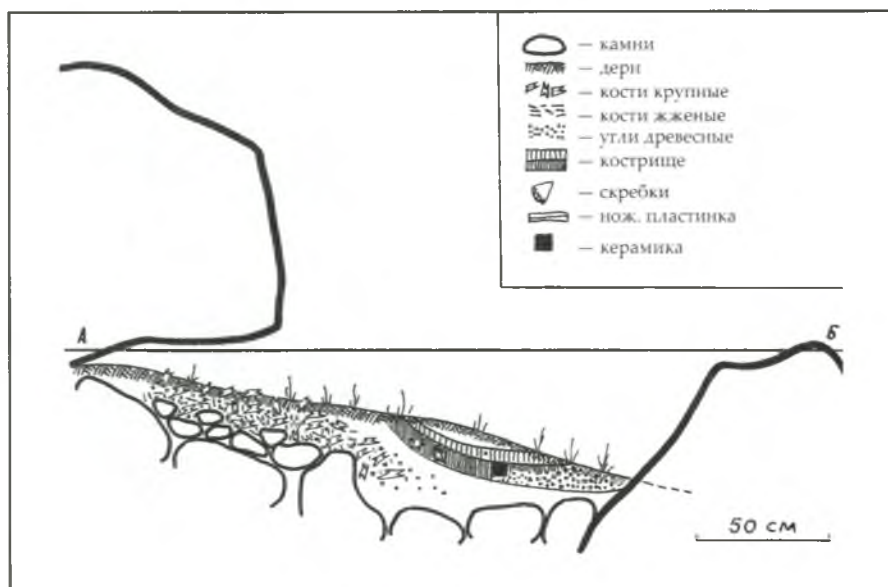
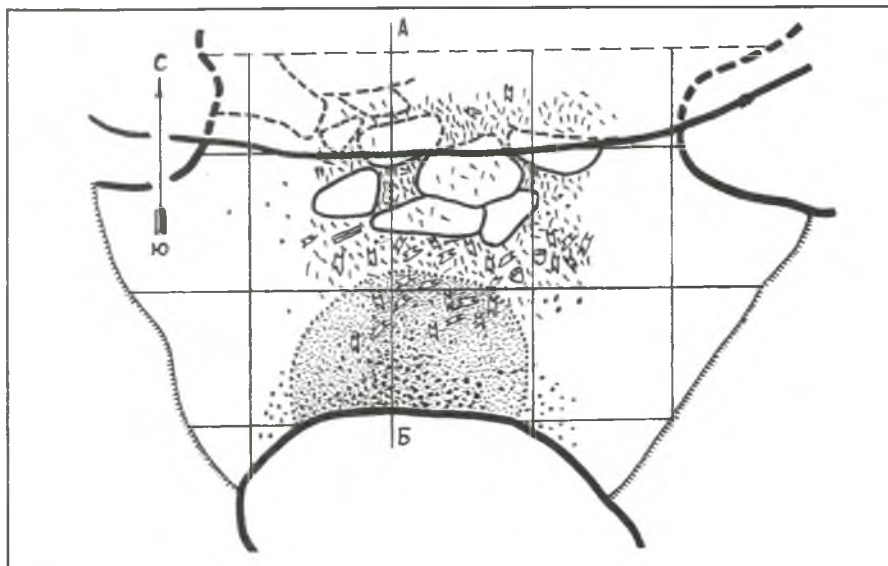
*Расположение петроглифов
у с. Байкальского*

июне льда. Сделав разворот, самолет вновь выпрямился, и тогда я увидел бесконечные на восток гряды крутого Баргузинского хребта, высокие пики которого еще были покрыты густыми шапками снегов. Еще дальше белая пелена соединила землю с небом: там шел летний (!) снегопад. Совершенно необычная ассоциация с жарой, которую мы покинули пару часов назад в Улан-Удэнском аэропорту. Тогда, ожидая посадки, мы изнывали от июньского пекла и слушали звонкое стрекотание кузнечиков в цветущей забайкальской степи на окраине столицы Бурятии. А здесь все еще царствует зима с ее порывистым студеным ветром, холодными льдами и сверкающим белым снегом. Что ж, север есть север, и в этом его прелесть.

Начало этой поездки было положено несколько лет тому назад, когда я еще состоял аспирантом Института истории, филологии и философии СО РАН и числился учеником знаменитого академика А.П. Окладникова. Работая над книгой о прошлой и настоящей жизни эвенкийского народа Севера Бурятии, я также прибыл в Нижнеангарск весной, но густые снега здесь еще не думали таять. Тем не менее однажды через глубокие сугробы я побрел к одиноко стоявшей на краю поселка гранитной скале. И каково же было мое удивление, когда сквозь красноватую окраску каменной стены,

*Лысая Гора с петроглифами
на Северном Байкале*

Лысая Гора. План и разрез жертвенного места под валуном

обращенной к Байкалу, заметил еле видимые охристые линии, окружности, пятна, фигурки птиц и людей... Они складывались в некую обширную композицию с неизвестным пока смыслом.

Я долго стоял у скалы, раздумывая, каким же образом можно скалькировать древние рисунки в лютый мороз, добраться до самых верхних из них, пока подкравшиеся ранние северные сумерки не поставили крест на моих намерениях. Рано утром я улетел в Улан-Удэ с чувством открытия самых северных на Байкале петроглифов, с намерением приехать сюда летом для последующего исследования интересного памятника первобытного искусства. Однако текущие дела не дали возможности совершить планируемой поездки ни летом, ни в последующие годы.

Между тем, консультации с руководителями археологических экспедиций в зону БАМа убеждали, что найденный памятник не известен никому из коллег по науке. Доцент Иркутского государственного университета В.В. Свинин, накануне раскопавший на вершине той самой скалы поселение каменного века, долго раздумывал над моим сообщением и затем сказал:

— Вполне может быть. Я не занимался поисками рисунков.

Чуть позже аналогичный разговор состоялся в Новосибирске в рабочем кабинете академика А.П. Окладникова. Доктор исторических наук, ныне академик и ученый секретарь Отделения истории Российской академии наук А.П. Деревянко удивился:

— Петроглиф у Нижнеангарска? Я прошел эти места и даже внимательно обследовал скалу, но никаких рисунков не заметил.

— Тем не менее они есть.

— А вы не можете изобразить приблизительную схему композиции?

После просмотра моего схематичного наброска рисунков Деревянко дал заключение:

— Что ж, композиция характерна для «таежных» петроглифов Сибири. Если это действительно так, то вы у порога открытия. Желаю удачи.

И вот спустя пять лет я снова у подножья «писаной» скалы. Те же непонятные загадочные знаки. К ним добавились новые, оставленные современными «художниками». Часть утеса отшелушилась и повредила несколько древних изображений. Однако самое неприятное заключалось в том, что у подножья зияло пробуренное отверстие.

Мой друг на БАМе, художник Александр Гарбузов, живший в районе утеса на берегу **реки Сырой Молокон**, пояснил при встрече:

— Вовремя приехал. В конце лета было бы уже поздно. Здесь проектируется проложить трассу Байкало-Амурской железной магистрали, и скалу подготовили под взрыв в целях безопасности. Ведь осенью мы ожидаем первый поезд. Поэтому строители спешат.

Забегая вперед, скажу, что поднятая мною тревога в республиканской печати остановила разрушение интересного памятника древнего наскального искусства на северном побережье Байкала.

После увлажнения поверхности скалы водой проступили новые, ранее не видимые, изображения, а известные приобрели более четкие и понятные очертания. Когда рисунки обвели мелом, скала «заговорила». Перед нами предстала композиция в виде символа Солнца и Луны, диких животных, деревьев, охотников, птиц, счетных пятен... Да это же типичная в деталях сцена охоты и размножения промысловых животных, во многом аналогичная тем, что выявлена А.П. Окладниковым, А.И. Мазиным и другими на петроглифах Ангары, Лены и Зеи. Те же сцены широко распространены по всей Сибири от Енисея до Приамурья и теоретически связываются с неолитическими предками эвенков, продолжающих считать такие скалы своими родо-племенными святилищами и до сих пор совершающими на них шаманские ритуальные обряды. Они же «читают» смысл древних наскальных рисунков как пиктографическую запись древних молитв духам-хозяевам местности, от которых зависят удача на промысле и благополучие семьи.

Несколько дней под студеным порывистым ветром и морозящим дождем со снегом мои помощники по экспедиции калькировали рисунки древних на полиэтиленовую пленку, чтобы затем в камеральных условиях перевести их на бумагу и подготовить к научной публикации. Для этого требовалось точно зафиксировать не отдельные знаки или их комбинации, а скопировать всю площадь до 25 квадратным метров, причем самые верхние из рисунков мы доставали только при помощи наспех сколоченной лестницы.

Вторым этапом предстояло путем раскопок обнаружить остатки жертвенных приношений у подножья скалы и попытаться их датировать. И этот этап исследования принес удачу: найдены остатки ритуального кострища с большим скоплением обломков костей животных, нескольких каменных орудий труда и фрагментов типично неолитической керамики. Но настоящий «клад» ожидал нас в узкой щели под громадным валуном. Уже при беглом осмотре почвы внимание привлекло несколько крохотных обломков костей. Раскопки вскрыли около 3000 мелких фрагментов костей лося, частью обожженных, частью расколотых. Все они так же лежали в древнем очаге с другими остатками пиршества и каменных орудий труда.

Картина былого культового места вырисовывалась довольно ясной и понятной. Тысячи лет тому назад охотники и рыболовы северного побережья Байкала в дни ритуальных шаманских празднеств подходили к эффектному утесу в устье реки Сырой Молокон, разводили костры, клали духам местности жертвенные приношения мясом диких животных, рисовали на камнях магические знаки-символы с просьбой о благополучии семейно-родовой общины. И есть основание полагать, что этими людьми были отдаленные предки современных эвенков, поскольку еще столетие тому назад они все еще совершали здесь шаманские обряды. Об этом красноречиво свидетельствуют найденные под скалой и более поздние по времени предметы — монеты, поплавки от рыболовных сетей, обломки железных ножей, патроны от ружей и т.п. Некоторые детали наскальной компо-

зиции известны и в современном декоративно-прикладном искусстве местных аборигенов. У них же до сих пор бытует традиция жертвенного подношения мяса животных духам утеса и ритуального захоронения костей после коллективной трапезы.

Реконструкция древних святилищ — дело трудное. Одно дело — изучать шаманские капища байкальских поморов этнографической современности, порою даже присутствуя при совершении обрядов, но совсем другое — доказать, что подобные культовые объекты действительно существовали у их далеких предков в каменном и бронзовом веках: нужно сначала найти эти самые памятники, а потом уже по сохранившимся деталям попытаться воссоздать образы почитавшихся божеств и формы обрядовых действий.

Помог счастливый случай. Еще во второй половине XIX столетия Н.Н. Агапитов, исследуя доселе не известные наскальные изображения на мраморных утесах побережья Байкала, увидел сходство некоторых рисунков с бурятскими шаманскими онгонами и обратил внимание на то, как буряты их называют. Для них это были священные письмена древних зурак, до сих пор пользующиеся глубоким религиозным почитанием. Отсюда впервые был сделан вывод о большой древности современных шаманских капищ на берегах Байкала.

Профессор Петербургского университета Б.Э. Петри, в 1912 году всесторонне изучив многослойное поселение Улан-Хада на Ольхоне, пошел еще дальше: он утверждал, что древние поморы Байкала эпохи неолита полагали, будто видимым миром управляют всевозможные духи-хозяева отдельных мест побережья: гор, лесов, озер, рек... От их благорасположения зависело благополучие древних поморов: как рыбаку ему было важно доброе отношение водяного хозяина, ибо тот являлся щедрым или скупым (в зависимости от характера жертвенного приношения) даятелем рыбы. Причем владыка Байкала — это мифическое существо в образе рыбы с конечностями человека.

Фигурки рыб, сделанные из камня, человечки из кости с рыбьими хвостами, скульптурки из глины и камня — все это, по

мнению Б.Э. Петри, несомненно, идола-иконы, которым молились и приносили жертву.

И тем не менее сущность древних языческих капищ на берегах Байкала все еще остается малопонятной. Даже известные науке вот уже третье столетие местные петроглифы все еще остаются загадочными археологическими памятниками. Не ясен их абсолютный возраст, почти никто всерьез не занимался расшифровкой наскальных изображений. Между тем данный тип памятников, как показал в своей монографии А.П. Окладников, является наиважнейшим и ценным источником по изучению духовной культуры наших далеких предков. Как справедливо писал академик: «С их помощью мы можем приоткрыть завесу в самую сложную и трудную для понимания область древней культуры, войти в мир идей и чувств, волновавших наших предшественников много веков тому назад».

До 1978 года древние наскальные рисунки на озере Байкал были известны лишь в сравнительно узком районе — на западном побережье Малого моря. Выбитые и вырезанные на мраморной, почерневшей от времени, корке живописных утесов, они почитались бурятами с незапамятных времен. Считалось даже, что рисунки эти сделаны рукою невидимых владык Байкала, живущих на прибрежных скалах. Буряты называли эти божества по именам, хорошо знали их «генеалогию», совершали различные жертвоприношения и обращались к духам с длинными шаманскими молитвами-призываниями.

Центральное место среди петроглифов Байкала занимала, бесспорно, **Саган-Заба**, известная эффектной галереей шаманов. Не меньшим почитанием пользовались также **скалы в бухте Ая**, рисунки **на горе Сахюртэ**, близ улуса **Елгагур**, в местности **Тажеран** и в других местах Приольхонья. П.П. Хороших упоминает в своих работах еще несколько памятников близ **Онгурена**, **Больших Кочериков**, на **острове Угунгой**, у деревень **Хонхой**, **Сергэтэ** и **Поповой**, но они никогда не были опубликованными и до сих пор еще не найдены современными исследователями. Зато обнаружены другие — по рекам **Куртун** и

Сарма. Наши поездки на остров Ольхон дали еще три местонахождения новых памятников, а также нижний слой древних рисунков на уже известных петроглифах в бухтах Саган-Заба и Ая. Самым интересным было то, что эти рисунки были выполнены красной охрой, тогда как почитаемые местными бурятами были исключительно выбитыми и процарапанными. Новым оказалось и то, что впервые памятники подобного рода обнаружены на островах Байкала и имели много общего с так называемыми «селенгинскими» наскальными изображениями Забайкалья, датируемыми эпохой бронзы и раннего железа.

Как и следовало ожидать, изучение смысла наскальных рисунков дало ключ к расшифровке идей и образов, которыми жили и во что верили древние поморы. Прежде всего мы увидели тех же мифических рыб и нерпу, уже знакомых по каменным скульптурам с неолитических стоянок. Еще М.Н. Хангалову в конце прошлого века местные буряты подтвердили, что их предки изображали рыб тогда, когда поклонялись так называемым *Унан-хатам* (царям водных глубин, конкретно — Байкала). Потомки почитали такие изображения священными и называли их *Унан-хаһы һурэт* (досл. «изображение царей вод»).

На мраморных скалах в бухтах Саган-Заба и Ая найдены также изображения красивых и гордых лебедей. Эти рисунки удивительно перекликаются с образом лебедя-прародительницы в генеалогической легенде хоринских бурят, о чем мы скажем ниже. Точно так же на Ольхоне и у с. Байкальского встретились целые композиции, в которых главную роль играют орлы с их мощными и сильными крыльями, распластанными в парящем полете. Более того, у входа в знаменитую **Шаманскую пещеру на мысе Бурхан** встретился странный рисунок получеловека-полуорла, одетого в шаманское облачение и держащего в руках бубен с колотушкой. Этот образ кажется иллюстрацией древнего мифа об орлином божестве Шаманской пещеры, острова Ольхон и всего Байкала, который передал шаманский сан по воле небесных владык первой попавшейся женщине. Точно так же данный рисунок перекликается с мифологическим образом

бога Северного моря (Байкала) у древних китайцев, бога, якобы живущего на единственном каменном острове посреди студеных вод сибирского озера.

Однако больше всего на байкальских петроглифах оказалось изображений шаманов в состоянии обрядовых танцев. Одеты в традиционные костюмы с висящими подвесками, держащие в руках гремющий бубен с колотушкой, носящие характерные рогатые шапки на голове, они, казалось, только что сошли с макетов музейных витрин. Как красочная иллюстрация, перед нами разворачивается бесконечный цикл шаманских ритуальных камланий и набор культовой атрибутики жреца. Мы видим изображения мифических чудовищных многоголовых змей — неизменных спутников шаманов в их странствиях по страшным царствам потустороннего мира; вот знакомое по легендам «мировое дерево», по ветвям которого шаман попадает к небесным божествам, а по корням — в мир предков; здесь же иллюстрация жуткого обряда получения шаманского дара, когда тело посвящаемого жреца «разрезают» на мелкие куски, подобно жертвенному животному. Особый интерес вызывает композиция на горе Сахюртэ, изображающая мифического героя, сражающегося с чудовищным змеем-драконом из вод Байкала. Другое злое существо, помогающее дракону в борьбе с человеком, имеет птичью голову с острым клювом. Как не вспомнить в этой связи уже знакомые нам древнекитайские образы аналогичных владык Северного моря из «Книги гор и морей» рубежа веков или почти современные представления о божествах Байкала в бурятско-эвенкийских шаманских преданиях!

Отсюда следует вполне определенно, что авторы байкальских петроглифов бронзового — раннего железного веков, оставившие в наследство тысячи рисунков на священных скалах побережья сибирского озера-моря, были знакомы с теми шаманскими представлениями рыболовов и охотников, которые в почти неизменном виде дожили до этнографической современности. Истоки же этих мифов, естественно, следует искать в глубинах каменного века.

Для того, чтобы не оставалось сомнений в назначении древних петроглифов как святилищ, неких языческих храмов под открытым небом аборигенов Байкала, А.П. Окладниковым и позже мною были предприняты раскопки останков жертвенных приношений у подножий некоторых живописных скал с рисунками. Первые же исследования на Саган-Забе дали многочисленные культурные остатки: непосредственно под дерном стали попадаться кости лошади и обломки глиняной посуды курыканского времени; еще ниже, на глубине до полутора метров, вскрыт древний очаг, заполненный каменными отщепами, костями нерпы, обломками глиняной посуды поздней поры каменного века, топор из лосинового рога, насад костяного гарпуна и, что особенно интересно, — заготовки скульптурных изображений рыб, аналогичных ранее найденным на озере Котокель на стоянке Улан-Хада в истоке Ангары и в других местах Байкала. Материалами для них служили окатанные волнами куски камня у подножий мраморных утесов.

Особенно важно подчеркнуть и то, что во время произведенных раскопок были обнаружены развалины какого-то жилища типа полуземлянки, однако назначение его до сих пор не установлено. Но вполне может быть и то, что строение представляло собою остатки наземного языческого храма, а рисунки на близлежащих скалах — это не что иное, как древний иконостас, посвященный божествам Байкала. По крайней мере, еще совсем недавно находились старики-буряты, которые умели «читать» по сохранившимся композициям забытые страницы из жизни мифических владык сибирского водоема и приносили им различные жертвенные дары, дабы тем самым обеспечить спокойное плавание по озеру, богатый улов рыбы, защитить семью от козней злых духов, принести счастье своему родовому коллективу.

В самой вершине пади, под скалами, выявлены новые следы почитания утеса Саган-Заба. Это серия миниатюрных очажков-жертвенников из камней в форме круга. Они располагаются своего рода «цепочками» — рядами, ориентированными с востока

на запад почти параллельно берегу Байкала. Очажки эти, сходные с неолитическими очагами Ангары и Лены, но не покрытые землей, очевидно, служили той же цели, что и шаманские жертвенники этнографической современности. На них, судя по виднеющимся между камнями мелким обожженным косточкам, приносили в жертву духам Саган-Забы и Байкала жертвенных животных. «Степень выветренности камней, — писал академик А.П. Окладников, — свидетельствует о том, что эти шаманские жертвенники относятся к далеким временам и насчитывают, вероятно, не одну сотню лет».

С этого священного для бурят места открывается прекрасный вид на простор Байкала, на далекий противоположный берег озера, синевший своими зубчатыми вершинами. А.П. Окладников небезосновательно считал, что такое место, поражающее своей красотой и величием, выбрано было для жертвоприношений не случайно. «Где, как не в этом месте, должен был, с точки зрения «детей природы», поклонников грозных божеств — шаманистов, пребывать владыка Байкала и прибрежных скал? И откуда, как не с этой высоты, могли они услышать мольбы о помощи и защите?»

Подобные археологические раскопки были проверены и нами у подножий древних петроглифов на северном Байкале. Найденный материал имел явно жертвенное происхождение и дал картину долгой традиции функционирования святилищ от неолита до наших дней. Таким образом, была доказана преемственность обрядовых действий на протяжении нескольких тысячелетий. Следовательно, абсолютное большинство шаманских культовых мест бурят и эвенков на берегах Байкала, чему удивлялся в 1772 году академик И.Г. Георги, действительно является логическим продолжением культовой традиции древних рыболовов и охотников, а именующиеся на береговых утесах рисунки — иконографическими образами почитавшихся божеств Байкала.

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ

Для того, чтобы нагляднее представить, как изучались древние капища Байкала, расскажу эпизод из моих экспедиционных поездок на северную оконечность озера-моря, в край эвенкийских охотников, рыболовов и таежных следопытов — прямых потомков первых поморов каменного века.

В годы строительства БАМа большой проблемой являлось сообщение между населенными пунктами северного края. Местный аэропорт не справлялся со всевозрастающим грузопотоком. Твердых графиков полета не существовало: самолеты летали только тогда, когда раскупались билеты на посадочные места. Пассажиров в село Байкальское, куда лежал наш путь, почему-то не объявлялось. Не выдержав суточного ожидания, я зафрахтовал «Аннушку», выкупив все билеты туда и обратно, договорившись с руководством о такой же процедуре через неделю, чтобы за нами прибыл борт.

И вот мы в воздухе. Прильнув к иллюминаторам, смотрим, как по берегу Байкала прорезая тайгу и скалы, тянется просека, по которой экскаваторы вгрызаются в горы, мощные «магирусы» отвозят грунт, а бульдозеры ровняют земляное полотно будущей, но уже почти реальной, трассы. И везде по живописным ущельям и на лесных мысах раскинулись палаточные городки, автопарки, мехмастерские, другие подсобные «цеха». Стройка кипела, не замолкая ни на минуту. А со стороны Иркутской области через Байкальский хребет сюда уже тянули железнодорожную колею.

Пятилетием раньше, когда я впервые прибыл на Север Байкала собирать материал для своей книги об эвенках тамошнего края, шофер отдела культуры райисполкома Миша Воронин, возивший меня в Душкочан и Холодную для бесед с охотниками и рыбаками, тогда предложил:

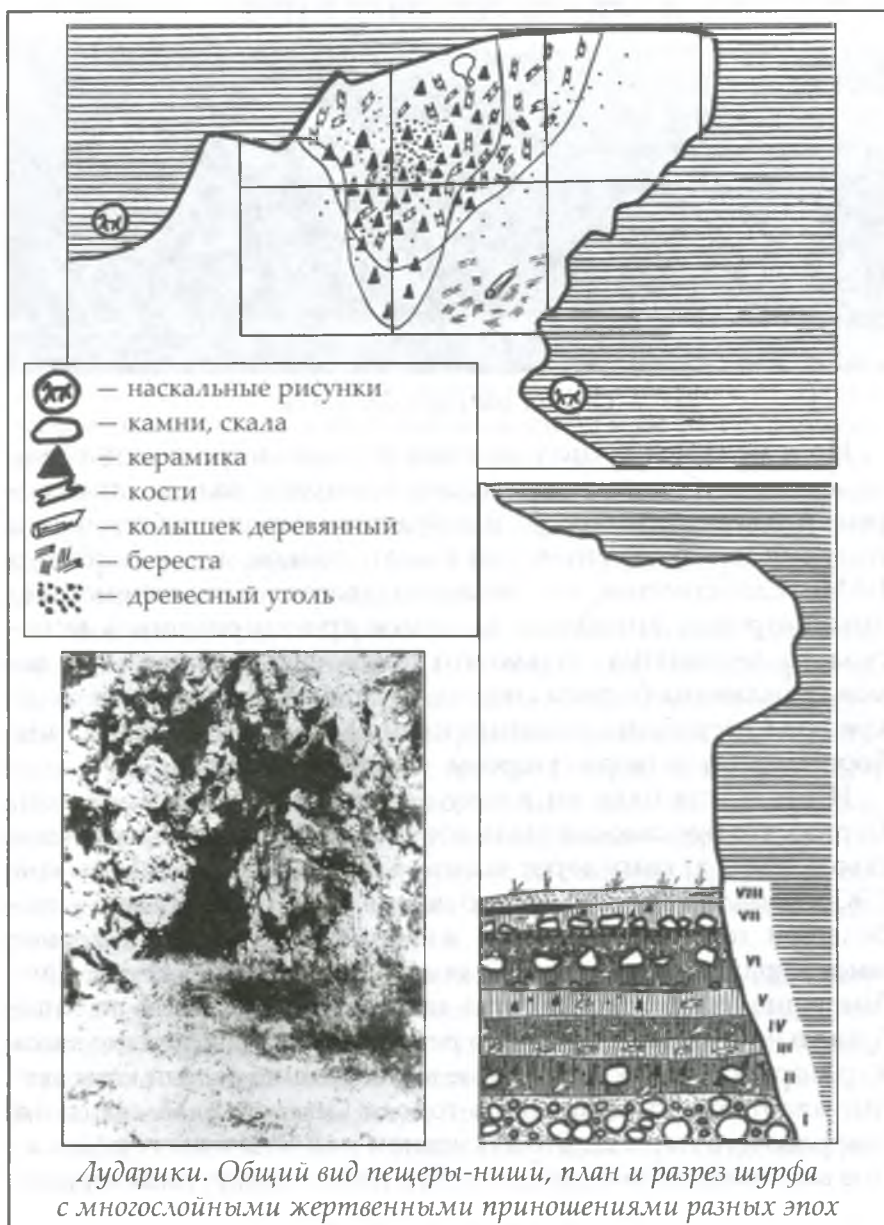
— Могу отвезти на мыс Курлы. Там у нас скоро будет построен большой город.

Общий вид скал Лударики

Но я не сумел воспользоваться его предложением: на земле лежал глубокий снег, местами выпирали наледи, дул свирепый северный ветер. Да и о будущем городе, собственно, в то время никто ничего не мог сказать толком, как и вообще о БАМе. Единственное, что свидетельствовало о намечаемой великой стройке, это вбитые колышки проектировщиков да несколько деревянных, только что построенных пустующих домов, ожидавших будущих новоселов. Однако все, от первого секретаря Северобайкальского райкома КПСС до шофера Миши Воронина, были твердо уверены — город будет.

И вот спустя пять лет я лечу над мысом Курлы самолетом. Первое, что бросилось в глаза, это ровные трассы проложенных сквозь вековую тайгу дорог, мачты ЛЭП, шагающие от Братской ГЭС к Байкалу. Второе, от чего нельзя было отвести глаз — это большой порт в небольшой живописной бухточке севернее мыса Курлы, в котором штабелями складировались грузы, прибывавшие морем. Еще минута-две полета — и третье видение буквально поражает. Вверх по реке на обширной поляне мыса Курлы раскинулись утопающие в девственной зелени компактные кварталы рождающегося города Северобайкальска, пока еще рабочего поселка. Это в основном разноцветные передвижные вагончики строителей, но есть и несколько крупных стацио-

нарных зданий, в том числе и каменных, высотных. Просеки будущих проспектов и улиц выходили прямо на высокий обрывистый берег Байкала. Отсюда морские ветры приносили людям свежие запахи воды, рыбы, смешиваясь с пьянящим ароматом таежной хвои, брусники и снегов с ближайших вершин Байкальского хребта. Город запланирован добротнo, и в ходу уже гулял ему эпитет — «Ленинград на Байкале». Но он был все же назван впоследствии Северобайкальском.

Пролетаем многоруслoе обширнoе устье реки Тыи, опоясывающей великую стройку с юга. Здесь явно запланирован городской парк культуры и отдыха. Место ничем не застраивалось, но там уже стояли палатки любителей рыбной ловли и приезжего десанта художников. Через несколько дней, придя сюда пешком, мы также разбили походный лагерь, где удивительно мягкой «периной» служил таежный ягель и кустики брусники. Покой, который мы обрели здесь, никак не гармонировал с изредка долетавшим из «Ленинграда на Байкале» шумом великой народной стройки и гудками судов в порту.

Самолет обогнул высокую гору, прошел по узкому ущелью и вышел в долину реки Рель. Еще несколько минут снижения — и вот колеса шасси зашуршали по гравийному покрытию полевого аэродрома села Байкальского. Я видел с самолета и узнал по картам, что этот район представляет равнину степного характера, но действительность превзошла ожидание. Создалось впечатление, будто мы вновь оказались где-то в полупустынях юга Бурятии: те же голые сопки, причудливые скалы-останцы, каменные россыпи, скудная пустынно-степная растительность с редкими кустиками «верблюжьей» колючки, вкусно пахнущая диким луком мангиром и травой дэрисуном в виде кочек. Удивительное сходство с югом придавали типично бурятские домики и восьмиугольные деревянные юрты. Земля густо насыщена навозом стад домашнего скота. И только Байкал, слышимый за сотни метров рокочущим прибоем волн, доносит холодное дыхание севера и дает понять, что мы все же на берегу гро-

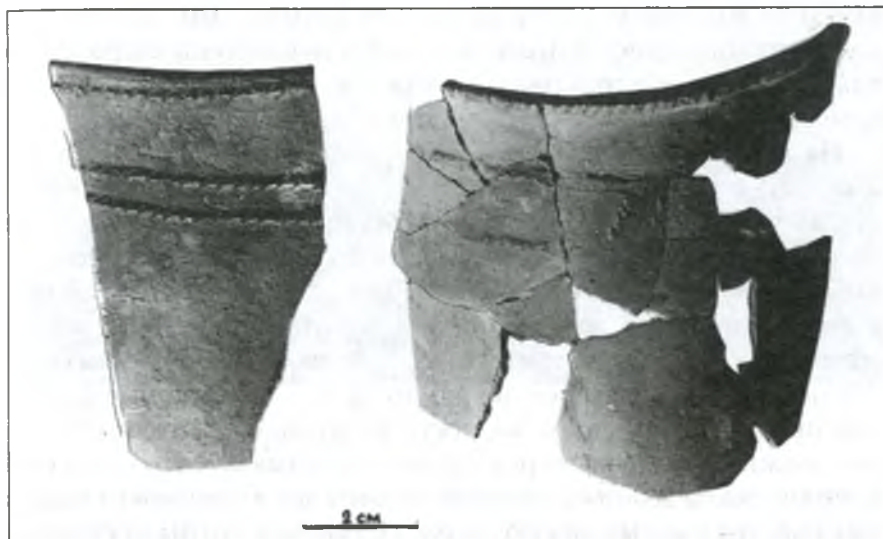
мадного водоема. Север поистине представляет край природно-географических контрастов.

Не знаю, бывал ли академик И.Г. Георги в здешних местах, но я прибыл сюда исключительно из-за одного топонимического названия береговой скалы — Мыс **Писанный камень**. Случайно такие названия не дают. Если это и «писанный» камень, то на нем обязательно должны присутствовать древние рисунки. Накануне иркутские археолог П.П. Хороших и географ М.Н. Мельхеев, исходившие эти места, уверяли меня в том, что вместо рисунков на скале имеется прожилка камня в виде «головы какой-то женщины». Я слушал их и продолжал сомневаться. Уж очень подкупала ассоциация названий, которые в Забайкалье и по всей Сибири даны именно скалам с росписями. Кроме того, меня манила знаменитая **Лударская пещера**, ибо немногие из забайкальских убежищ не имеют древних изображений.

Прибыв в село Байкальское и дав экспедиции отдых после разбивки походного лагеря, я тотчас направился к Лударской пещере по галечной береговой полосе, перескакивая с камня на камень, карабкаясь по крутым склонам, преодолевая «прижимы» по пояс в холодной воде. Через полчаса трудного пути передо мной зияло большое отверстие искомой пещеры. В ней было сыро, сумрачно, с потолка капала вода, стены обросли густым слоем зеленых лишайников. Конечно, ни о каких рисунках здесь не могло быть и речи, особенно если учесть недавнее высокое стояние уровня озера, бушующие волны которого начисто «облизали» настенные участки и уничтожили рисунки охрой, если они там были.

В бухте уже стояла наша палатка, на костре кипел ароматный чай. Перекусив, мы заснули мертвым сном, забыв услышанный накануне рассказ местных жителей о бродящем в этих местах медведе.

Наутро отдохнувшие и бодрые, мы намеревались сделать двенадцатикилометровый переход по каменистому берегу Байкала до Писаного камня. Однако, миновав облюбованную на ночлег бухту, увидели на противоположных скалах хорошо сохранив-

*Лударики. Жертвенник в пункте 1.
Фрагменты курыканской керамики*

шиеся рисунки красной охрой. С первых же увиденных композиций я понял, что нахожусь на пороге нового, более значимого, открытия. Предо мной оказались рисунки, характерные только для степной зоны Забайкалья и датированные эпохой бронзы раннего железа: птицы-орлы, распластанные в полете, человечки, пятна-точки, «загоны» со скотом и многое другое, что составляет, так сказать, лицо «селенгинских» петроглифов. Пока северной границей подобного рода изображений считались окрестности города Улан-Удэ, но здесь-то северный край, отдаленный более чем на 400 километров, да притом на «иркутской» стороне Байкала!

Увлажняя рисунки водой и фиксируя проступающие контуры мелом, я продвигался от плоскости к плоскости, от одной ниши к другой, от скалы к скале и удивлялся все более. Компактные группы древних изображений разделялись друг от друга не более чем на 50–150 метров, и все они были надежно защищены от

внешних воздействий своеобразными козырьками, так хорошо сохранившимися рисунки, словно они были нанесены вчера. Всего таких групп оказалось шесть, и каждую из скал можно считать самостоятельным памятником первобытного искусства.

На калькирование и фотографирование рисунков ушло два дня. Еще столько же мы посвятили раскопкам в одном из гротов. Результаты поисков жертвенных приношений превзошли ожидания. Как оказалось, приношения эти залегают несколькими культурными слоями и твердо датированы по найденным предметам от каменного века до этнографической современности, то есть культовое место действовало на протяжении 4-5 тысячелетий. Невероятно, но это факт. Характерные каменные орудия труда, керамика, кости животных, берестяные изделия, ножи, рыболовные грузила явно показывали, что культ священной скалы возник в неолите, развивался в бронзовом веке, а пика достиг в курыканскую эпоху. Поскольку это были степные скотоводы, то и жертвенные животные от диких особей заменены домашним скотом. Только скотоводы имели возможность устраивать на берегах Байкала обильные «кровавые» пиршества своим богам, тогда как предшествовавшие таежные охотники и рыболовы ограничивались в основном нерпой и предметами промысловой охоты.

На вершинах «писаных» скал Лударской бухты нас ожидал еще один сюрприз. Там мы нашли некие площадки, обнесенные каменными стенами и глубокими рвами, причем у одной из них в укрепленный пояс оказались встроенными некие каменные сооружения, похожие на плиточные надмогильные кладки Забайкалья. Городища-площадки для жительства явно не предназначались. У них укрепленные стены имели только две стороны, обращенные в степь, тогда как две другие защищались только крутым обрывом. Устоять на площадках при сильном ветре нет возможности, как и спастись от стрел нападающих. Безусловно, это были какие-то разновидности ритуальных шаманских комплексов, более поздние, чем сами рисунки. Курыканская принадлежность сооружений не вызывала сомне-

Северный Байкал. Бухта Болтуханиха. Прямо по курсу лодки — мыс Писанный камень, правее — остров Богучанский.

ний. Но каковы были эти комплексы, какие ритуалы и в честь кого они там проводились, было совершенно не ясно. А времени для раскопок не оставалось. Бесспорно было и то, что на северном побережье Байкала мы обнаружили крупный очаг степной скотоводческой культуры, оторвавшийся от забайкальского центра еще в бронзовом веке, быть может, под влиянием хуннского вторжения в земли динлинов, позднее превратившихся в курыкан.

Задержавшись в Лударской бухте, мы познакомились с местным рыбаком С.А. Станеевым. Приветливый хозяин и словоохотливый собеседник, он тут же предложил экспедиции свое теплое зимовье и даже пообещал отвезти нас на своей моторной лодке до конечной цели маршрута — мыса Писанный камень. Вечером, греясь у весело гудящей огнем печурки, мы с удовольствием слушали рассказ Степана Андреевича о местном крае.

С.А. Станеев — потомственный рыбак и охотник, всю жизнь проживший на Байкале. Его имя довольно известно среди местных поморов. Я же с особым интересом слушал его рассказы об охотничьих скитаниях по тайге. Ведь как-никак, он прошел обе стороны перевала Даван, реку Тыя, а район строящегося города «Ленинграда на Байкале» являлся его охотничьей территорией.

ей, определенной колхозом. Степан Андреевич с любовью говорил до полуночи о красоте тамошних мест, о рыбном и зверином богатстве, о трудной промысловой жизни в долгом отрыве от семьи. Он видел и остатки былых эвенкийских стойбищ, и полустгнившие лабазы с истлевшими костями покойников, их утварь, разбросанную по тайге. Например, на месте возводимой железнодорожной станции Гоуджекит находилось самое крупное стойбище эвенкийских охотников, люди которого поголовно вымерли от морового поветрия и голода до революции, так что похоронить погибших оказалось некому. «Отсюда, мол, и названо место страшным словом — Долина смерти».

Укладываясь в спальный мешок, я спросил:

— Теперь не охотитесь?

— Да нет, переключили на рыбный промысел.

— Что так, БАМ помешал?

Станеев рассмеялся:

— БАМ — дело хорошее, но вот плохо, что ловушки на зверей не успел проверить, что в них попало.

Позже от земляков Станеева я узнал, что наш гостеприимный хозяин немного поскромничал. Оказывается, он и есть первопроходец БАМа на бурятском участке: водил проектировщиков по Кунерме, Давану, реке Тые и далее до Верхней Ангары. Как хорошо бы записать журналистам с его слов предысторию Байкало-Амурской магистрали!

Рано утром, Станеев разбудил нас. Через полчаса тихходное моторное суденышко держало курс к таинственной «писаной» скале. Равномерно

Скала Крест

стучал мотор, набегавшие волны обдавали приятными освежающими холодными брызгами, а Станеев был рад, что нашел любопытствующих слушателей:

— Как же, Писанный камень мне хорошо знаком. Там нарисован Бурхан с бородой. Буряты ему молятся, когда проплывают мимо. До вас какая-то экспедиция приезжала, стесывали камень с рисунками, Бурхан снова появился.

— А чья это экспедиция?

— Кто ее знает. Утонули все. Едва отъехали от берега, как поднялся шторм, и все утонули. Бурхан наказал.

Конечно, этой народной байке доверять не приходилось. Легенды о вновь появляющихся на скалах «письменах» в Сибири довольно распространены. Ценность их только в том, что они доказывают мистическое суеверие местного населения перед петроглифами, или, другими словами, являются подтверждением их современного почитания.

Лодка проплыла живописные скалы Лударики, обогнула мыс Красный Яр, где, по рассказам С.А. Станеева, до революции будто бы жили больные проказой, отчего место назвали Горемыками, и стала пересекать небольшую бухту Болтуханиху. Здесь столкновение разных ветров рождает интересное физическое явление — «толкуны». Волны, подгоняемые ветрами, порою почти не ощущаемы, бьются друг о друга, взметая серебристые фонтанчики брызг, между тем, как водная поверхность в открытом море стоит без движения. В северном конце это интересной бухточки и сторожит вход в следующую губу Богучанскую Писанный камень — невысокий холм с крутыми гранитными скалами.

Станеев заглушил мотор, и лодка плавно врезалась в прибрежный песок между громадными валунами. Прямо перед нами краснели непонятные изображения. Прежде всего я поразился почти недоступным подходом к древним рисункам на высоте до 10 метров. Ведь, как правило, и художники далеко-дальнего времени рисовали в удобных местах; здесь же не было и на-

*Северный Байкал.
Мыс Писанный камень*

мека на разрушенные подходы. Еще одна загадка петроглифов Байкала.

При помощи полевого бинокля сомнения рассеялись: перед нами действительно две фигурки шаманов, солнечные символы и прочие знаки. Значит, и этот комплекс рисунков на божественную функцию, памятник являлся древнейшим святилищем, а память о проводившихся ритуальных действиях сохранилась до наших дней.

Только на следующий день при помощи веревок мы сумели добраться до священных изображений и скалькировать их на полиэтиленовую пленку. Интересно отметить, что на береговом валуне наше внимание привлекла явно выбитая ниша, заполненная... красной водой. Анализ показал, что основу цвета составляет порошок охры, въевшийся в камень. Когда волна окатывает валун, ниша заполняется водой и окрашивается в красный цвет. Так вот где, вероятно, древние художники растирали комки природной охры, чтобы образовавшейся «кашицей» наносить пальцем наскальные изображения. Но как они достигли высоты 10 метров?

Далее наш путь продолжается по Богучанскому заливу, где мы высадились на впечатляющий размерами песчаный пляж. Буквально сразу же под ногами попались обломки глиняных сосудов чуть ли не ранненеолитического времени, который вообще мало изучен на берегах Байкала. Стационарные раскопки обещают дать здесь археологам немало важного материала

*Северный Байкал.
Мыс Писанный камень*

для понимания эпохи, но это не входило в планы нашей экспедиции.

Поднявшийся шторм не дал возможности пройти на лодке к синееющему вдали Тонкому мысу, узкой полосой вдающемуся в Байкал на несколько километров. За ним уже начались воды обширной бухты устья реки Тьи. Тем не менее, идем на риск и направляемся на **остров Богучанский (Яманий)**, высокой скалой поднимающийся среди бушующих волн. Ведь не известно, как долго продержится стихия, а через пару дней за нами прилетит заказанный самолет в село Байкальское. А быть возле манящего одинокого острова

и не посетить его было бы непростительно. Предчувствие нас не обмануло: на этом острове ждало новое открытие — два местонахождения типично «селенгинских» наскальных изображений, которые могут считаться самыми северными в регионе и первым памятником первобытного искусства на островах Байкала. Забегая вперед, скажу, что буквально на следующий год, совершив экспедицию на остров Ольхон, я нашел там сразу три аналогичных памятника. Но это уже другая история.

Но древние боги, живущие в замшелых скалах острова Богучанский, не очень охотно отдавали свою тайну. В самый разгар работ по калькированию рисунков неожиданно грянула гроза. Надо отметить, что на Байкале, тем более на одиноком острове посреди бушующего морского простора, это физическое явление более впечатляюще, чем на береговой суше. Темные свин-

цовые облака низко нависли над совершенно черными клочущими волнами. Отсюда, с вершины утеса, тем более, когда находишься один, кажется, что бушующее море начинает проглатывать в своей бездонной пучине каменную песчинку суши. Каждая молния, ослепительно пролетающая над водным простором, будто норовит попасть именно в тебя, а раскаты грома словно сотрясают скалы. И, удивительное дело, едва я сделал последний штрих на кальке, гроза прошла. Тучи начали рассеиваться. Байкал посветлел. Когда мы поплыли обратно и издали оглянулись на остров Богучанский, его омытые дождем утесы сияли под золотистыми лучами июньского солнца. Впечатляющее видение!

По дороге в Нижнеангарск, любуясь из самолета панорамой мест, где наша экспедиция провела неделю, я долго размышлял над сделанными находками.

То, что часть племен бронзового и раннего железного веков вынуждена была бежать от гуннов в современное Предбайкалье и создать здесь основу динлинско-курыканской культуры, ныне доказано и почти никем из специалистов не оспаривается, как и то, что курыканы явились общими предками бурят и якутов. Однако до сих пор меня смущал факт отсутствия в Предбайкалье аналогичных красочных композиций на «писанных» скалах. Ведь не могли же «плиточники» растерять за короткий срок по пути важнейшие элементы своей самобытной культуры! То, что ар-

Мыс Лударь.

*Рисунок "солнечной" девушки
на курыканском святом месте*

хеологи находили на ольхонской земле, значительно отличается по сюжетам от забайкальских изображений. Но наши открытия на Севере Байкала отмечают сомнения. Бежавшие от гуннов динлинские племена первым делом освоили удобные ландшафтные степные уголки Байкала, самой северной периферией которых является район нынешнего села Байкальского. Здесь потомственные скотоводы, испытывая «притеснение» со стороны здешних тунгусов (эвенков), создали оборонительные площадки на высоких утесах, где при набегах укрывали скот и оборонялись сами. Не об этом ли событии повествует старинная эвенкийская легенда о «монголах-скотоводах» здешних мест? В древние времена они пришли сюда «откуда-то с юга», разводили скот, но не могли ужиться с местным населением. Однажды «монголов» спасла тунгусская девушка, уведя спасавшихся от погони пришельцев под защиту береговых скал. Однако в результате длительной осады скотоводы признали поражение и покинули обживаемые кочевья.

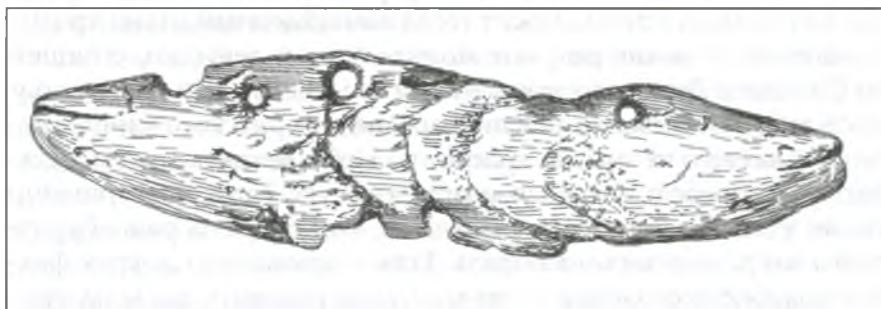
К таким крепостям явно относились два грандиозных оборонительных сооружения, на которые мы случайно набрали на вершине мыса Лударь, направляясь по горной тропинке к аэродрому. Один из них имел три яруса защитных каменных стен и четыре траншеи рвов. Раскопки иркутскими археологами в последующие годы выявили еще и остатки тыновых стен из вертикально вкопанных бревен, а невероятное количество керамики представляли обломки типично курыканской глиняной посуды. Курыканам принадлежит тогда же найденный мною процарапанный на камне рисунок монголоидной девушки, стоящей на Солнце и Луне, с ветвью в руке и звездой во лбу. Образ полностью соответствовал девушке древнего бурятского мифа, унесенной за свою неземную красоту на Небо. Ветвь же в руке осталась у нее после попытки ухватиться за куст. Теперь совершенно точно устанавливаются курыканские корни этого раннебурятского мифологического образа. Есть и множество других фактов подобного сходства, о чем мы будем говорить далее на примере иных памятников Байкала.

НАХОДКА КУЗЬМЫ КАЛАШНИКОВА

Мог ли знать простой неграмотный мужик с Байкала крестьянин Кузьма Калашников из деревни Исток, отправляясь на пахоту, что с этого весеннего дня 1904 года он станет не только местной знаменитостью, но даже, если хотите, и губернской! По крайней мере, его имя, попавшее в записную книжку иркутского чиновника А. Станиловского, время от времени стало склоняться в среде краеведов и ученых Восточно-Сибирского отдела Русского императорского географического общества, пока вскоре не зафиксировалось на страницах одного из научных изданий. А все из-за той странной находки, которую он сделал на своей пашне.

Понукая усталую лошадь, Кузьма Калашников всей грудью налегал на ручки сохи, распахивая свой земельный участок под посевы у озера Котокель, пока не обратил внимания на вывалившийся в борозду камень. Камень как камень: крупная продолговатая галька, каких в округе встречается превеликое множество, поскольку озеро Котокель — часть Байкала, разделенное невысокой горой. Однако находка крестьянина оказалась не просто галькой...

Сбежавшиеся на крик соседи долго чесали кудлатые бороды, молча разглядывая невиданное доселе диво. И было отчего, поскольку камень оказался... фигуркой рыбы. Незвестный

Фигурка двухголовой мифической рыбы Байкала

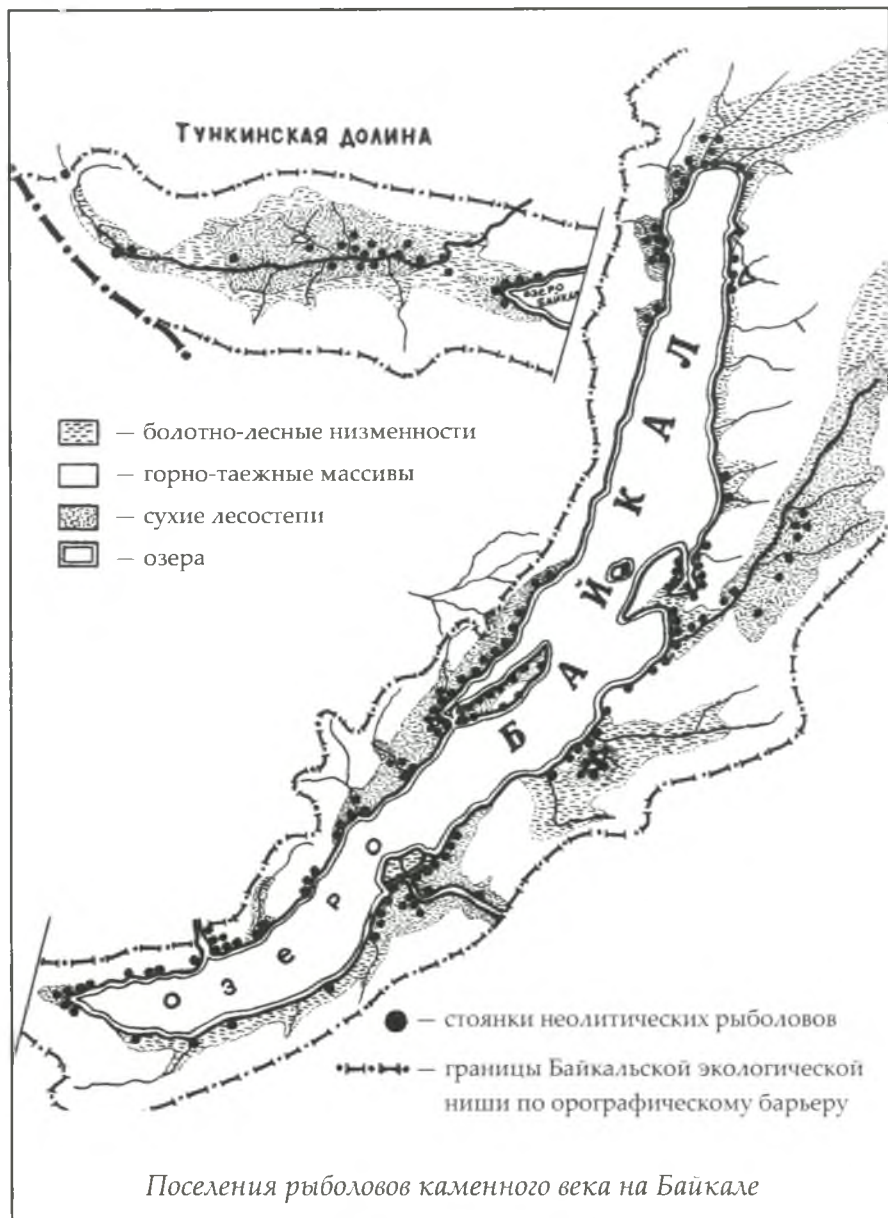
ваятель явно обладал недюжинным камнетесным искусством, поскольку по удивительно точным абрисам головы, туловища, хвоста и плавников местные рыбаки без труда опознали в камне знакомого в здешних водоемах налима.

Однако истокских крестьян заинтересовало другое, какому праздному бездельнику понадобилось убивать драгоценное время, чтобы из каменного булыжника изготовить такую изящную скульптурку? Старики-старообрядцы в один голос утверждали, что когда несколькими десятилетиями тому назад они приехали с семьями обживать этот глухой, но благодатный уголок восточного побережья Байкала, здесь не было ни одного человека, если не считать охотников-тунгусов из сезонных стойбищ в верховьях реки Турки. Крестьяне доподлинно знали, что в их деревне никто не занимается «греховным делом», выдалбливая каких-то идолов из камня или дерева.

Над невероятной находкой судачили долго, но и камень не бросили. Его показывали как местную диковинку каждому новому человеку, волею судьбы оказавшемуся на озере Котокель. 20 марта 1905 года они поведали о «рыбке» и хранителю-консерватору Иркутского губернского музея ВСОРГО А.М. Станиловскому, когда тот путешествовал по прибайкальским деревням, записывая самобытный фольклор поморских старожилов.

Антон Михайлович, будучи человеком ученым и сведущим в краеведении, сразу понял, что речь идет об интересной археологической находке. Он тут же попросил крестьян показать фигурку рыбки, но ее уже не смогли разыскать: посудачив над странным камнем, хлебопашцы отдали «курьезную» вещь детишкам в качестве игрушки, и, в конце концов, след ее затерялся.

Вечером, сидя у чадающей копотью керосиновой лампы, Станиловский размышлял о находке котокельских жителей. Он уже знал, что подобные каменные фигурки не так давно были обнаружены на Глазковской горе под Иркутском и близ села Лиственичного в истоке Ангары. Припомнилась совсем свежая история, когда к нему в музей пришел рыбак и вынул из до-

рожного мешка, пропахшего соленым омулем, еще одну каменную фигурку рыбы. Расспросив гостя, хранитель-консерватор принял находку и прикрепил к ней бирку с надписью: «Берег Байкала, в прибрежной гальке сын Иннокентия Заболоцкого (нашел)». Даже устное объяснение здешних очевидцев давало подтверждение о полном сходстве этих трех фигурок рыб: у всех без исключения на спине было вырезано ушко для привязывания бичевы.

«К сожалению, — записал в свой дневник А.М. Станиловский, — я не мог лично ее рассмотреть, так как, отданная детям в качестве игрушки, она куда-то затерялась. Во всяком случае, факт нахождения здесь какой-то каменной рыбки несомненен. Это подтверждается показаниями как самих нашедших ее Калашниковых, так и словами многих других, видевших ее в свое время».

В тот день хранитель-консерватор Иркутского музея узнал также о других археологических находках вблизи деревни Исток. Тот же Кузьма Калашников удивлялся, что помимо рыбки на пашнях уже много лет попадают обломки глиняной посуды, украшенные «обильным» орнаментом. А в местности Солонцы ее столько, словно здесь работал горшечный завод.

Безусловно, считал Антон Михайлович, между этими обломками керамики и находкой каменной фигурки рыбы есть какая-то взаимосвязь. Позже, сидя за своим рабочим столом в Иркутском музее, краевед делает наброски так и не написанной научной статьи. «Нахождение этих предметов здесь, — говорилось в черновике, — в местности, считавшейся тому за несколько десятков лет (до переселения сюда семейских) совершенно необитаемой, очень интересно. Очевидно, берега и этого озера видели когда-то каменную культуру. Интерес к этим находкам увеличивается еще тем, что они, по-видимому, относятся к той же культурной группе, к которой надо причислить иркутские находки в Глазкове».

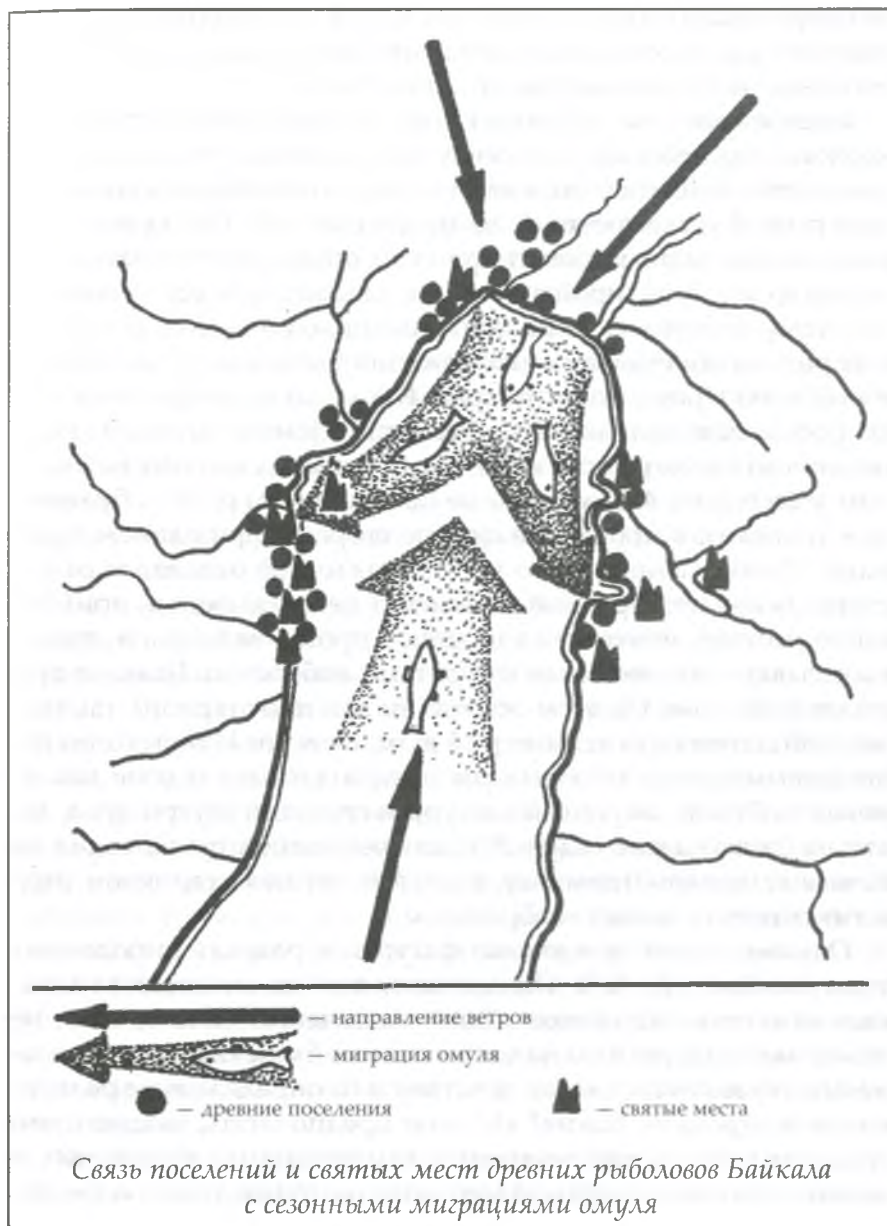
Но если с обломками посуды более или менее ясно, то какое же назначение имели каменные фигурки рыб, и котокель-

ский экземпляр в частности? После некоторого раздумья и сомнений А.М. Станиловский обмакнул перо в чернильницу и дописал высказанную выше мысль: «Наконец, что же это за каменные рыбки здесь, на этом исключительно рыбообильном озере, без сомнения, эксплуатировавшемся первобытным человеком? Если иркутские находки этого рода можно было объяснить различно, то здешняя, мне кажется, должна быть непременно поставлена в связь с рыбопромышленностью».

Так начиналась удивительная история о загадочных изображениях каменных рыб Байкала. Интерес к ним возрос вскоре после раскопок бывшего петербургского профессора Б.Э. Петри на побережье Малого моря. Изучая стоянку древнего человека в бухте Улан-Хада, он обнаружил не одну, а сразу целую коллекцию «рыбных» скульптурок, причем одна из них оказалась не каменной, а искусно вылепленной из глины.

Среди ученых с мировыми именами, кто пытался разгадать назначение байкальских фигурок рыб, был выдающийся русский археолог и этнограф Д.Н. Анучин, отличавшийся большой эрудицией и широтой кругозора. На основании этнографических аналогий он выдвинул предположение о том, что данные идолы могли быть причастными к существовавшему у наших древнейших предков культу рыб и магической обрядности, призванной обеспечить успешный улов на промысле. Мысль ученого поддержал иркутский археолог-самоучка М.П. Овчинников, который напомнил, что у якутов до сих пор сохранился обряд «арчи», связанный с рыболовным промыслом, и что при этом обряде применяются очень похожие деревянные фигурки рыб.

Данная проблема, вероятно, настолько занимала иркутских краеведов, что к ее решению подключились и некоторые иностранные ученые. Так, Г. Мергарт и О. Менгин согласились в том, что каменные рыбы Байкала применялись древними рыболовами сибирского озера-моря в качестве магических идолов. О. Менгин пошел еще дальше. Совершенно не представляя реального размера этих фигурок, он заявил, что идолы служили подвесками к одежде, подобно шаманским подвескам недавнего эт-

нографического прошлого. А между тем размеры скульптур явно не были рассчитаны на ношение каменных идолов. Они колебались от 15 сантиметров до... полуметра.

Интересная тема, поднятая группой тогдашних иркутских археологов, продолжала жить в научных трудах их учеников в первые десятилетия советской власти. Скромный паренек из верховьев реки Лены, выросший до академика, А.П. Окладников решил окончательно поставить точку на принимающей затяжной характер научной проблеме. Проанализировав все имевшиеся к тому времени музейные коллекции, он отметил два основных района поступления изображений рыб: исток реки Ангары и особенно Приольхонский край. Кроме того, все фигурки четко раскладывались на четыре группы: 1) бычки-широколобки, незаметно переходящие в налима; 2) байкальский омуль; 3) осетры и стерляди; 4) янусовидные (двухголовые) рыбы, обращенные головами в противоположные стороны при едином туловище. Вывод начинающего ученого мало чем отличался от его старших коллег: странные идолы есть не что иное, как приманки по типу тех, что совсем в недавнем прошлом широко применялись якутами, эвенками и бурятами побережий Байкала при подледном лове. На этом основании для популярного, так сказать, объяснения каменных рыб в экспозиции Иркутского краеведческого музея посетителям предлагался наглядный макет: некий рыболов, закутанный в шкуры и сидящий внутри чума, ловит на байкальском льду рыбу, для чего одной рукой водил на бечеве каменную приманку, а другой поражал гарпуном подплывающих ее живых «собратьев».

Однако, отнеся загадочные фигурки к разряду рыболовных приспособлений, А.П. Окладников, тем не менее, счел нужным заметить следующее: «Такое назначение, однако, вовсе не исключает предположения, что с ними были связаны определенные культо-колдовские действия или определенные религиозные воззрения». Какие? «Можно предполагать, наконец, что представления о «духе-хозяине» каменных рыб находились в какой-то связи и с представлениями о других духах более вы-

сокого ранга». Одним из таких духов А.П. Окладников на основании этнографических наблюдений и мифологических данных считал владычицу нижнего мира, божество вод, женщину-рыбу, подобную женщине-моржике эскимосов, именуемую Седной.

Обосновывая свою мысль, Алексей Павлович привел пример загадочных двухголовых или «янусовидных» изображений. Допустим, обычные фигурки в целом можно признать за рыбок-приманок. Но как быть с рыбами двухголовыми: идолы настолько страшны и безобразны видом, что годятся не столько для приманки «сородичей», сколько для их отпугивания. Да, к тому же, имеют поистине гигантские размеры до полуметра. Понятно, что при таком величии их достаточно тяжелый вес вряд ли способствовал использованию каменных идолов в качестве подвесок на шаманском костюме. Такие рыбообразные чудовища были словно специально созданы для того, чтобы «иллюстрировать» древнейшие сибирские мифы о страшных владыках водных глубин.

Взять, к примеру, якутский эпос. В нем не раз упоминается диковинный обитатель преисподней — «гибель-дракон-рыба с чешуею назад, с плавниками наоборот» или «гибель-ерш-рыба с жабрами назад, с чешуею навыворот». Страшной рыбе-дракону Абарга много места отводится в бурятских преданиях. Обитая, якобы, в недостижимых черных глубинах Байкала, она поражает воображение своим громадными размерами и особенно широко раскрытой зубастой пастью. Древние мифы Китая, как это ни странно, при описании Северного моря (Байкала), также не забывают упомянуть и о том, что здесь обитает множество чудовищ, среди коих значатся и драконы, и рыба-человек-птица, и некое божье создание по прозвищу «линьей», имевшее один рог на голове и острые шипы по всему телу. Появление указанных рыбообразных чудовищ на поверхности студеного моря неизбежно приносило свирепые бури, гром и молнии, болезни и мор людям.

Однако есть в шаманских воззрениях народов Байкальского региона такие мифы, которые напрямую объясняют назначе-

ние страшных двухголовых рыб, причем тех, что соединены, как и на каменных фигурках, хвостами и смотрят в противоположные стороны. Якуты, к примеру, верили, что большинство враждебных человеку духов выходят к людям из нижнего мира через небольшое отверстие между хвостами двух спаянных вместе тайменей. Характерно в этой связи название отверстия: «абасы-ойбоно», что дословно означает «прорубь злых духов». Иными словами, отверстие находится во льду, а нижний мир — на дне водоема. Такую двухголовую фигурку рыбы шаман обычно ставил поперек того невидимого людям пути, по которому он только что вернулся из преисподней во время камлания. Делалось это для того, по объяснению шамана, чтобы злой дух, устремляясь следом за человеком в средний мир, видел отверстие закупоренным. Большие и знаменитые шаманы заставляли делать такие фантастические деревянные изображения гораздо крупнее (буквально, по размерам бревна) и, кроме того, ставили при них еще трех человек — сторожей.

Исследователь Камчатки Стеллер описывал вблизи Верхнего Острога гору или высокую скалу, у подножья которой имелось озеро. Гора эта вызывала у камчадалов чувство суеверного страха как обиталище злого духа, представлявшегося в виде двухголовой и двуххвостовой рыбы. Страх был вполне понятен, так как рыбообразное чудовище Камчатки мыслилось хозяином преисподней, а озеро — входом в нижний мир.

Резюмируя сведения, полученные из этнографии и шаманской мифологии коренных народов Сибири относительно «янусовидных» изображений рыб, А.П. Окладников нашел возможным подобным же образом интерпретировать и загадочные двухголовые фигурки эпохи каменного века. Нашел он объяснение и тому, почему «излюбленным» объектом древних скульпторов из байкальских рыб служил налим или очень близкая к нему по форме широколобка (бычок).

Налим вообще занимал видное место в шаманском культе народов Байкальского региона как существо, находящееся в близкой связи к нижнему миру и его фантастическим обитате-

лям. А.П. Окладников предполагал, что повод к этому, вероятно, дал общий безобразный вид налима с его гибким, почти змеевидным, туловищем и огромной мордой, привычка рыбы прятаться в расщелинах и норах, а также темный цвет или пятнистая расцветка этого водного существа. Последняя, как известно, всегда связывалась в глазах шаманистов с миром злых духов нижнего мира, с преисподней.

По данным исследователя В.Н. Васильева, изображение налима чаще других рыб употреблялось в шаманских мистериях во время лечения больных, когда шаман отправлялся или же буквально «нырял» через прорубь в нижний мир. В эти фигурки-идолы шаман водворял побежденного им духа болезни и отправлял последнего в преисподнюю.

Однако роль налима в сибирском шаманстве далеко не исчерпывалась всем этим. Необычная «змееподобная» рыба всегда пользовалась особым почитанием людей как священное чувство. В Абыйском районе Якутии, к примеру, местные рыболовы боготворили налима — сылыһарас. Во время путины строго запрещалось называть рыболовные снасти и налима нарицательными именами. Такой запрет, вполне естественно, мог быть в какой-то степени связан с существовавшим культом налима как существа, имеющего прямое отношение к божеству-хозяину вод, озер и рек. В нганасанском фольклоре, по данным Б.О. Долгих, упоминается страшное мифическое Озеро Смерти. Подъезжая к нему, охотник встречает семь диких комолых оленей, которые неожиданно исчезают, а вместо них большой живой налим превращается в голую женщину — хозяйку Озера Смерти.

Прямая связь налима с человеком прослеживается в шаманских преданиях народов Байкальского региона. Сойоты (тувинцы), например, употребляли в пищу все сорта рыбы, кроме налима, коему приписывалось человеческое происхождение. О нем существовало поверье, что это некогда была женщина-утопленница. В записи Н.Ф. Катанова легенда передана в такой редакции: «Был один муж и жена. Жена, осердившись на свое-

го мужа и выйдя с трубкою в воду, стала налимом. По этой причине налима люди (т.е. урянхайцы) не едят». В другом варианте говорится, что некогда налим был старухой. Рассердившись из-за табаку и взяв в зубы трубку, она спустилась в реку. Согласно данной редакции, мясо налима люди не едят, но употребляют как лекарство для больных.

Аналогичное предание записал в конце прошлого века среди бурят Хангинского рода известный этнограф Северной Монголии Г.Н. Потанин. В нем говорится, что рыба налим (гугтар) в прошлом была девицей. Родители за что-то рассердились на нее, и девица утопилась.

Вообще, образ налима, а не какой-то иной рыбы, занимает совершенно особое место в фольклоре и шаманских культах бурят. Древние генеалогические легенды говорят о налиме как о предке эхиритов. Именно он, налим, был рожден прибрежной расщелиной Байкала, воспитан в волнах священного озера-моря, пока его не поймала хитростью шаманка Айсухан, чтобы рыбье существо стало человеком-отцом бурятского племени эхиритов. Буряты верили в происхождение своего предка Эхирита от отца-налима, считавшегося племенным тотемом. Особенно интересно в этой связи то, что в некоторых легендах наиболее ранних записей прошлого века налим назван не отцом, а матерью Эхирита. В честь Эхирита буряты пели: «Налим-рыба была его матерью, берег — отцом, а почетным названием — Экирит!»

ЗАГАДКИ БАЙКАЛЬСКОЙ НЕРПЫ

Поэтическая легенда о происхождении западных бурят от Эхирита и Хоридоя является одной из самых популярных в народном фольклоре. Однако, рассказывая о далеких якобы происходивших событиях на каменистых берегах озера Байкал, сказители да и ученые почти не обращают внимания на то, что наряду с братьями в древних шаманских мифах фигурирует и их сестра. Когда бездетные шаманки Айсухан и Хусыхэн хитростью завладели детьми Байкала, те закричали: «Возьми нас, Молочное море-мать и Недоступные горы-отец!» И поднялись тут страшные морские волны, едва не унеся с собою женщин-похитительниц. Один мальчик обратился в черную белку и скрылся в горах; брат остался в руках шаманки Айсухан (в других вариантах мифа ею названа Асухэн или, наоборот, Хусыхэн) и получил имя Эхирит; девочка же обратилась в нерпу и ушла в открытое море. Вот такая грустная история.

С той далекой поры ольхонские буряты, уверявшие, что рассказанные события происходили не где-то неопределенно на озере Байкал, а именно близ острова Ольхон, высоко чтили нерпу (тюленя) как древнейшее божество. Причем те религиозно-мифологические представление и обрядовые действия, которые существовали испокон веков у местных рыболовов и охотников, смутно указывали на давно забытый тотемный характер этого морского животного. Когда, к примеру, убивали тюленя, то его глаза, связанные нервными пучками, бросали обратно в море. Это делалось, якобы затем, чтобы душа животного, вернувшись к хозяину водных глубин Байкала, вновь получила шкуру и туловище и таким образом обрела телесную плоть. Перед отправлением на промысел местные буряты производили ритуальное кропление молочными продуктами. Объясняя суть данного жертвоприношения, байкальские охотники передавали такие слова одного из мифов об Эхирите и Булагате: «Девочка, пре-

вратившись в нерпу, ушла в море. На прощание сказала брату: «Мне суждено превратиться в нерпу, а тебе суждено жить среди людей. Зовись Эхирит, что значит найденный в воде, и давай мне сметану, молоко и тарык». Эхирит же просил давать ему рыбу (т.е. обеспечивать удачей на рыбном промысле). Особое отношение к отдельным частям нерпы, особенно к голове, свято соблюдалось всеми байкальскими охотниками-бурятами. Когда в 1890 году член ВСОРГО Н.И. Витковский пытался приобрести скелет и шкуру тюленя для иркутского музея, он не смог этого сделать даже за очень высокую цену. А череп нерпы ему подарила тунгуска втайне от мужа.

Мысль ученых о том, что культ байкальской нерпы является одним из самых древнейших, уходящих корнями в глубины каменного века, была прекрасно подтверждена раскопками археологов. Так, кости нерпы постоянно встречаются в комплексе жертвенных приношений у подножий писаных скал-святилищ, в пещерах и чаще всего — на временных сезонных поселениях рыболовов и охотников по всему побережью священного сибирского водоема. Найдены также специальные ритуальные захоронения этого морского животного в правильном анатомическом порядке на острове Ольхон. Точно так же эвенки в старину обращались с костями диких зверей, считая, что после соблюдения религиозных шаманских церемоний кости сами собою обретут плоть и жизнь. Безусловно, прав был археолог А.К. Конопацкий, заявивший при подведении итогов своих исследований погребений нерпы на острове Ольхон: «Такие захоронения, содержащие все кости скелета нерпы в небольшой по размеру яме, наводят на мысль о существовании у древних охотников магических ритуалов, направленных на воспроизводство этого животного».

Весьма интересным фактическим подтверждением такого обожествления байкальской нерпы является находка другим археологом, Л.П. Хлобыстиным, вблизи входа в Лударскую пещеру на севере континентального моря Сибири озерной гальки, удивительно напоминающей по форме фигурку фаллоса,

который лежал непосредственно под дерном в сопровождении отщепов, кремневых наконечников стрел, черепков битой глиняной посуды. Раскопки самой пещеры установили факт ее использования либо в качестве временного жилища охотников на нерпу, либо в роли святилища местных поморов в эпоху каменного века.

Что касается самого камня, то на боковой расширенной части гальки имелся прекрасный по технике исполнения гравированный рисунок нерпы, лежащей в профиль в настороженной позе, головой к узкому концу фаллической скульптурки. Древний художник хорошо передал не только характерный контур фигуры морского животного, но и другие специфические детали нерпы: усы, глаза, лаконогий хвост, остроконечную мордочку. На теле животного и около имелись слабые следы процарапанных линий.

Л.П. Хлобыстину эта экзотическая находка сразу же напомнила так называемые «фаллические песты» из Прибайкалья, иногда находимые при археологических раскопках древних стоянок, причем на них нередко присутствуют аналогичные рельефные рисунки тех или иных таежных животных. Существует мнение, что подобные «песты» вошли в обиход местного населения где-то в I тысячелетии до нашей эры, когда на смену господствовавшему десятки тысячелетий материнскому роду приходит патриархат, а вместе с ним на первое место в качестве символа плодородия в шаманскую практику начинают внедряться фаллические изображения.

Суть их заключается в том, чтобы образом натурального фаллоса магически воздействовать на плодovitость (размножение) изображенных на фигурках существ. А если животные действительно являлись тотемами, то подобные изделия могли использоваться во время совершения шаманских обрядов, связанных с тотемическими первопредками.

Впрочем, есть предположение и о том, что фаллические скульптурки следует связывать с обрядами женской инициации. В этой связи Л.П. Хлобыстин предположил, что у древних

рыболовов и охотников Байкала существовало представление о необходимости каждой женщине вступать в «брак» с нерпой-тотемом. Подобным магическим образом происходило приобщение поморов к роду своего тотема, а также содействие в его размножении. Такой элемент «священного брака» — обычное явление у многих коренных народов и одна из основ сибирского шаманизма. «Таким образом, — заканчивает Л.П. Хлобыстин свою статью о культе нерпы на Байкале, — находка фаллической скульптурки с изображением нерпы проливает свет на идеологические представления, существовавшие у байкальских племен в I тыс. до н.э. Тотемические воззрения оказались у них переплетенными с идеологией, характерной для отцовского рода, нерпа могла стать тотемом некоторых родов или племен».

Мысль о всемогущем фаллосе как о важнейшем орудии в обеспечении воспроизводства промысловых животных и увеличения численности членов семейно-родовых коллективов не является, по большому счету, курьезной и необычной. Если внимательно ознакомиться со старинным фольклором, например, бурят, то можно найти подтверждение и этому факту. Так, существует до сих пор довольно отчетливое представление о «Баабайн мунгэн бахана» (досл. «Отцовский серебряный столб»). Это не что иное, как отцовский мужской орган, который, согласно древнейшему космогоническому мифу, извечно существовал сам по себе, но благодаря его случайной встрече с «Эхэйн алтан умай» (досл. «Материнское золотое чрево») во время их плаваний в первичном океане появилась первая чета людей на земле. Ученые поэтому небезосновательно считают, что представление о «Баабайн мунгэн бахана» является пережитком первобытного фаллического культа, отразившегося в мифотворчестве далеких предков бурят.

Однако оставим мужские фаллосы и вновь обратимся к нерпе. Поразительно, но именно это животное привлекло внимание древних летописцев Китая, когда те описывали далекое Северное море (Байкал) на краю эйкумены — заселенной людьми земли, близкой к стране вечного мрака и холода. В «Шань

Хай-цзин» («Книге гор и морей»), созданной на рубеже нашей эры от устных мифов к письменному варианту, есть неясное упоминание об «удивительных тварях», которые время от времени на миг появлялись из воды и тут же исчезали в морских глубинах. Иногда древние китайские летописцы прямо называют их «человеко-рыбами» и подчеркивают, что по облику «удивительные твари» больше всего походили то на дикую мохнатую кошку (?), то на краба, то на рыбу с человеческими конечностями и головой.

Конечно, эти сведения можно объявить плодом фантазии людей, которые никогда не видели самолично описываемых существ, а пользовались отрывочными сведениями, за тысячи километров получаемыми от соотечественников, чудом попадавших на Байкал как в роли послов к местными полудиким племенам, так и воинов, громивших непокорных сюнну (хуннов) — извечных врагов империи, от которых они отгородились Великой китайской стеной. Однако плодом голой фантазии людей эти мифы не являются.

В свете представлений древних китайцев о рыбе с человеческими конечностями и головой, обитающей в Северном море, большой интерес представляют часто встречающиеся на стоянках и могильниках каменного века Прибайкалья костяные идольчики-онгоны, изображающие рыбу с человеческим лицом. Долгое время этот мифологический образ также не расшифровывался, пока известный бурятский этнограф конца прошлого и начала нашего веков М.Н. Хангалов не записал старинную легенду своих соотечественников о некоей «Хун загаһане» — «Человеко-рыбе», обитающей в глубинах озера Байкал. В записи Матвея Николаевича этот ныне странный образ бурятского шаманизма передан следующими словами: «В море есть человеко-рыба, у которой передняя половина тела рыба, задняя половина — человечья^{*}. Эту рыбу называют человеко-

^{*} Наверное, описка. Логично считать наоборот: передняя половина тела человечья, а задняя — рыба.

рыбой. Увидев человека, эта рыба высовывает из воды голову и кричит по-человечьи, а потом опять уходит в воду».

Русские байкальские рыбаки не без влияния на них традиционных шаманских представлений бурят и эвенков верили в существование мифических русалок, которые, высовываясь из воды, распевали песни и таким образом подзывали к себе мужчин.

Бывали, мол, буйные молодые головушки, очарованные дивными песнями и красотой полурыб-полуженщин, которые поддавались их призывам и навсегда терялись среди бескрайних морских просторов и черных глубин Байкала.

Что касается эвенков, то исконные рыбаки и охотники священного сибирского водоема считали, что у нерпы есть свой язык. Когда им хорошо — они молчат, когда плохо — подплывают к берегу и стонут. Есть даже старинное предание о материнерпихе, случайно попавшей в сети. Человеческим голосом она попросила охотников отпустить ее в море за большую награду. На следующую весну эвенки действительно увидели в этом месте (на Ушканьих островах) сотни молодых нерп.

Нетрудно заметить, что все эвенкийско-бурятско-русские предания о нерпе объединяет со сведениями из «Шань Хайцзина» общее указание о способности этого морского животного на миг высовываться из воды, кричать и тут же нырять в спасительные глубины, если они замечают опасность. Такое поведение, особенно зимою возле «продушин» во льду, — характерная черта именно нерпы и никакого другого животного. А указание на «рыбо-человеческий» облик уводит истоки появления данного мифологического образа в глубины каменного века.

В свете всего сказанного о нерпе следует один интересный и важный вывод: в эпоху камня и ранней бронзы у древних поморов Байкала действительно существовал особый культ нерпы в роли родового или племенного тотема по типу того, как в старину буряты вели свое происхождение от различных рыб и зверей: налима, орла, лебедя, быка, волка и тому подобных. Ведь отнюдь не случайно поэтому, что мифическая мать-нерпиха, и

она же царица всех нерп Байкала, дает обильную пищу эвенкам-ламученам. Точно так же «обеспечивала» дичью таежных охотников священная мать-лосиха (изюбриха, олениха, медведица и др.) — мифический тунгусский прародитель и тотем, воплощенный в почитаемые скалы-«бугады», там останавливающийся на отдых во время обхода священной родо-племенной земли обоготворяющих ее людей.

Как мы покажем далее, подобные священные места являлись своего рода таежными шаманистическими храмами под открытым небом и одновременно сакральными центрами разного рода этнических объединений. Именно у подножий скал-«бугад» проводивший камлание шаман просил мифического первопредка, хозяина родной земли и властелина над миром таежной фауны, снизить милостью к членам родового коллектива и наслать к стойбищам людей стада диких зверей, как известно, основного источника жизненного благосостояния охотников и рыболовов. Именно здесь, у подножий священных скал-храмов, решались все важнейшие общественные дела, связанные с удачной охотой, защитой от врагов, семейным благополучием, детской рождаемостью и многими другими важнейшими моментами в жизни аборигенов суровых сибирских просторов.

У ИСТОКОВ БАЙКАЛЬСКИХ МИФОВ

В 2008–2010 годах мне выпала честь сформулировать и возглавить так называемую гуманитарную программу Международной экспедиции на Байкале с использованием глубоководных обитаемых аппаратов «Мир-1» и «Мир-2». Речь в ней шла не только о затонувших кораблях, упавших самолетах и железнодорожных поездах, провалившихся под лед купеческих караванов и «золоте Колчака». Был в ней и пункт об обнаружении следов деятельности первобытного человека на уже бывших затопленных низменных участках побережья Байкала. Ведь ранее мне уже до-

велось руководить первой в истории местной археологии экспедицией с использованием аквалангов в Чивыркуйском заливе.

Часть из запланированных объектов «Миры» нашли. Но поистине сенсационное открытие ожидало там, где мы его не ждали. Обнаруженные факты убедительно доказали, что древние шаманские мифы аборигенов Байкала о мироздании являются не фантазией предков, не обожествлением вымышленных событий и явлений, а генетической памятью бурят, эвенков и якутов, идущей от далеких пращуров из глубин раннего каменного века о случавшихся на их глазах колоссальных геологических процессах «вселенского» катастрофического характера. Этот поистине важный и неожиданный вывод открывает перед учеными гуманитарных и других наук большие перспективы для нового цикла исследований по антропогеоценозу, то есть способу выживания человека в условиях специфического для Байкала природного окружения в период активного формирования географического облика его побережий.

Такой вывод, сделанный нами, основывается на обнаружении «Мирами» древних береговых пляжей в виде непрерывной полосы из окатанных валунов и гальки на глубинах 240, 400, 600 и 820 метров как на восточном шельфе байкальской котловины (Тулохонов А.К.), так и на вертикальном скальном обрыве ее западной подводной стенки (Тиваненко А.В.). Верхние палеоуровни можно дешифровать последним ледниковым периодом, закончившимся 10–15 тысяч лет тому назад. Потоки воды тающих гигантских плавающих айсбергов подняли уровень Байкала до современной отметки, если брать во внимание сохранившиеся на таких глубинах конечные ледниковые морены — внушительные горы из камня, глины и песка, которые толкали перед собою, сдирая береговую почву, береговые скалы и леса, спускающиеся с хребтов ледяные «языки» при мощности до 100–200 метров и длиною в десятки километров.

Впрочем, стояние накопившейся при этом воды было некоторое время еще выше, о чем свидетельствуют береговые террасы с такой же окатанной галькой на высотах до 380 метров, хо-

рошо заметные в северной части Байкала. По долинам впадающих рек заливы заходили на сушу до сотни километров, так что долина Селенги и ее притоков представляла обширные водоемы, от которых сохранились лишь его незначительные остатки в виде озер Гусиных, Котокель, Сулхаринских, Еравнинских, Арахлейских и других. И только когда переполнившаяся вода нашла себе естественные прорывы в низинах Байкальского хребта, она хлынула на Восточно-Сибирскую равнину, образовав реки Ангару и Лену. Понижение уровня Байкала продолжалось бы и далее, если бы не случилось горного поднятия во время землетрясений истока Лены, а выход Ангары из озера оказался заваленным обрушившимися горными склонами, и знаменитый Шаман-камень в ее истоке — это видимая часть бывшего камнепада. В годы низкого уровня Байкала, говорят, по камням грандиозного обвала древности можно было переходить с одного берега реки на другой. Именно из-за этого часто совершались кораблекрушения.

Если мысленно «осушить» озеро по древней береговой полосе в 400 метров, то географический облик Байкала станет для современников малоузнаваемым. На обширных лугах приморских степей паслись стада мамонтов, носорогов и других животных «арктической» фауны, часть которой в виде птиц и грызунов сохранилась до наших дней. В устьях впадающих рек располагались стойбища охотников и рыболовов, что подтверждается каменными орудиями труда и порою целыми скелетами исполинских животных на современных мелководьях. Такой образ жизни довольно отчетливо зафиксирован в древнейших мифах бурят, эвенков и якутов, о чем мы будем говорить в нашей книге. Сами бывшие луга хорошо прослеживаются сквозь толщу воды на километры от современной береговой полосы восточного шельфа Байкала, в Чивыркуйском и Култукском заливах, на Малом море и в дельте Селенги. Катастрофическое опускание в 1862 году за одну ночь 200 квадратных километров Саганской степи с пятью бурятскими улусами и тысячами голов скота — прекрасный, хотя и трагический, пример того, как подобные яв-

ления происходили, и они также нашли отражение в древних мифах байкальских поморов.

Большое впечатление на первых жителей Байкала производили действия огнедышащих вулканов. По шаманским мифам бурят и якутов (потомков древних курыкан, живших на берегах озера), они являлись горнилами небесных божественных первокузнецов, научивших земных людей ковать железо и закаливать его в студеной воде сибирского моря. Древность данного культа подтверждается тем, что после выполнения исторической миссии боголюди, посланники Неба, «расселились» по всей байкальской стране, став духами-«хозяевами» (божествами) наиболее важных и эффективных географических объектов побережий и островов Байкала. А их «огненная» ипостась от вулканов переместилась в грозные молнии и громы, особенно впечатляющие как раз над акваторией водоема и в окружающих горных склонах, и люди, оказавшиеся там, становятся как бы в эпицентре климатической вакханалии.

По данным геологов, отдельные вулканы на Байкале еще действовали на глазах человека 8–2 тысячи лет тому назад, что также подтверждается обнаружением под слоем лавы обуглившихся стволов поваленных деревьев и орудий труда человека. А вулканы Кропоткина и Перетолчина в Окинском крае, от которых идут «реки» свежей застывшей лавы, еще не заросли травой и до сих пор дают о себе знать глухим подземным «бормотанием» и иногда появляющимися из жерл дымками. Засыпанный донными отложениями вулкан на Ушканьих островах непрерывно «растет», поднимаясь со дна Байкала, что свидетельствует о приближающемся времени извержения огненной магмы из жерл Земли. Глубинное тепло, идущее из тектонической щели, во многих местах дает о себе знать разогревом дна и выделением газа, иногда в виде гигантских газовых факелов. Из их же жерл изливаются на побережье и в водных глубинах горячие термальные источники.

С сильнейшими геологическими явлениями в далеком прошлом связаны мифы о землетрясениях, о гигантских горных об-

валах, о таянии ледниковых полей, вода которых, будто бы и заполнила на глазах человека в прошлом заселенную байкальскую впадину. «Мирами» подтверждено, что глубинные долины являются частью наземных. Впадающие реки имеют продолжение в виде глубоких каньонов, где, кроме камней, песка и ила, из отвесных стенок торчат стволы снесенных паводками деревьев. Мы уже говорили о гигантском скальном обрушении, перегородившем сток реки Ангара из Байкала. Случилось это 10–12 тысяч лет тому назад, когда край был хорошо заселен человеком. Это впечатляющее геологическое событие дало основу рождения популярного сегодня мифа о красавице Ангаре, убегающей к возлюбленному Енисею, и о большом куске скалы, который бросил разгневанный своеволием единственной дочери старик Байкал.

При пониженном «доледниковом» уровне Байкала напротив дельты Селенги располагалась цепь наносных островов, ныне представленная большой подводной горой, где глубины даже посреди озера не превышают 40 метров. Песчаные стоки Селенги уже достигли противоположного западного берега Байкала, заполнив впадину до 400 м от современной поверхности. Это впечатляет, если учесть, что южнее подводной горы глубины озера достигают 1500 м, а севернее — 1640. Герои древних мифов бурят и якутов перескакивают через впадину Байкала на лошадах как раз по тем самым островам, когда они еще не были затоплены. В том же ряду и мифы о «сухопутном» в прошлом перешейке между островом Ольхон и Святым Носом, ныне названном подводным Академическим хребтом. «Миры» установили, что перешеек этот сформировался когда-то в наземных условиях. Он был открыт лишь в середине XX столетия, но несколькими веками ранее буряты говорили о нем как о земной суше, по которой Чингисхан, якобы, пересек Байкал с востока на запад.

Пока нет объяснения, каким образом люди узнали о расположении самой глубокой точки Байкала у подножья горы Ижимей. Даже если «понизить» уровень озера на «доледниковые» 400 метров, то мы увидим по-прежнему две глубочайшие

озерные впадины: южную в 1 км и среднюю в 1200 метров. Но о ней буряты знали еще до прихода русских в XVII столетии. Согласно шаманским мифам именно там располагалось страшное подземно-подводное царство мертвых, откуда нет возврата. А глубину эту официально зафиксировали лишь в 1920 году. Сегодня глядя с вершины горы Ижимей, где расположено древнейшее шаманское капище бога Байкала, оторопь берет при виде обрывающейся вертикальной скалы высотой 1274 метра. «Мирами» установлено, что скала эта в бездне Байкала имеет продолжение еще на полтора и более километров. При соединении цифр получаем грандиозный обрыв почти в три километра, поражающий воображение.

Что касается «огней», согласно мифам, горящих во впадине Байкала, то «Мирами» найдены вулканчики нефти и газа. Причем газ этот иногда воспламеняется и проходит огненным факелом через всю водную толщу. В ночную пору рыбаки и туристы довольно часто видят над озером «блуждающие огни», а гидронавты «Миров» сфотографировали это явление с помощью глубинного радара. Там же, на дне, найдены породы, сформировавшиеся из гидротермальных растворов температурой около 400 градусов. Из-за разницы температурных горизонтов воды в толще Байкала существуют гигантские водовороты, которые мы на себе ощутили во время погружения аппаратов. Зимой, кстати говоря, пузырьки газа, поднимающиеся со дна, вмерзают в лед, но и «проедают» полыньи, которые используют нерпы для поддержания дыхания. Такие пропарины особенно распространены в дельте Селенги (в месте самой оживленной ледовой дороги), они часто приводят к гибели людей. В периоды наибольшей активности глубинный газ не дает Байкалу замерзать на значительных участках. В феврале с борта самолета я не раз видел гигантские полыньи, наблюдаются они и из космоса.

Не совсем ясна природа мифологических представлений о глубинных животных Байкала «чудовищного» облика. Под усеянной колючими шипами громадной рыбой Мажин можно

подразумевать осетра, которого ловили и более четырех метров в длину. Рыбами со страшной пастью могут быть глубоководные бычки, у которых действительно аномально большая голова и совсем крохотное туловище. Встреча с ними в водных глубинах приводит в ужас необычностью строения туловища, почти черным пигментом тела, отсутствием чешуи, атрофированностью глаз и действительно впечатляющей пастью. Образно говоря, это и есть «пасть с плавниками». Даже в строении внешне безобидной на вид рыбки голомянки, сплошь состоящей из жира, многое непонятно. Например, то, что она рождает мальков, минуя стадию икрOMETания; никогда не сбивается в косяки; вплоть до его дна. Но самое необычное — такая же непомерно большая пасть с острыми зубами, как у акулы. Форма ее головы, если говорить условно, чем-то напоминает крокодилю. Легко угадывается в мифах образ байкальской нерпы.

Сложнее с образом дракона *Лусуд-хана* являющегося главным богом Байкала в мифах бурят, якутов, эвенков и монголов (под разными именами) и даже древних китайцев. Начиная с рубежа нашей эры, особенно в эпоху средневековья, да и в современных представлениях это чуть ли не реальное животное, связанное как с водной бездной, так и с атмосферными грозами. Зафиксирован его образ также в наскальном искусстве Восточной Сибири бронзового века. Кости драконов (динозавров) часто находят и в Бурятии. Так говорить о чудовище могут лишь люди, видевшие его собственными глазами, ибо рассказы о нем удивительно согласуются до деталей поведения и облика. Даже современные русские старожилы-поморы уверяют, что, помимо нерпы, в Байкале водятся и другие, более крупные, млекопитающие, от которых разбегается в страхе вся живность, даже нерпа.

Шутки шутками, но подобные сведения порою являются основой для написания будоражащих современников книг. Например, в 1903 году в Варшаве увидела свет книга некоего польского путешественника, который делится своими впечатлениями о посещении сибирского озера Байкал. Ошалелым чита-

телям сообщалось, что в его водах обитают... дельфины, киты, сохатки и некие «фоки» («называемые здесь нерпами»). В безднах, еще не измеренных, находится особое животное — «создание, похожее на тушку, наполненную жиром, которая в своей сказочной жизни никогда наверх сама не всплывает». В последнем образе явно говорится о голомянке, обычной для местных поморов, но кажущейся диковинкой для новичков. А в прибрежных лесах, мол, можно запросто встретить белого арктического медведя, который укладывается в берлогу не осенью, как бурые, а весной — на лето. В 1994 году один японский автор опубликовал на родине еще более фантастическое известие: будто бы в Байкале живет водяное чудовище, похожее на таинственного обитателя озера Лох-Несс в Шотландии. Мне довелось встречаться с посланцами японского автора, требовавшими познакомиться с теми людьми, кто его видел. Но единственное, что я передал гостям — это выписки из древних шаманских преданий о Лусуд-хане — драконоподобном божестве Байкала — и зарисовка китайского «очевидца» начала нашей эры существа с рыбьим туловищем и мордой дракона.

МОРЕ УШЕДШИХ ПРЕДКОВ

НА ЗЕМЛЕ ПРАРОДИНЫ ЯКУТОВ

Отправившись в погоню за похищенной врагами невестой, древний якутский богатырь Юрюнг Уолан вскоре прискакал на верном коне к западным берегам невиданного таежного моря Муус Кудулу Байгала («Ледяного Байкала»), зажатого между каменными громадами неприступных гор. Так вот он какой, грозный в величии своем страшный водоем, слышимый «за девять дней» студеным дыханием своим и различимый «за три дня» всплесками вздымающихся валов! По необъятным просторам его от горизонта до горизонта, теряясь в белых клубах холодного тумана, громоздились тяжелые сверкающие льдины, с громовым шумом ломаясь о береговые скалы в мелкую скрипящую шугу.

В долгом раздумье стоял Юрюнг Уолан на краю гранитного обрыва перед бушующей черной водяной бездной. Нет ей конца и края, а где-то там, за далекой синей грядой восточных гор, остроконечные вершины которых были одеты в белые шапки снегов, находится чудовищное царство всех злых сил, где томилась в неволе бедняжка-красавица. Ходила молва, что в той сумрачной стране в руслах тамошних рек простирались луга с увядшей травой, на песчаных плесах пугающе ревели вечные свирепые вихри, с треском ломая толстые стволы вековых лиственниц, а в лесных дебрях бродили лохматые призраки.

Но чтобы попасть на тот потусторонний берег, нужно было преодолеть еще одно гибельное место. Им являлся не менее страшный морской залив Лэбийэ, ибо:

*Там выбрасывает прибой
Убитых богатырей.*

*Там на отмель выносит волна
Растерзанных женщин тела.*

*Там качает зыбь, как шугу,
Мертвых девушек молодых.
Там на глыбах валяются ледяных
Трупы юношей удалых.*

То, что в древнем якутском эпосе речь идет не о каком-то мифическом море, а именно о Байкале, сомневаться не приходится. Это видно не только из ярких описаний суровых физико-географических особенностей Муус Кудулу Байгала, но и самой генетической истории якутов. Являясь прямыми потомками тюркоязычных курыкан, живших более тысячелетия тому назад в Прибайкалье, они при вынужденном переселении в современный район обитания сохранили ностальгические воспоминания о своей древней прародине на западном побережье Байкала. По крайней мере, якутские мифы повествуют о героических подвигах своих славных богатырей именно на земле, граничившей со страной враждебных сил, под которой подразумеваются сухие степи Забайкалья и Центральной Азии, заселенной воинственными кочевыми племенами. Именно они, эти «злые» силы ранних монголов накануне создания великой империи Чингисхана, начав глубокие северные походы, вынудили большую часть курыкан покинуть родные места и искать счастье в далеком холодном Заполярье вниз по течению великой сибирской реки Лены.

До сих пор сидя долгими зимними вечерами у горящего пламени домашнего очага в кожаных ярангах, седые знатоки древних легенд рассказывают молодежи о Байкале как о месте изначального проживания народа Саха-уряняхай. Во время ритуальных камланий шаманы часто обращались к образу Дьэнкэрэ Байгала («Ангарского Байкала»), в чистых и светлых водах которого они черпали свои жизненные силы. Есть также рассказ о государстве Уряняхай на берегах Байкал-озера, царь которого приказал убивать всех стариков старше 80 лет, о «прозрачном море Баягал», в темных глубинах которого отражалась золотая чаша, лежавшая на прибрежном утесе, и только мудрость старика прекратила гибель людей, нырявших за ее отражением. И вообще в якутском олонхо гидроним Байякгал употребляется довольно

широко (наряду с Арат-Байгалом) в своем нарицательном значении «море», причем исключительно к современному озеру Байкал. По Г.В. Ксенофонтову, в якутском языке имеются объяснения таких важных географических объектов Прибайкалья, как Иркут, Хамар-Дабан, Аларь, Китой, Балаганск, Орхон и др.

Вот один из примеров. В якутском олонхо имеется понятие «ётюгэн (ётюгэт) тёрде». Это место, где обитают подземные чудовища (синоним ада), куда те уводят пленников из человеческого мира и мучают там. Между тем «отюкен» у центральноазиатских тюрков — название горной страны в нынешней Северной Монголии (на северном Хангае и южном Присаянье), а время действия мифических событий совпадает с периодом первых битв курыкан-теле с тюрками-тугю, а затем и монголов, обосновавшихся на их кочевьях.

«Ётюгэн» граничила на севере с долиной Кылыдакты олонхо «Нюргун-боотур Стремительный». Эта солнечная благодатная долина, «сокровенное золотое гнездо, окруженное громадами гор», описывается так:

*В светозарной той стороне
Осьмикрайняя,
На восьми ободах,
Белая долина блестит.
Там неувядающая никогда,
Не знающая изморози ледяной,
Зелень буйная шелестит.
Там высокое солнце горит светло,
Никогда не падает снег,
Никогда не бывает зимы.
Лишь благодатное там
Вечно изливает тепло.*

Олонхосуты, повествующих о стародавних временах в студеных землях Заполярья, можно понять, и поэтому описываемая прародина далеко к югу от края вечной мерзлоты представлялась теплой страной блаженства с пышной зеленой растительностью, не знающей губительных снегов. Но вот какие суровые

краски добавляются при рассказе об обширной горной системе к западу от долины Кылыдакты:

*Там бураны
Бывают порой,
Катящие с грохотом
Глыбы камней
С трехлетнюю телку величиной.
Там ураганы бушуют порой,
Катящие камни величиной
С четырехлетка-быка.
Там обвалы гремят в горах,
Вихри вздымают до облаков.
Деревья такие огромные там,
Что древняя с них
Спадает кора.
Темные дремучие там леса,
Заросли непроходимых чащоб...
А далеко — на солнечной стороне —
Высокие сопки стоят,
Каменные горы за облака
Заносят острые скалы свои.*

Об этой соседствующей горной стране олонхосуты добавляют еще несколько любопытных деталей. Например, то, что оттуда берут начало «девять бурных, могучих рек, пробиваясь средь гор и холмов». Выйдя на равнинный простор, они вливаются в одну могучую реку. «Семиречьем» авторы средневековья обычно называли реку Ангару с ее крупнейшими притоками, стекающими с Восточных Саян, то есть землю, населенную в прошлом курыканами Прибайкалья. А разве может оставить сомнение такая характерная деталь описываемых гор:

*На грани трех сопредельных стран,
На кургане сверкающе ледяном
О железных трех поясах,
С жерлом на вершине крутой,*

Огнем подземных глубин
Полыхает горнило его.*

Люди, знакомые с природой Восточной Сибири, без труда узнают в этом красочном описании Саянское нагорье с его заснеженными остроконечными вершинами, непроходимой чащей лесов, топкими болотами, альпийскими холодными лугами; нагорье, знаменитое своими снежными буранами и впечатляющими горными обвалами. Ну а гигантская природная кузница небожителя Куэттени, конечно же, представляет в сущности величественные конусы потухших вулканов и огромные поля застывшей лавы вокруг них, известные в Восточных Саянах и Тункинской долине. По мнению геологов, такие вулканы, как Кропоткина и Перетолчина, могли действовать совсем недавно — на глазах древнего человека, а иные до сих пор курятся дымками и издают пугающее «бормотание» глубинной лавы в недрах Земли.

Если обширная горная страна, упоминаемая в якутских олонхо, могла включать и Восточные Саяны, и Тункинскую долину, то восточное лесо-холмистое окружение мифической прародины урянхай-саха должно иметь более сдержанное описание, что мы и видим на деле. Горы там невысокие, поросшие лесом, в котором поют тетерева, глухари и прочая боровая дичь. За лесом еще восточнее раскинулись обширные степи с цепью озер, кишящих водоплавающими птицами. В той степи кочевало злое племя хуньей, что может соответствовать потомкам селенгинских хуннов рубежа эпох.

Если это действительно отроги Хамар-Дабана с долиной реки Джиды, впадающей в Селенгу, то к северу от Кылыдакты, конечно же, находится озеро-море Байкал («Муус Кудулу Байгал»):

Огнереющее, бездонное море,
Чье дыхание студено,
Чья суровая дума грозна.

* (т.е. мифического героя — кузнеца Куэттени — А.Т.).

А на том море посреди бушующих волн стоит огромный каменный остров, «окованный сверкающим льдом» (Ольхон). На его скалистых берегах есть много пещер-жилищ, откуда «через дуплистый пенъ клубится кудрявый дым». Легенды местных народов об «огнедышащем» Байкале широко известны, и суть данного образа мы раскроем далее.

Если Кылыдакты, эта цветущая и благодатная прародина якутов, является современной Тункинской долиной, южным концом упирающейся в северное нагорье Хангая (Отюкен), то нет ничего удивительного в том, что древние предания называют Мондинский перевал страшной дорогой Куктуй, по которой проникают злые духи. Те, кто бывал в тесном горном ущелье верховьев р. Иркут, согласится с описанием данного места:

*Между этих обрывистых гор
Ветры сильные дуют всегда,
Вихри бушуют всегда,
Каменные обвалы гремят...
Там, бесконечное, пролегло
Ущелье гора и мук.**

За перевалом, уже в «потусторонней» части, есть и озеро с «мертвой» водой — Улахан-Кудулу, на берегу которого стоит железный дворец огненного змея Уот Усуму. И такое озеро за Мондинским перевалом действительно имеется — Косогол или Хубсугул. За перевалом уже начинаются великие монгольские просторы. Не случайно поэтому «хозяином»-духом этого страшного и губительного для древних якутов перевала на юге долины Кылыдакты является Хаадыат Могол, имя которого, собственно, может олицетворять враждебных для тюрков урянхай-саха монголов.

Впрочем, древние якуты в лице курыкан не исчезли бесследно, не растворились в среде монголоязычных племен, вторгшихся в пределы тюркоязычного мира Прибайкалья. В долинах западных притоков озера Байкал есть несколько шаманских свя-

* Урочище Ледяной хатун (совр. Мунку-Сардык — А.Т.).

тых мест, приписываемых бурятами якутам. В верховьях реки Лены сохранилась так называемая Урянхайская степь — легендарное историческое место частых сражений между «монголами» и бурятами (якутами). На севере Байкала и в Баргузинской долине отунгусившийся род яколцев или яконцев считают якутским. Г.В. Ксенофонов полагал, что бурятские народные сказания о воинственных сэгэнутах в верховьях Лены (в урянхайской степи) — это воспоминания о якутах-саха, или сэгэ. И полагал, что сэгэнутские роды среди верхоленских бурят — это обуяченные якуты. Впрочем, отдельные настоящие якутские семьи, четко осознававшие свою этническую принадлежность, встречались на Байкале вплоть до начала XX столетия.

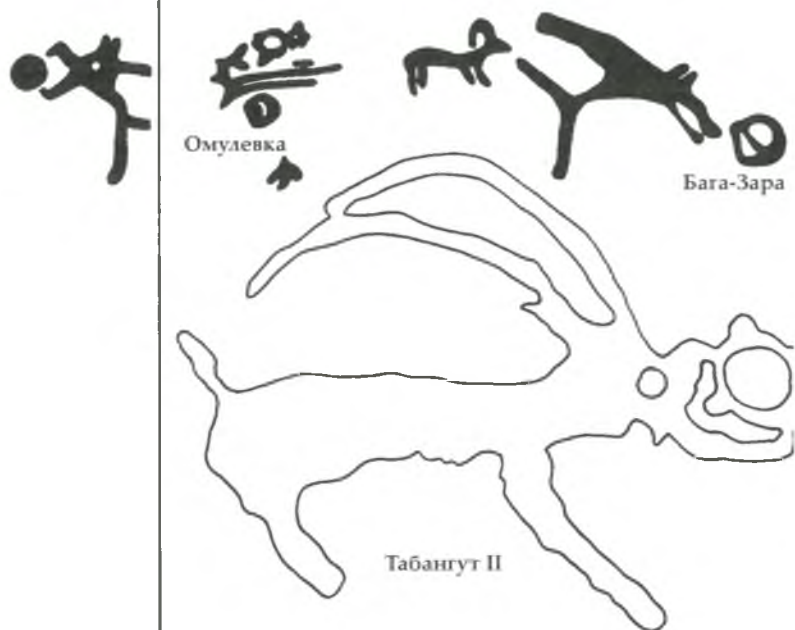
Мы столь подробно коснулись вопроса об исторической прародине якутов потому, что без знания их законсервированной «изначальной» мифологии невозможно понять многие элементы уже частично видоизменившегося бурятского шаманского мировоззрения об уникальной экосистеме озера Байкал.

КУРЫКАНСКИЕ ДУХИ БАЙКАЛА

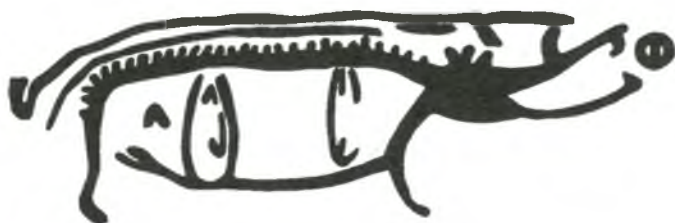
Доказывать родственность якутов и значительной части западных бурят через общих курыканских предков так же нелепо, как сомневаться в родстве брата и сестры через их общих родителей. Хотя этим вопросом занимаются недостаточно углубленно, но даже в самых различных сферах традиционных культур якутов и бурят рассыпано много фактов их этногенетической общности.

Взять, к примеру, распространенную легенду бурят о происхождении хоринцев от Хоридой-мэргэна. В якутских преданиях также фигурирует некий витязь Хородой Хойгос, от которого произошел Борогонский улус, в составе которого числится Хоринский наслег. А легендарные предки якутов Омогой-бай и Элей-Боотур, прибывшие в Заполярье по р. Лене из страны Урянхай, удивительно напоминают образы духов-хозяев верхо-

Изображения мифических драконообразных существ,
глотających небесное светило на скалах
Прибайкалья и сопредельных территорий

АНАЛОГИИ В СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ

Понятие: "ПОЖИРАТЕЛЬ СОЛНЦА"

Набор знаков: Чудовище (как правило, драконообразное), пожирающее Солнце.

Образ широко распространен в шаманской мифологии Азии, в т.ч. Южной Сибири.

Один из главных сюжетов древнекитайского искусства и письменности.

АНАЛОГИИ В СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ

вьев р. Лены Харамцай-мэргэна и Хаара-Ажирая. В обоих случаях два героя древности, преследуемые врагами, бегут, отбиваясь от погони. Как и Эллей, один из них плывет вниз по сибирской реке на бревне. Разница только в том, что в бурятской легенде оба героя гибнут, а не становятся родоначальниками людей. Но в якутских сагах Эллей умирает в пути на Лене, а по другим вариантам, оба якутских героя также погибают в Прибайкалье.

Подобных генеалогических сюжетов, рожденных, следовательно, еще в курыканскую эпоху, можно найти в истории для этих двух народов родо-племенных групп хоро-хори, тумат, сартол, боотулу, хангинцев, балагачинцев, куокей, мэнгэй и др. Давно не вызывает сомнения вопрос о значительном «тюркизме» в среде западных бурят вплоть до того, что до XVII столетия в языке эхиритов активно сохранялся фонетический строй тюркского языка. У тех же западных бурят до сих пор бытуют некоторые древнетюркские обряды и шаманские образы (а также элементы материальной культуры), давно забытые тюркоязычными народами Восточных Саян и Центральной Азии.

Так как якуты и западные буряты имели общих предков в лице курыкан, то наличие единых мотивов в их легендах и пре-

Бронзовый век. Монголия.
Сцена терзания чудовищами
оленя. Так спроецировался древний
космогонический миф о драконах,
пожирающих Солнце
(в образе оленя)

даниях не вызывает удивления. Взять, к примеру, известный у обоих народов почти дословный рассказ о золотой чаше на дне Байкала, попытки достать которую из морских глубин завершались гибелью удалых юношей. И лишь один старик пояснил молодым людям, что чаша сия находится не в студеных водах, а лежит на прибрежной скале, а недостижимый предмет является лишь ее отражением. С той поры, заключают якутский и бурят-

ский мифы, народ отказался от давней традиции преждевременно умерщвлять стариков за их житейский опыт.

Однако заострим наше внимание на страшной особенности Муус Кудулу Байгала. Что это за тела растерзанных прекрасных женщин и трупы юношей удалых выносит морская волна из водной пучины озера-моря?

Оказывается, подобное мифологическое представление существовало и у западных бурят. Так, в шаманском обращении к духу-хозяину озера Байкал есть такие строки:

*Раз ты морем стал,
Зачем прячешь в себе
Умерших-отошедших?*

Фольклорные материалы, собранные Е.В. Баранниковой среди западных бурят, дают некоторый ответ, почему у их курыканских предков существовало представление о Байкале как о хранилище душ умерших соплеменников. Оказывается, более тысячи лет тому назад у байкальских поморов существовал обряд жертвоприношения хозяину воды *Лусуд хану* (Уха-Лобсон хану) умершими людьми. У бурят сохранились смутные воспоминания о том, что покойников помещали сначала в деревянный ящик, затем в железный, который обшивали кожей быка и в таком виде бросали в морские пучины Байкала. А разве легенды о гибели молодых искателей удачи за золотой чашей не есть отражение древнего обряда «кровавых» жертвоприношений духу Байкала?

Эта мысль находит подтверждение в другом круге источников, также относящихся к эпохе курыкан. Исходят они от древних китайских очевидцев, не раз входивших в состав посольств в северную страну «гулиганей» (курыкан), или же оставлены теми хронистами, что присутствовали на приеме китайским императором курыканских посланцев. На этих приемах географы-летописцы, пользуясь благоприятным моментом, выуживали у представителей далеких северных земель сведения об озере Байкал, но особенно об острове Ольхон, поразившем обилием курыканских городов, крепостей, могильников и шаманских свя-

тых мест. Эти сведения подтверждают и дополняют существовавшие религиозно-мифологические представления о Байкале, как о «море мертвых», принимавшем в свои бездонные водные пучины тела и души умерших соплеменников. В Древнем Китае подобные рассказы произвели большое впечатление на жителей: они были уверены, что близ острова Ольхон имеется бездонная глубина Байкала — провал в подземное (подводное) царство мертвых. Вход туда охранял страшный великан, похожий на дракона, имевший на голове острые рога. Согнув громадное тело в «девять изгибов», он вытягивал залитые кровью руки и загонял в ад души умерших. В поэме «Призывание души» одного древнекитайского поэта по этому поводу есть такие строки: «Душа, вернись, вернись, душа! Не опускайся в столицу мрака. Там изгибаемая Ту-бо девятью изгибами. Острей его рога всего на свете. Его спина толста и пальцы в крови, и за людьми гоняться любит он». Китайские иероглифы *ту* — «земля» и *бо* — «шаман» дают представление об ипостаси драконоподобного чудовища: в основе лежит одна из функций сибирских шаманов «сопровождать» души умерших в царство теней, типа перевозчика Харона через реку мертвых или собаки Цербера, охранителя врат ада из древнегреческих мифов.

Есть основание полагать, что страшный образ дракона, охраняющего вход в мифическое царство мертвых в морской пучине Байкала, не придуман древнекитайскими авторами, а «слеплен», так сказать, с натуры, со слов местных поморов. Он удивительно напоминает грозного владыку сибирского водоема из шаманского фольклора, например, тех же западных бурят — потомков курыкан. Его имя Лусуд-хан или Уһа-Лобсон-хан даже без фольклорного описания образа представляет существо в чудовищной драконоподобной ипостаси от слова *лу* — «дракон», *су* — «вода», *хан* — «царь, владыка, хозяин». Отсюда буквальный перевод «водяной дракон — хозяин» Байкала. Второе имя еще определеннее раскрывает «водяное» происхождение дракона Уһа (Уһан) — «водяной», доводя смысл практически до тавтологии. Есть указание и на то, что Уһан-Лобсон-хан является

грозной владыкой не только водных глубин Байкала, но и бросаемых туда человеческих жертв.

Происхождение других чудовищных владык морской пучины Байкала, так или иначе, связано с образом мифического дракона, причем для усиления такого понятия зачастую говорят не только о рогах, присущих только азиатским драконам, но и о многоголовье. В бурятском героическом эпосе «Еренсей», к примеру, это чудовище «с рогами, как пять жердей» названо мангатхаем. В сказке «Хан-Гужир» Тальян-шара мангатхай, вынырывающий из глубин водоема, имел 58 голов. В этой же сказке упоминается какой-то двадцатиголовый змей Хорто Шарта, выходящий из морской пучины и съедающий плавающих птиц, а также летучий змей, похожий на птицу-человека. В сказке «Девушка Тэбэк-Гогон абаха» героиня встречается с пятидесятивосьмиголовым Тангил-шара мангатхаем на берегу моря, но на этот раз чудовище выходит из такой глухой тайги, что в ней не могла ни змея проползти, ни росамаха пробежать.

Появление драконоподобных чудовищ всегда сопровождается страшными природными стихиями. Сказка «Хан-Гужир» красноречиво передает такую сцену. У подданных царя Гули Тальян-шара мангатхай угоняет скот и поедает людей. Он выходит из глубин «желто-молочного» моря, и всякий раз перед его появлением на поверхности воды поднимаются огромные волны и возникает желтая пена. В сказках «Охотник», «Дурак-сын и волшебный перстень» сообщается, что везде, где появлялся мангатхай, на землю падал ядовитый желтый туман, от которого засыхали деревья и дохли звери. Появление на поверхности воды двадцатипятиголового змея Харто-Шарта всегда сопровождалось сильными морскими штормами и белой пеной.

Древнекитайские известия расширяют перечень мифологических образов духов-божеств Байкала. По одному из вариантов, бог Северного моря Юй-цань иногда появляется восседающим на паре драконов. Перевод иероглифа дает представление, что это существо имело «рыбье тело», а второе его имя Юан-минь уточняет: она была в первоначальной ипостаси «большой

рыбой». Третье же имя — *Гунь* — совершенно отчетливо рисует ее «рыбой-китом».

Кит этот был поистине огромен, «нельзя даже сказать, во сколько тысяч ли». Но иногда с ним творилось нечто невероятное. Он мог вдруг ни с того не с сего закачаться и превратиться в птицу Пэн — огромного злого феникса. Когда у птицы-кита наступали моменты гнева, при котором Юй-цань вылетал из моря в образе духа ветра, два его черных крыла затмевали небо от горизонта до горизонта наподобие туч. Взмахи этих крыльев поднимали страшный ураган и огромные, доходящие до неба, морские волны. Ревущий и стонущий, леденящий и пронизывающий до костей северный ветер доходил и до теплых земель юга, неся снега, болезни и смерть.

Самое интересное заключается в том, что и образ хана, бытовавший у древних курыкан Прибайкалья, дошел в ярком выражении у их потомков в лице якутов и бурят. В якутском эпосе говорится, что в преисподней Байкала живет «гибель-дракон-рыба с чешуею назад, с плавниками наоборот» или «гибель-ерш-рыба с жабрами назад, с чешуею навыворот». О страшной рыбе-драконе Абарге в бурятских преданиях сохранился целый ряд сюжетов. Обитая, якобы в черных глубинах Байкала, она поражала воображение своими громадными размерами (способностью лечь поперек озера от берега до берега) и особенно широко разверстой зубастой пастью:

*На дне молочного моря
С тринадцатью плавниками
Большая рыба Абарга —
Ездовое животное
Унан-Лобсона.*

В бурятской мифологии есть также образ *Абарга-загахан-рыбы* большой величины — прародительницы и царицы всех рыб, или *Абарги-могое* — прародительницы и царицы всех змей.

У мангатхая из сказки «Лодой-Мэргэн» есть единственный помощник — огромная чудовищная рыба Мажин, являвшаяся дядей (?) по отношению к первому. Существо, впрочем, очень

распространенное в древнем бурятском фольклоре и вне связи с драконами. Зажав во время схватки на берегу моря пастуха Борболдоя, владыка морской пучины такими словами призывает рыбу, стараясь обрадовать ее вкусной пищей:

Огромное чудовище-рыба

Мажин,

Дядя мой, поближе

Прислушайся!

Большеротый мой,

Раскрой рот!

Большеротый мой,

Раскрой пасть!

Брошу я тебе такое, что

В желудке твоём даже

Донышка не покроет,

А пищевода твоего

Даже не пощекочет.

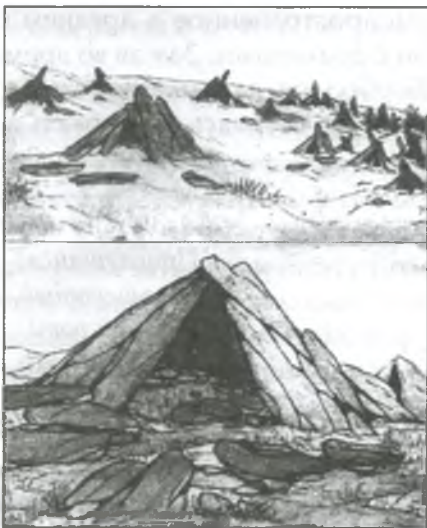
«И только, было, собрался он пастуха Борболдоя кинуть в море, — повествует сказка, — как пастух Борболдой вырвался из подмышки и бросил в воду самого мангатхая. Мангатхай поплыл по морю черному — оно забурило; поплыл по морю синему — оно зашумело. И когда он совсем был близко к берегу, рыба-чудовище проглотила его».

Привлекает внимание и тот интересный факт, что древние китайские информаторы помещали вход в подводный потусторонний мир в районе острова Ольхон, а точнее — в Малом море или близ мыса Ижимей. Случайность ли это? Оказывается, и тут мы встречаемся с географической закономерностью абсолютного числа размещения курыканских кладбищ именно здесь, в компактном месте побережья Байкала. Из изученных 542 могил 486 (или 86,35%) находятся в Приольхонье. Как полагает Б.Б. Дашибалов, высокая концентрация курыканских захоронений вокруг острова Ольхон может свидетельствовать об общем культовом месте, где могли собираться представители различных родовых групп, объединяемые общеплеменным сакральным

центром. Конечно, довольно необычно считать Приольхонье единым местом захоронения курыкан Прибайкалья, но больше в иных уголках Восточной Сибири погребений практически нет, и этот странный факт опровергнуть пока невозможно. А при связи с древнекитайскими известиями о наземно-подводном мире упокоения умерших курыкан на острове Ольхон (где, кстати, в каменном жилище-пещере жил владыка Северного моря и, надо думать, охранитель страшного входа в царство теней) теория эта получает философское обоснование. И уж совсем любопытно то, что здесь же буряты-

шаманисты размещают жительство Эрлиг Номон-хана — владыки нижнего мира умерших предков. Его птицеобразный брат Хан Хото-баабай (существо, известное в мифологии якутов как хозяин Ольхона и всего Байкала) помогал ему отправлять в темницу загробного мира души умерших людей. Из свиты Эрлиг-хана шаман Эдимхэ-боо также занимался «умерщвлением» людей путем поклонения их греховных душ и препровождением их в преисподнюю. Кстати, согласно древней бурятской мифологии, этот вход в подземный мир именуется «ухэли уудан» — дословно «ворота смерти», возврата через которые обратно нет.

Я не думаю, что все удивительные факты совпадения древних и более поздних по времени сведений о якобы именующемся в районе острова Ольхон страшном входе в подземно-подводное царство умерших предков являются простой случайностью. Дело, скорее всего, в бытовании древнейшего религиозно-

Тип курыканских шатровых надмогильных складок.

Рис. П.П. Хороших

мифологического представления курыканских поморов, отголоски которого дошли до наших дней в старинном шаманском фольклоре их потомков в лице якутов и западных бурят.

СВЯТЫЕ ДРЕВНОСТИ ОЛЬХОНА

В проблеме «курыканы — якуты — западные буряты» рассмотрим к Ольхонскому краю повнимательнее. С курыканами вроде бы все ясно. Существование мифологического представления о далеких предках якутов и бурят, о якобы едином общеплеменном месте захоронения умерших предков, вероятно, не подлежит сомнению, хотя и нуждается в логическом обосновании.

Попадая на Ольхон, поражаешься не только наличию большого числа археологических памятников данного района, прежде всего могильных, но и какому-то трепетному отношению к ним местного бурятского населения. Неким ранее обитавшим здесь «хара-монголам», или «монголам-бурханам», приписываются типично курыканские каменные стены (городища) и наблюдательные вышки, называемые «шулуун монгол шибээ» — «каменные монгольские крепости», а также особо большое число древних некрополей.

Оригинальный культ «монгол-бурханов», вероятно, подтверждает этнологическое родство бурят с предками-курыканами, либо является живым продолжением ранее бытовавших религиозных традиций.

Согласно шаманской мифологии, «монголы-бурханы» («хара-монголы», «шара-монголы», «ута-монголы» и др.) являлись коренными жителями Прибайкалья. Затем при появлении белой березы они либо откочевали в отдаленные места, либо заживо похоронили себя под каменными надмогильными сооружениями. Души умерших превратились в духов-хозяев тех мест, где стояли их юрты и располагались кочевья. Поскольку, мол, населения было много, то, естественно, и «хозяев» много: они со-

ставляют как бы целое сословие мелких территориальных духов. В этой связи ольхонские буряты перед постройкой новой юрты обязательно испрашивали разрешения у духа «монгола-бурхана» и делали ему жертвоприношение. Некоторые духи считаются очень свирепыми, злыми, посылают болезни, умерщвляют скот и детей, топят в море и т.п., требуя постоянных жертвенных даров. Самые жестокие духи «монголов-бурханов» обитают на берегах Малого моря, там, где находится страшный вход в подземно-подводное царство мертвых.

Вообще-то, нужно сказать, что культ «монголов-бурханов» особенно распространен среди кудинских, верхоленских, ольхонских и байкало-кударинских бурят, но важно то, что он географически совпадает с границами бывшего государства курыкан, причем объектами почитания являются исключительно курыканские памятники. В Баргузинской долине аналогичный культ существует по отношению к баргутам (эвенк. Корчихолхори). В устье Селенги «монголы-бурханы» — это будто бы духи убитых в боях «монгольских» воинов. В старину, как писал Т.М. Михайлов, в каждой местности, в каждом улусе, «чуть ли не в каждой усадьбе» якобы находили места их захоронений, а посему молебны этим духам носили массовый характер. В Тункинской долине есть указания на связь местных некрополей эпохи средневековья с некими «китайцами».

Наиболее ярко культ «монголов-бурханов» бытует в Ольхонском крае, где имелся (наряду с Кудинской долиной в Приангарье) едва ли не основной центр курыканского государства, учитывая невероятное обилие памятников их культуры. Обширные некрополи у подножий береговых скал имеют свой культовый термин «олон далса» (букв. «множество прижатых»), в отношении ряда из них бытует развитая шаманская мифология. Так, считается, что в местности «Абзаев утуг» происходило сражение между двумя «хара-монгольскими» родами, и поэтому на огромном кладбище похоронены убитые представители рода эдигей. Оставшиеся в живых члены рода переселились на берега Малого моря и ныне будто бы проживают в бурят-

ском улусе Хурхудский. До сих пор, повторимся, нет удовлетворительного объяснения, почему из 542 изученных курыканских могил 468 (или 86,35%) находится только на берегах Малого моря.

Если район Приольхонья действительно мыслился как общеплеменное погребальное место курыкан, то вполне логично считать их кладбища священными заповедниками упокоения душ предков. И, вероятно, подобное мифологическое представление существовало, о чем, к примеру, свидетельствует такой отрывок из шаманского призывания «монгол-бурханам»:

Храброго нашего предка

Местожительство — Байкал.

Нашего племенного предка

Родина — на Ольхоне.

Интересно отметить, что в шаманских легендах ольхонских бурят о духах-хозяевах местных урочищ почти постоянно присутствует тема о захоронениях «монголов». Например, существует объяснение о внезапном их «переселении» с острова на юг. То ли само божество грома *Угутэ-ноин*, то ли шаман *Нагре-бо* проявили инициативу, но решение о выдворении древних аборигенных жителей было принято. Проснулись «монголы» уже за Байкалом, оставив после себя каменные стены, могилы, маяки и т.п., которым местные буряты до сих пор приносят жертвы. Однако оказалось, что переселились-то не бранные останки, а только души умерших. Посоветовавшись, Угутэ-ноин и Нагре-бо решили не трогать кости «иноверцев-богохульников». Мол, наступит время, когда скелеты сами уйдут в степи Монголии. Можно себе представить всю экзотичность картины, говорил мне местный краевед М.Н. Ревякин, когда в одно прекрасное утро предки «монголов» встанут из могил, и толпы скелетов, гремя костями, пойдут пешком по пыльным дорогам Байкала вслед за своими душами.

Есть, впрочем, легенда о том, что в знаменитой Шаманской пещере у села Хужир жил сам *Гэгэн-бурхан*, повелитель монголов. Но нужно было случиться тому, что этот же остров понра-

вился его брату — Хан-хото-баабая. Долго шла борьба между братьями, пока не решили расстаться с миром. Для этого они условились наполнить чашки землею, и, если у кого за ночь она сделается красной, тому остаться на Ольхоне, а другому откочевать на новое место. Желание Хан-хото-баабая было столь сильным, что он не поленился проснуться среди ночи и подменить чашки в свою пользу. Проснувшийся Гэгэн догадался о подлоге, но спорить не стал. Он отдал «монголам» распоряжение навьючить на верблюдов имущество и разбирать юрты. Следующей ночью во время сна все коренные жители Ольхона были чудесным образом переселены на южную сторону Байкала.

Если строго следовать древним китайским известиям о Байкале (времени курыкан) и его птице-китово-драконоподобных божествах, то последние размещаются информаторами в одном конкретном месте — на горе Бэйцзitiaньгуй («Небесный столб Северного предела»), находящейся на большом каменном острове посреди вод Северного моря. В другом месте летописного источника остров этот называют Шэшань («Змеиной горой») и пишут, что на ней водилось много пестрых птиц, которые слетались в огромные стаи и своими крыльями будто бы застилали солнце. «Это было величественное зрелище!» — восклицали очевидцы-рассказчики.

Таким значительным по площади каменным островом посреди вод озера Байкал является Ольхон, где до сих пор очень ярко сохранился культ *Шубуун-нойона* (Хан-Хутэ-баабая или Ихэ-Шубууна) — великого орла, считавшегося духом-хозяином острова и владыки всех прибайкальских орлов, и живущего, якобы, в **пещере Бурхан**. Есть выражение Шубуун-ноёд («птицы-нойоны») — групповое название орнитологических предков нескольких поколений шаманов Ольхона. О них говорят, что эти шаманы имеют «шубуун-удха» — «птичье происхождение». Но эти шаманы считаются самыми «сильными» среди всех существующих в Сибири, Центральной Азии.

Есть одна старинная шаманская легенда о трех беркутах. Сойдя с неба на землю, пришельцы чудесным образом вопло-

тились в хозяина Ольхона и вновь родились в прежнем облике, став царственными птицами горных вершин острова. По другому варианту, блуждающих небесных посланников приютили Хан-Хутэ-баабай (Ута-Саган) и его бесплодная жена *Саксагзаган-хатан*. Их отец — царь птиц — был огромных размеров орлом и вечно сражался с многоголовым ядовитым змеем, выходящим из глубинной бездны Байкала.

То, что орлы почитались хоринцами в качестве царственного тотемного предка, подтверждает шаманское молитвенное призывание Хан-Хутэ-баабаю, записанное С.П. Балдаевым у байкало-кударинских бурят:

*Происхождение наше,
Зарождение наше,
Хозяин острова Ольхон.
Собственное имя Ваше —
Хан-Хута — Отец.
Угэтэ — госпожа мать,
Прозвище Ваше.
Птица Большой начальник,
Шомшор Большая госпожа.*

Одним из мифологических представлений о Хан-Хутэ-баабае является указание на связь его с загробным миром. По одним вариантам легенд, это был сын *Гужир-тэнгри* — брата и заместителя владыки преисподней Эрлен (Эрлиг)-хана. По другим вариантам — это родной брат Эрлен-хана и даже его заместитель по загробному миру. В его распоряжении находилось 3 призрачных дворца и 33 присутственных места, так называемые «ноёни суглан», в которых Хан-Хутэ-баабай со своими помощниками разбирал дела человеческих душ и решал их участь: вернуть ли к больному телу и брэнному бытию или отправить в загробный мир Эрлен-хана.

Т.М. Михайлов считал, что божественный орел Хотой был одним из главных лиц в шаманском пантеоне курыканского населения Прибайкалья, ибо под этим же именем его образ сохранился и у якутов. Когда китайские послы попали на бере-

га Байкала, они, конечно же, увидели культ священного орлатотема во всем блеске и великолепии. И это понятно, поскольку истоки культа зафиксированы археологами еще у племен эпохи бронзы — раннего железа, и эта царственная птица почиталась всеми тюркоязычными народами Алтае-Саянского нагорья. На озере Байкал амулет в виде головки орла из рога был найден мною при раскопках погребения конца каменного века. Между прочим, древний рисунок «птицеобразного» шамана с бубном и колотушкой, находящегося в состоянии ритуального танца, был мною же найден у входа в пещеру Бурхан, считавшуюся жилищем птицеобразного хозяина Ольхона.

В непосредственной близости от шаманской скалы с пещерой имеется и шаманская роща, в которой издавна сжигали умерших шаманов, и богатая коллекция ритуальных предметов в экспозиции музея пос. Хужир была собрана здесь. В частности, с этой шаманской рощей связаны имена самых «больших» умерших жрецов (напр. с т.н. «древними хородутскими шаманами»), а гнездящиеся на деревьях орлы — это не что иное, как их души.

Археология свидетельствует об исключительной древности культа мыса Бурхан. Еще Л.П. Хлобыстин в 1964 году впервые отметил, что древние жертвенные приношения от каменного века до наших дней встречаются компактными скоплениями на весьма ограниченной территории (хорошо видны они и сегодня). В 1972 году здесь же было обнаружено крупное кладбище людей каменного века, но были ли они шаманами — определить затруднительно. Ясно одно: в древности соплеменников хоронили не где попало, а на особых святых местах, и таким местом, конечно же, являлся эффектный мыс Бурхан (Шаманка) на Ольхоне. Причем, если реконструировать это святое место, то оно уже в каменном веке состояло из большого числа самых разнообразных культовых памятников: пещер, наскальных рисунков, жертвенников, могильников, алтарей и пр., что позволяет считать его, пожалуй, самым крупным и особо почитаемым шаманским объектом на берегах Малого моря. К эпохе курыкан оно уже бес-

спорно считалось главнейшей святыней Байкала, где «размещались» самые значимые духи-хозяева всей акватории Северного моря.

Однако я склонен полагать, что не нынешний мыс Бурхан с его пещерой и древним некрополем считался мифическим входом в потусторонний мир. Весь вопрос, кажется, в Малом море. Я уже говорил о том, что только на его скалистых берегах размещено абсолютное большинство курыканских захоронений. Как показали археологические исследования, оказывается, некоторые некрополи совпадают территориально с более ранними по возрасту — родовыми кладбищами людей бронзового и даже каменного веков. Расположенные в устьях впадающих в Байкал рек, эти некрополи, безусловно, как и курыканские, подчинялись некой религиозно-мифологической идее, согласно которой, Малое море могло мыслиться местом упокоения душ умерших предков. Почему это было связано с Байкалом, выясняется из внимательного анализа шаманской мифологии аборигенных народов Прибайкалья.

МЕСТО, ОТКУДА НЕТ ВОЗВРАТА

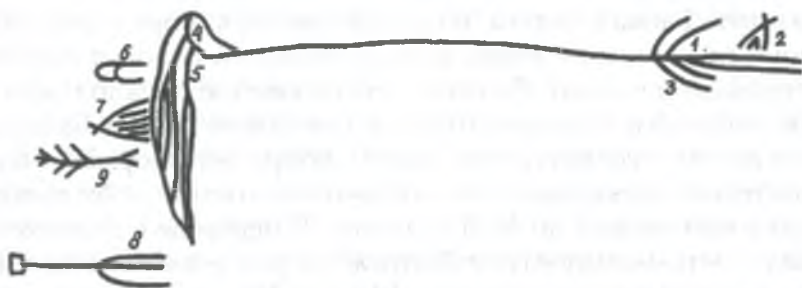
До сих пор мы говорили о Малом море как о месте упокоения душ умерших предков древних курыкан, и, возможно, их предшественников бронзового и каменного веков. Однако если следовать путем якутского богатыря Юрюнг Уолана, бросившегося в погоню за вероломно захваченной врагами невестой, мы сможем убедиться, что если тот стоял на западном обрывистом берегу озера Байкал, то страшный залив Лэбийэ, конечно же, находился на его восточном побережье. Где могут располагаться здесь обширные песчаные отмели по пути в лесостепной засушливый Забайкальский край? Более подходящего места, как район акватории дельты реки Селенги, я не вижу.

Если следовать якутским олонхо, то Муус Кудулу-Байгал, хотя и представляется морем, но оно вытянуто и даже узко, так,

что через него могли перескакивать мифические герои верхом на верном коне. Оказывается, и в бурятской шаманской мифологии это море также обозначено не неким бесформенным географическим объектом, а вполне узнаваемо. Почти все предания акцентируют внимание на его вытянутой форме «моря-реки», которое имеет переход или до того узко, что богатыри-герои могут свободно перескакивать на лошади с одного берега на другой. А героиня одной из сказок Тэбэк-Ногой-Абаха легко перешла его на спине чудовищной китообразной рыбы, легкой поперек «моря-ручейка».

Этот удивительный водоем помещается улигершинами на земле древних бурят, среди гор и глухой тайги, полной диких зверей, а к нему вплотную подступают ковыльные степи со стадами домашнего скота. Зимой гигантское море покрывалось льдом. Когда мангатхаи (злые драконоподобные существа) лижут кровь отважных баторов, попавшую на лед, то языки многоголовых чудовищ примерзают к нему, благодаря чему славные бурятские богатыри убивают вечных врагов родной земли.

Конечно, трудно идентифицировать мифический водоем древних якутско-бурятских мифов конкретно с Байкалом только на том основании, что иного моря на территории Восточной Сибири не существует. Поначалу исследователей удивляло, почему вплоть до XVII столетия в старинных преданиях Байкал ни разу не назван своим настоящим именем, кроме якутов. Зато в эпоху средневековья все азиатские кочевники давали сибирскому водоему титулы, подчеркивавшие его громадное величие среди прочих водоемов Центральной Азии и Южной Сибири: Далай, Тэнгис, Ламу и др. — «Великий», «Подобный океану», «Море» и тому подобные. То же значение и в якутском Муус Кудулу Байгале — «Великий Ледяной Байкал». И лишь в более поздних вариантах древних сказаний мы встречаем пояснение, что мифическое бело-синее бушующее море как обиталище фантастических существ типа летучих огнеподобных змеев, драконов, страшных рыб, птиц и других чудовищных тварей и есть всем знакомое пресное озеро-море Байкал.

- 1 — земля дня, на которой живут души всех живых членов рода;
- 2 — большой чум, в котором живут души всех живых членов рода;
- 3 — духи-утки (чирики), охраняющие все дороги, которые ведут в землю дня, и не пропускающие туда злых духов;
- 4 — устье шаманской реки — вход в землю ночи;
- 5 — земля ночи, где живут мертвые сородичи;
- 6 — мертвый сородич;
- 7 — чум;
- 8 — жертвенник, на котором мертвые сородичи приносят жертву своим духам-покровителям;
- 9 — дерево (шаманское).

"Водяная дорога-река" по древним воззрениям эвенков Прибайкалья

Подобный прием «укрывательства» истинного имени или прозвища конкретного образа за величественным эпитетом в прошлом именовался табу. Но подобное табу применялось только к объектам поклонения людей, чтобы не вызвать гнева почитаемого божества от частого упоминания их всуе. Когда русские казаки-землепроходцы и участники первых академических экспедиций пришли на берега Байкала, они встретили факт глубокого почитания сибирского водоема в качестве грозного и всесильного божества, принимавшего самое деятельное участие в судьбах местных аборигенов. Главное, от чего так на-

стойчиво оберегали поморы европейских пришельцев, — это не называть Байкал озером, но всегда говорить: море в знак уважения и преклонения перед всеокрушающей силой и мощью его природной стихии. Поэтому есть основание предположить: мы не встречаем в древности ныне известного имени Байкала только потому, что внутреннее море Сибири боготворилось всеми местными народами, а его «подлинное» название было возведено в табу вплоть до XVII столетия. В переводе с тюркского Байкал — это «Большое (или Великое) озеро», а эвенки дали ему свое имя — Ламу, что означает «Море». Поэтому вполне вероятно, что ныне устоявшееся название Байкала (Байгала) идет от тюркоязычных курыкан.

Но как все это связать со страшным заливом Лэбийэ предположительно в дельте реки Селенги?

Поиски образа уводят нас в глубины каменного века. Учеными уже обращалось внимание на то, что начиная с Исаковского этапа неолита до Глазковского времени ранней бронзы включительно, погребения человека в Восточной Сибири не подчиняются какому-то общему правилу ориентации. Встречаются костяки, направленные черепами по странам света, по солнцу, однако северная и северо-восточная ориентировки являются преобладающими. Но если в указанный период истории еще трудно уловить положение погребенных в связи с общим направлением сибирских рек, текущих с юга на север, то ближе к бронзовому веку это становится бесспорным фактом. Этой же идее, возможно, подчинена и сама конструкция могильных ям, которые, по А.П. Окладникову, имеют много общего с формой эвенкийских лодок-оморочек. Совпадение северной и северо-восточной ориентировок погребений в эпоху неолита с «речной» Глазковского времени позволяет предполагать, что уже с Исаковского этапа каменного века возникло первое неясное представление о «земле мертвых», находящейся, по бурятским мифам, где-то на севере, в краю вечного холода и тьмы. К концу неолита эта идея начинает получать уже более четкие формы: географические познания привели древних к мысли, что все сибирские реки, сте-

кающие с Саяно-Байкальского нагорья, текут на север, и что они являются естественной водной дорогой из мира живых в мир мертвых.

Реликтом данной религиозно-мифологической концепции у бурят Прибайкалья является представление о Зулхэ-мурэн — среднем течении р. Лены, считавшейся границей между «посюсторонним» и «потусторонним» мирами. Буряты верили, что за Леной, «где-то на севере или северо-востоке», находится царство мертвых, куда уплывали на мифических лодках души умерших соплеменников. Сама церемония «отплытия» называлась «зуулхэ» (досл. «идти на восток») или отправления на «тот» свет, находящийся на северо-востоке — «зуун-хойно», за р. Леной, в стране стужи и мрака. Именно туда, к своим предкам, и отбыла часть прибайкальских курыкан, когда их стали теснить монгольские воинственные пришельцы.

Однако этот реликт древнейшей религиозно-мифологической концепции об окружающем мире, видимо, не отражает в полной мере существа вопроса. Имеется целый ряд убедительных данных, позволяющих считать озеро Байкал таким же «морем мертвых», а впадающие в него притоки — «реками (дорогами) мертвых» древних родоплеменных групп местного населения. Изучение шаманского фольклора современных аборигенных народов, живущих по берегам Байкала, доказывает реальность существования таких представлений о «море мертвых», куда приплывали в лодках или на плотах тела и души умерших соплеменников. Из них большой интерес представляют эвенкийские легенды. Они гораздо полнее и ярче, чем у бурят, поскольку, обитая изолированно в глухих уголках тайги, охотники и рыбаки донесли свой фольклор в «чистом» виде. К тому же эвенков считают народом, чей этнографический комплекс не претерпел существенных изменений с каменного века, равно как и духовная культура.

«Мумонги хокто бира» (досл. «Водяная дорога-река») еще не так давно стариками эвенками представлялась как мифическая шаманская дорога, связавшая все три шаманских воображае-

мых мира (верхний, средний и нижний) в единое мироздание — Вселенную. В верховьях этой реки («угу буга») находилось, по их представлениям, родовое хранилище перевоплощенных душ «ами» и всемогущие добрые божества, дарующие жизнь людям и стадам таежных животных. Среднее течение реки занимал «дулу (дулугу) буга»: это не что иное, как наша реальная земная действительность, в которой живут, охотятся и рыбачат реальные люди, члены одного родового или племенного коллектива. Нижний мир «хэргу (эргу) буга» размещался, естественно, в нижнем течении шаманской реки, и он-то представлялся как мир мертвых — «буни-букит». Шаман, совершая обряд проводов души умершего, приносил мысленно к устью родовой реки покойного и просил предков, чтобы те приняли его в родовое стойбище мертвецов-соплеменников. Навстречу выходила сама хозяйка земли мертвых и принимала приплывшую душу в свой род.

Там, в устье шаманской реки, впадающей в «море мертвых», людей ожидал удивительный и загадочный мир. Все в нем представлялось диаметрально противоположным миру живых людей: живое в нем становилось мертвым, мертвое — живым, здоровое превращалось в гнилое, гнилое в здоровое, большое обращалось в маленькое, маленькое — в большое, вкусное и питательное казалось отвратительным и несъедобным, несъедобное — вкусным, поношенное и рваное приобретало форму нового, новое становилось старыми лохмотьями, ломаное и битое чудесным образом обретало форму целого, а целое превращалось в лом...

В свою очередь все, что попадало из нижнего мира в средний, в мир обитания живых людей, также меняло свою сущность и обретало диаметрально противоположные формы: вышедшие из нижнего мира существа становились невидимыми и неуловимыми в своей телесности. Так, к примеру, олени, которых порою дарили героям сказок и мифов жители нижнего мира, по прибытии в средний мир оказывались не более как гнилушками.

Подобно верхнему миру, состоявшему из ряда «земель-небес», нижний мир, по воззрениям эвенков, считался также многоярусным. Там имелись нижние, более нижние и самые нижние земли (воды). На первом из них обитали люди (умершие сородичи), на втором — владыки нижнего мира и божества, на третьем — духи болезней и смерти, прочие всевозможные зловерные существа.

Умершие соплеменники, как верили эвенки, жили в потустороннем мире родами и племенами в стойбищах и продолжали заниматься привычной хозяйственной деятельностью в целях своего пропитания. Одевались они в традиционные меховые одежды, имели те же страсти и недостатки, которыми обладали до своей смерти.

Как сказано выше, изучая погребения охотников и рыболовов каменного века на территории Восточной Сибири, археологи установили один интересный факт: захоронения эти не имели четкой ориентации по странам света, но зато древние могилы как бы «плыли» вдоль рек вниз по течению и строго соответствовали всем изгибам русла. Кроме того, сами могильные ямы выкапывались в форме тунгусской лодки-долбленки или берестяной оморочки. При раскопках найдены также и остатки сшитой бересты вдоль стенок ямы. Выходило, что в вырытую могилу иногда действительно укладывали лодку, а в нее — тело умершего соплеменника. Даже сопровождавшие покойника нарочито испорченные вещи были положены в лодку отдельно, словно сородичи отправляли члена своей общины в далекий и невозвратный путь. Испорчены же они были, вероятно, потому, что в потустороннем мире должны были обрести свой первоначальный вид и далее служить хозяину.

Итак, души умерших соплеменников «плыли» в неведомую «страну предков». Но где же она располагалась? Разумеется, вниз по течению рек. И, действительно, поиски дали археологам открытие в устьях Иркута, Китоя, Белой, Оки и других крупных рек Восточной Сибири огромных некрополей, действовавших на протяжении ряда тысячелетий. Причем нужно подчеркнуть,

что здесь хоронили вождей племен, родов, героев, шаманов и других представителей элиты каменного века. Или это дань последнего почтения уходящих в мир иной соплеменников?

Следовательно, для населения Прибайкалья последним «пристанищем» для душ умерших предков служила, вероятно, река Ангара. А для населения Забайкалья? Может быть, озеро Байкал?

Думая так, ученые провели исследование в устье Селенги и действительно обнаружили близ деревни **Фофаново** огромный некрополь, самый крупный за Байкалом, общее число могил в котором исчисляется за сотню. Неизвестно, сколько еще разрушилось во время различных половодий, при строительстве дороги и переправы, разработке каменного карьера, а сколько еще не найдено? Там до сих пор из берегового обрыва торчат истлевшие кости людей далекой древности. Значит, Байкал мог в самом деле представляться местом последнего упокоения душ умерших, а устье Селенги — входом в страшное и черное царство теней, о чем, собственно, и говорит древний якутский (курыканский по сути) шаманский фольклор.

Важным доказательством существования в шаманской мифологии каменного и бронзового веков религиозно-философской концепции о «реке-дороге» мертвых являются наскальные рисунки. Серии изображений лодок и людей с молитвенно поднятыми руками имеются, к примеру, на священных скалах у с. Шишкино в верховьях Лены близ Байкала. Интересно также, что под одной из плывущих лодок размещена лосиная или оленья фигура самца.

Культовое содержание данной группы изображений, как считал А.П. Окладников, не подлежит сомнению. На это прямо показывает положение рук человеческих фигур, воздетых к небу в общеизвестном ритуальном жесте произносимой молитвы, обращения к Небу, божествам верхнего (или нижнего) мира. Образ лося или оленя, сопровождающего лодки мертвых в их плавании в потусторонний мир, также известен в шаманском фольклоре народов Сибири. Это, безусловно, хорошо знакомая

по древним мифам фигура животного (конкретно лося или оленя) — обитателя (хозяина) нижнего мира, а также образы ныряющих в волнах «реки мертвых» оленьих быков эвенкийских погребальных заклинаний, и страшных лосей кетских легенд об олене — владычице преисподней Хосядам, окаменевшей посреди Енисея.

В свете сказанного я по-иному расцениваю смысл обнаруженного мною интересного культового комплекса начала бронзового века на Шаманском мысу, что узкой каменной грядой далеко выдается в акваторию озера Байкал на его южной оконечности. Помимо довольно крупного могильника (раскопки его продолжаются), где умершие лежали в берестяных лодках-оморочках при наборе бытовых и промысловых орудий труда, уложенных как бы в походные сумы, здесь было найдено святилище над входом в полузатопленную пещеру. Фасад ее украшает рисунок оленя с ветвистыми рогами. Не может ли все это представлять собой иллюстрацию шаманского мифа о «мире мертвых», а сама пещера — это воображаемый вход в преисподнюю, который и «охраняет» ее «дух-хозяин»?

Подобных мест, так сказать узкого родового значения, на Байкале имелось три. У жителей Приольхонья, естественно, аналогичные функции несла пещера Бурхан (Шаманка) на Малом море, с рисунком «птицеобразного» существа на фасаде и крупным некрополем на берегу. И, конечно же, не случайно, что такие же неолитические могильники расположены в устьях рек, впадающих в Малое море. Таким местом являлся и **Шаман-камень в истоке Ангары**, но оно недостаточно изучено. Но из всех трех мест главным все же считался **мыс Бурхан**.

И уж совсем интересно то, что «драконоподобная» ипостась владыки преисподней, о чем говорили древнекитайские летописцы, шаманский фольклор народов Прибайкалья, средневековые монгольские источники (об этом далее), не был чужд и в бронзовом веке. На петроглифе у с. Шишкина и на «селенгинских» наскальных изображениях Забайкалья тема драконов также присутствует, получив большое распространение с прихо-

дом из Китая хуннов во II веке до н.э. Постепенно дракон этот вытеснил из шаманского пантеона древнейший образ мифического оленя и занял одно из центральных мест среди божеств озера Байкал.

ЧУДОВИЩНЫЕ ЗМЕИ БАРГУДЖИН-ТОКУМА

Если в древнем фольклоре околобайкальских народов центральное место занимают эпизоды встречи с мифическими драконами неведомых глубин Байкала, которых можно принять за плод фантазии местных аборигенов, то особый интерес представляют те же образы в памятниках письменности эпохи средневековья.

С именем арабского познания Северной Азии прежде всего связывается открытие страшных народов яджуджей и маджуджей, язык которых, якобы, был похож одновременно на змеиное шипение и на птичий свист, не говоря уже о том чудовищном облике, которым они обладали. Священная книга мусульманского мира «Коран» помещает фантастические народы где-то в суровой северной земле, как предполагают, в Сибири. Яджуджи и маджуджи будто бы обитали в долине, «в стране мрака, облаков и непроницаемой мглы», кишавшей громадными змеями, гадами и свирепыми зверями. В сирийской и еврейской редакциях «Александрии» (о походах Александра Македонского против «поганных» народов северных границ эйкумены) есть аналогичные и не менее красочные рассказы о «змеиных» племенах гогов и магогов, отождествляемых по роду признаков с яджуджами и маджуджами. А вот что писал еще один автор XII-XIII веков Рашид-ал-Бакуби о Сибири: «Есть там горы со змеями, и если кто-нибудь на них посмотрит, то умирает. Однако змеи никогда не покидают этой горы».

В связи с загадочной «страной змей» большой интерес вызывает географическая привязка к району Байкала некоей земли Йиланчжоу. Академик В.В. Бартольд на известия средневе-

ковых авторов писал: «Об области Йиланчжоу только говорится, что она получила название по большой змее (по-турецки, т.е. по-тюркски йилци или илан — «змея»); местоположение этой области ближе не определяется». Однако фонетический анализ названия, по мнению В.В. Бартольда, все же показывает, что «страна Йиланчжоу (Еланчжоу)», т.е. буквально «область змей», тождественна понятию «Северный динлин», а именно, одного из его родов — Манао (Магин), обитавшего, по древним письменным источникам, где-то в районе озера Байкал. Манао (на тюрко-монгольских языках — Мангус) переводится как «чудовищный змей». Некоторые исследователи склонны связывать манао с позднейшими меркитами, обитавшими в Йиланчжоу под старинным именем милиге (милигэ). Добавим сразу же, что согласно «Сокровенному сказанию» монголов XIII века, меркитский улус располагался близ страны Баргуджин-Тукум, а именно: на реке Селенге вплоть до берегов Байкала.

То, что «страна змей» близ внутреннего моря Сибири не есть плод фантазии людей, подтверждают записки араба Гардизи, который побывал в кочевьях кимаков (совр. Восточный Казахстан и Южный Алтай) с торговым караваном. Среди многих сведений о Сибири, которые он собрал в книгу «Зайн ал-Ахбар», есть описания Саянских гор и прилегающих к ним районов. «От Кемиза до Манбек-Лу, — писал Гардизи, — два дня пути идут по горам, потом приходят в лес; начинается степь, источники, места охот, до горы, которую называют Манбек-Лу, гора высока; на ней много соболей, гора хорошо населена. После Манбек-Лу приходят к Кёгмену». В другом месте говорится, что от гор Манбек-Лу до р. Гянь семь дневных переходов.

Даже при первом взгляде на это скупое описание ощущаешь картину ландшафтов, близкую к Туве или северной части Монголии, а именно: южного Присаянья. Перед Саянами в семи дневных переходах на восток от реки Гянь действительно имеется гора Манбек-Лу. Гянь же, — это верховья современного Енисея (Кем). Гардизи правильно отобразил и богатство тамош-

него края в виде пушнины, и хорошую ее заселенность людьми, то есть таежными охотниками на соболя.

В данном описании, конечно же, должна привлечь внимание необычность топонима Манбек-Лу, ибо в переводе с древнетюркского языка он дословно означает «Место обитания стремительного дракона-хозяина», или, надо полагать, чудовищного летучего змея-дракона. Отсюда следует, что образ мифического дракона — властелина Саянских гор — возник под влиянием каких-то объективных причин, и скорее всего речь идет о культовом значении горы, на которой «обитал» чудовищный змей. В этой связи на память сразу же приходит образ горы близ берегов Байкала, где томился несчастный дракон Чжулун, длиною в 1000 ли. Обитая в стране мрака, это божье создание держало в пасти горящий светильник; коим и освещались далекие северные страны. При этом дракону нельзя было делать лишние движения и даже дышать, ибо сразу же поднимался страшный ветер, донося в теплые страны стужу и ненастье. Позднее в память о мифическом Чжулуне древние китайцы одну из стран близ берегов Байкала называли именем дракона.

Здесь любопытна этимология имени Чжулун. Некоторые авторы делят его на две части: от «чжу» — лось, и «лун» — дракон. Однако, на наш взгляд, можно принять и другую версию, если иметь в виду язык местных народов, как в древности, так и в современности. Чжулун удивительно совпадает с монгольским чулуун или бурятским шулуун — «камень». И речь может идти о Саянском хребте, который в старину называли «Камнем». На это указывает и сходство его длины с «ростом» Чжулуна в 1000 ли (500 км). Именно Саяны с их высокими вечно заснеженными горами приносят на юг холодное дыхание вечной зимы.

Но обратимся еще к одному летописному источнику XIV столетия. Говоря о происхождении племени татар (т.е. монголов), Рашид-ад-дин сообщал следующее: «Говорят, что, когда племена татар, дурбан, салжиут и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям рек. При слиянии этих рек образуется

река Анкара-мурэн. Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун».

В этом отрывке хорошо видно, что речь идет о северных склонах Восточных Саян вплоть до реки Ангары. Упомянутые реки — это, несомненно, Иркут, Китой, Белая, Ока и другие, берущие свое начало из ледников и вечной мерзлоты обширной горной страны. Именно на этом участке река Ангара имеет самое крупное число притоков. В их нижнем течении и жили во все минувшие века и тысячелетия основные группы населения Восточной Сибири, а в средневековье — курыканы и сменившие их монголы. Топонимы с основой «татар», «дурбан», «салжиут» и «катакин» до сих пор существуют в местных географических названиях, а среди местных бурят встречаются и роды с такими же именами. Примечательно, что Рашид-ад-дин не объединяет под понятием «татары» еще три других местных племени. В то же время мы знаем, что коренные жители Приангарья, тюркоязычные курыканы, как раз и составляли союз трех племен, воевавших с пришельцами-монголами.

Здесь мы вновь обратимся к этнониму «усуту-мангун», которое, судя по произношению, — монгольского происхождения. «Усуту» переводится как «вода» (Ус, Усун), а «мангун» — «змея», причем с понятием «чудовищная» (Манут-т, Мангу-с, Манга-т и т.д.). Отсюда логично следует буквальный перевод — «Страна водяных чудовищных змей или драконов».

Вполне возможно, что в данном случае речь идет не о самоназвании монгольских племен, а о той характеристике (прозвище), которую им дали курыканы. В героическом эпосе якутов, к примеру, очень красочно описывается древняя прародина, затаятая, с одной стороны, озерами Хубсугул и Байкал, а с другой — Саянскими горами и хребтом Хамар-Дабан. Именно туда с юга через горный перевал все время проникали злые мангуты в образе драконов, с коими отважные батыры вели нескончаемые сражения за свою исконную землю.

Безусловно, в данном эпосе отражено время борьбы курыкан (предков якутов и бурят) с пришельцами-монголами, актив-

ное время продвижения которых к берегам Байкала происходит незадолго до образования под властью Чингисхана Великого Монгольского государства. С точки зрения курыкан, очень точную характеристику «усуту-мангунам» дал Рашид-ад-дин: «Это племя (татар) славилось поножовщиной, которую оно устраивало промеж собой по причине малой сговорчивости и по невежеству, бесцеремонно пуская в ход ножи и сабли.; в их природе преобладали гнев и зависть. Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единомыслие, а не вражду, то другие народы... и вообще ни одна тварь не была бы в состоянии противостоять им. И тем не менее, при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, — они (уже) в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части монгольских племен и областей, выдаваясь своим величием и полным почетом (от других)».

В свете сказанного можно было бы понять, что название необыкновенных стран близ берегов Байкала дано исключительно по своеобразным этническим признакам. Однако «связь» конкретного народа с чудовищными змеями-драконами этим отнюдь не объясняется, а усложняется. Зато более правдоподобную версию дает тот же Рашид-ад-дин в той части своих летописей, где он приводит сведения о стране Баргуджин-токум, лежащей к северу от границы собственно монгольских кочевий. Теперь считается доказанным, что под Баргуджин-токумом следует понимать не только ныне известную долину реки Баргузин с кочевьями былых баргутов, но и обширную географическую территорию севернее р. Селенги, а также к западу и востоку от озера Байкал.

В редакции Рашид-ад-дина речь идет об обожествлении грозовой молнии, представляемой местными народами в образе огненного дракона, падающего на землю. Точнее, молния происходит от некоего небесного животного, подобного дракону. «В областях (будто бы) видят, своими глазами, как она падает с неба на землю, бьет по земле хвостом и извивается, а из его пасти извергается пламя». На небо же дракон попадает из черных мор-

ских глубин Байкала: следовательно, чудовищное животное является его обитателем и божеством.

Занимательно, что Рашид-ад-дин в своих летописях приводит и строки некоего стихотворения (шаманского призывания?), ходившего среди монголов в отношении страшного морского чудовища:

*Он похож на крокодила,
Когда в беге играет в небосводе.
Как будто подымается из моря
Его разгневанное темноцветное тело;
Зарычит он, словно дракон,
Когда разгневается на мир,
Изрыгает огонь и дым
Из пасти зубов своих.*

Чтобы было понятно, что речь идет о землях, близких к озеру Байкал, Рашид-ад-дин назвал их «Могулистаном», «В стране Могулистан, — писал он, — холод бывает чрезмерным, а в особенности в той ее части, которую называют Баргуджин-Токум; (там) непрерывно и последовательно падают молнии».

Далее идет изложение религиозных обрядов, связанных с почитанием молнии-дракона, вернее, того, что нельзя делать во избежание попадания молнии. Они были общими, судя по письменным источникам, для всех околбайкальских «лесных» народов того времени. Меркиты Селенги, к примеру, во время грозы одевались в белое одеяние, скакали по степи на лошади и кричали: «Я — меркит!», тем самым давая осознавать огнедышащему дракону-молнии свою причастность к его почитателям.

Исключительно важно то, что подобные обряды и религиозно-мифологические представления сохранились у местных бурят и по сей день. На острове Ольхон есть место, где обитает само «божество грома» Угутэ-ноин. Шаманским даром, помимо наследственности, мог обладать человек, предки которого были поражены молнией. Тункинские буряты верили, что главная вершина Восточных Саян Мунку-Сардык образовалась после того, как на это место опустилось вместе с громом и молнией одно из не-

бесных божеств *Хятагай*. В этой связи в шаманском призывании к Мунко-Сагану (иногда так называют Мунку-Сардык) дан «портрет» небесного божества: «Стреляя небесной стрелой, опустился ты, одноглазый Ошин, однозубый Ошин». Отсюда следует, что им было то страшное одноглазое-однозубое чудовище — мангатхай, которое стояло в одном ряду с извечными врагами бурятского и якутского народов в лице их курыканских предков.

Однако истоки представления о чудовищных огненных змеях-драконах и культ их почитания гораздо древнее прибайкальских курыканов, он уходит, например, к их более отдаленным предкам — динлинам. Китайские хроники зафиксировали рассказы очевидцев, которых поразила сильно развитый культ почитания огненной молнии. «Они любят, если молния ударяет в землю; каждый раз при этом они испускают крики и пускают стрелы в небо. Осенью следующего года, когда лошади жирны, они возвращаются к месту, куда ударила молния. Тут они закалывают овцу, зажигают факелы. Шаманка читает молитвы, как делается в Срединном государстве для отвращения несчастья. Многочисленные отряды всадников гарцуют вокруг этого места. Потом какой-нибудь мужчина берет связку ивовых прутьев и поливает ее кумысом. Женщины привязывают кости овец к шкурам и ставят себе на головы; волосы при этом распускают».

Интересно, что подобные обряды в той или иной степени сохранились у многих околобайкальских народов. Например, обычай обливать прутья кумысом и завязывать в шкуру кости жертвенного животного и поныне существует у алтайцев. Как и буряты, алтайцы также молятся за счастье души в потустороннем мире того человека, кто оказывается убитым молнией.

Что касается фантастического существа древних бурятских сказаний, способного поедать табуны скота и целые людские племена, то и этот страшный образ зафиксирован в старинных монгольских летописях. Для примера назовем образ страшного врага Огуз-кагана из древнего уйгурского мифа. Поясним, что, согласно генеалогическим мифам, предки уйгуров имели праро-

диной район слияния Орхона с Селенгой, а сами они являются потомками уже не раз упоминавшихся прибайкальских динлинов (гаоцзюйских динлинов из группы теле-тюркских племен). «В лесу жил большой единорог, — повествует легенда, — который пожирал лошадей, так как был большой, лютый зверь; людей он истреблял, втягивая их в себя. Огуз-каган боролся с ним и мечом отрубил голову».

Что было дальше, мы знаем из старинных бурятских легенд: отрубленная голова превратилась в злое чудовище Архана, которое бесконечно стремится проглотить солнце и луну, но ввиду отсутствия тела небесные пленники всякий раз выкатываются наружу и вновь продолжают служить людям. Об Архане-голове можно написать много, однако добавим, что прототипом этого образа, несомненно, послужили более древние мифологические представления о драконоподобном чудовище, держащем в пасти солнце. Мы не знаем, к каким народам уходит рождение данного мифа, однако изображения страшных драконов — «пожирателей солнца» имеются на петроглифах первых веков нашей эры из Забайкалья и бронзового века — верховьев р. Лены.

Любопытно, что Рашид-ад-дин оказался далеко не первым человеком, обратившим свое внимание на частые молнии в районе Байкала и на их обожествление местными народами региона. В уже упоминавшейся «Книге гор и морей» рубежа нашей эры также говорится, что на берегах Северного моря имеется загадочная страна Неэр, — родина чудовищных огненных драконов и великого множества колдунов. В бурятском языке есть похожее слово «нэрьеэр», означающее не что иное, как удар молнии. Шаманисты представляли это физическое небесное явление стрельбой божества *Хухэдэй-мэргэна*, преследующего «нечистую землю» на земле. Существуют даже специальные обряды, типа «нэрьеэр дэгдэхэ» или «нэрьеэр тайха», удивительно напоминающие по своей сути те, что описал в XIV веке Рашид-ад-дин и китайские географы в отношении селенгинских уйгуров (гаоцзюйских динлинов). Что касается Хухэдэй-мэргэна бурят и Огуз-кагана уйгуров, то этот очеловеченный образ, конечно же, явил-

ся трансформацией древнего мифологического представления о добром герое-змееборце, сражающемся с драконоподобным существом, глотающем небесные светила.

Причиной рождения и столь долгой живучести шаманского культа грозовой молнии в виде огненного дракона является одно из самых ярких, впечатляющих воображение человека своей эффектностью, физических явлений природы Байкала и прилегающих к сибирскому водоему горных стран, — грозовые разряды, которые именно в районе озера Байкал наиболее часты и грандиозны. Дело в том, что приподнятость всей горной местности с акваторией самого озера-моря создают естественное препятствие продвижению облачности далее на восток. Рождаемые среди облаков грозовые молнии осуществляют свою страшную вакханалию очень близко над землей, нередко приводя к гибели людей и животных. В сочетании с черными водами Байкала и белыми бурунами бушующих волн оглушительные громовые раскаты при всплесках особенно ослепительных молний, проносящихся мимо человека, представляют поистине незабываемое зрелище для новичков. Еще страшнее непредсказуемые действия блуждающих шаровых молний, происхождение которых до сих пор покрыто густым мраком неизвестности. Поэтому очень справедливо мнение гидрометеорологов о том, что Байкал по праву можно назвать царством грома и молний.

В ЦАРСТВЕ ЧЕРНЫХ ТЭНГЭРИНОВ

ХРЕБЕТ БЕЗ НАЗВАНИЯ

При анализе старой литературы о Байкале сразу же замечаешь, что современный топоним Хамар-Дабана является как бы искусственно притянутым ко всему обширному нагорью юго-восточного побережья озера-моря. И действительно, слово Хамар на бурятском языке означает «нос», а Дабан — всего-навсего «высокий трудный подъем», «горный перевал», «гора с перевалом». Отсюда буквальный перевод «Нос-гора» или «Нос-перевал» применительно к очень ограниченному географическому району. Между тем хорошо известно, что хребет Хамар-Дабан практически непроходим из-за своей высоты и крутых склонов, глубоких снегов и ураганных ветров, затяжных дождей и стремительных рек с порогами и водоворотами. Поэтому каждый редкий перевал в верховьях рек Слюдянки, Утулика, Мурина, Снежной, Мысовки, Мантурихи, Култушной имеет свое индивидуальное название.

К. Риттер, первым подробно описавший юго-восточное побережье Байкала около двух столетий назад, не знает Хамар-Дабана, но говорит о Байкальском нагорье, Байкальской возвышенности, Южно-Байкальской цепи гор. Чуть ранее А. Мартос именует Хамар-Дабан Тункинскими горами, Забайкальскими Альпами. П. Словцов пишет о Байкальских горах и Байкальских Альпах. А. Шидловский восторженно отзывается о «надоблачных забайкальских гольцах, шатрами и пирамидами громоздившихся одни над другими». Оригинально высказывание И. Сельского о том, что за Култуком на юго-восточном побережье Байкала находится горная страна, «обставленная высочайшими хребтами Саян: Слюдянским, Снежным, Хара-Мурином и Утуликом, ко-

торые, глубоко врезавшись своими мысами в море, образуют обширные бухты». В другом месте путевых записок он объединяет эти хребты общим названием Байкальские горы.

Что касается топонима Хамар-Дабан, то он также встречается в записках русских путешественников прошлых столетий, однако применительно к компактному географическому району обширной горной страны от Тункинской долины на западе, до устья реки Селенги на востоке. Если говорить точнее, то Хамар-Дабаном именовали господствующую вершину гольцов в верховьях рек Слюдянки и Большой Быстрой. П. Словцов, к примеру, писал так: «Я наверху Хамар-Дабана, одной из высочайших байкальских гор»; речка Слюдянка вытекает из «окрестных подошв Хамар-Дабана». Н. Шукин выразился еще более образно: «Вы поднимаетесь (за Култуком — А.Т.) все в гору, и вдруг все перед вами заслоняет ужасная громада земли и камней. Трехглавый исполин, далеко простирающий в небеса свои обнаженные выи, с которых по горному тракту перевала у подножья Хамар-Дабана помолился Богу, будучи потрясенный величием природы, и последовал далее в Забайкалье через «Тункинские горы». Глаза мои несколько раз обращались на величественный Хамар-Дабан, но он уже скрылся — и, может быть, для меня вечно», — записал путешественник эти строки в своем дорожном дневнике.

Существо проблемы топонимики Хамар-Дабана наиболее верно к истине изложил иркутский географ М.Н. Мельхеев: «Сначала название Хамар-Дабан относилось к небольшому перевалу близ Шаманского мыса (теперь — Перевал), имеющему в профиль форму человеческого носа. Затем название передалось на всю прилегающую к нему систему гор».

Дополняя ученого, скажем, что указание на перевал появилось не ранее XVIII столетия, когда царское правительство, заботясь о сухопутном сообщении между Иркутском и Кяхтой, проложило труднейший почтово-купеческий Кругоморский тракт через Хамар-Дабан, и именно в районе данного гольца было воздвигнуто сложное инженерное сооружение — зигзагообраз-

ный (серпантинный) подъем на сваях для следования обозов. Сооружение это являлось самой главной достопримечательностью всей трассы, и оно неизменно описывалось почти всеми проезжающими. Тункинский исправник С. Черепанов в своей повести «Сибирячка» дал такую характеристику: «Чем выше поднимались путники, тем становилось холоднее; наконец, они достигли вечных снегов и вершины горы, которая господствует над окружающими ее горами, как колокольня Иван Великий над прочими зданиями Москвы. Вся поверхность, покрытая горами, простирается на несколько сот верст и представляется глазам путешественника взволнованным окаменевшим океаном. Горы здесь действительно имеют вид и направление морских волн, между которыми гора Хамар-Дабан — десятый вал, высочайший, черный и безголовый».

А вот описание самого преодоления перевала у подножья этой высочайшей горной вершины (ныне — пик Черского) с отметкой 2085 м над уровнем моря. Когда лошади пошли на спуск, «они принимали все возможные позы, чтобы благополучно сойти при крутых поворотах, садились даже, что с лошадьми только здесь и может случаться».

Поддерживая мнение М.Н. Мельхеева относительно распространения названия высочайшей горы на весь хребет Хамар-Дабан, тем не менее, я не могу согласиться, что имя Нос перевал получил от полого спускающегося в Байкал отрога, заканчивающегося Шаманским мысом. Если смотреть на пик Черского с противоположного Байкальского хребта, то сверкающая на солнце снежная вершина действительно выделяется в форме некоего «носа» над сине-зеленой громадой гор. Поэтому топоним родился, быть может, по физическому облику данной географической точки.

Как же в старину называли Хамар-Дабан буряты, на языке которых ныне именуется обширная горная страна на юго-восточном побережье Байкала? Может быть, через бурят-монгольский язык мы приблизимся к изначальному топониму?

Справедливости ради надо отметить, что к началу XVIII столетия хребет не имел названия и у бурят. Оронгойский краевед Г.Л. Ленхобоев в своей рукописи о происхождении бурятского народа указывал, что в старину его сородичи, жившие по южным склонам Хамар-Дабана, называли его Хангаем. При этом Ленхобоев ссылается и на ученого-востоковеда Г.Е. Грум-Гржимайло, который так же писал, что так называемая горная цепь Хамар-Дабана является частью горной системы Хангая — северо-восточной оконечностью величайшей горной страны Монголии.

В этой связи показательны легенды и предания оронгойских бурят, как известно, в середине XVII века переселившихся из Предбайкалья. Прибыв на Селенгу, они «жили в южной части горы Алтай-Хангай», коей именовался нынешний Хамар-Дабан. «С хребта (Алтай-Хангай) на юг протекала мелководная речка Оронгой». Одна из легенд, записанных Г.Л. Ленхобоевым, повествует о богатыре, прострелившем горную цепь Хангая и тем самым давшем сток реки Селенги к Байкалу. Сам богатырь и его помощники превратились из божественных людей в девять священных русел дельты Селенги.

В данной легенде привлекает указание на то, что восточная оконечность Хангая (Хамар-Дабана), а конкретнее: современный утес Мандрик именуется оронгойскими бурятами Хамаром. Любопытно, что и А. Мартос называет грандиозную горную вершину в истоке р. Слюдянки (перевал Хамар-Дабан) «челом Хамара». Очень тепло путешественник отзывается о титаническом труде бурятских строителей, прокладывавших кругоморскую дорогу «через высокий хребет Хамара». Как реликт старому названию служит топоним Комар (Хамар) — самый западный отрог хребта между Култуком и Слюдянкой.

Но в то же время известно и то, что восточная часть Хамар-Дабанского нагорья именуется и бурятами, и русскими Гольцами или Сарьдагом, адекватно бурятскому Мундарга, применяемо к безымянным гольцам Тункинских Альп (Восточные Саяны). На современных географических картах различают хребты

Хамар-Дабан (к западу от р. Снежной), Хангарул (к юго-западу от р. Снежной), Малый Хамар-Дабан и Хамбинский (к югу от р. Снежной), Комарский (северо-западная часть Хамар-Дабана). Но при этом та часть горной страны, которая лежит к северо-востоку от р. Снежной, либо названия не имеет, либо целая серия вершин именуется Гольцами (Сарьдаком), указывая на утраченный забытый топоним.

У ПОДНОЖЬЯ ХАМАР-УЛЫ

Итак, анализ географических названий хребта Хамар-Дабан показывает, что общего устоявшегося топонима этой великой горной страны не существовало. В свою очередь, чисто бурятские термины встречаются в южной и юго-западной частях хребта, а в северо-восточной, до сих пор практически не заселенной, единого названия нет, за исключением отдельных горных вершин.

М.Н. Хангалов и И.Д. Черский полтора столетия тому назад также указывали, что балаганские и кудинские буряты знают духов-хозяев «восточной» и «западной» тайги, понимая под этими «тайгами» хребты Березовый и Байкальский. Топоним «Байкальский хребет» — имя нарицательное и свидетельствует о чуждости данной географической территории (Хамар-Дабана) для западных (иркутских) бурят. Но эта «чуждость» совсем не относилась к локальной части хребта, именуемого Хамаром.

Гора Хамар-ула всегда упоминается в старых шаманских призываниях, как в культе восточных черных кузнецов, так и в генеалогических преданиях, причем, по замечанию М.Н. Хангалова, только в начале молитв, как бы вместо предисловия (вместе с морем Хун-далай). Добавим к сказанному, что такой прием является обычным, когда в зачине повествования речь идет об исконной прародине бурят в далекие стародавние времена.

Взять, к примеру, известный миф о происхождении эхири-тов и булагатов. В опоэтизированном варианте действие шаманок Айсухан и Хусыхен на берегах Байкала точно не определяет-

ся или бездоказательно привязывается либо к острову Ольхон, либо к южной оконечности озера в районе Култука. Однако в одном из древних вариантов, записанном Г.Н. Потаниным, мы находим следующие строки: «Хун дала ехе мини абым, Хамар-Ула эсэгэ мини абыш!», то есть «Возьми меня, Молочное море-мать и неприступные горы-отец!». «В это время, — указывает исследователь, — на море поднялись волны, бросились на берег и едва не унесли обеих шаманок в море; двое детей ушли от них, один к матери-моря, другой — к отцу Хамар-уле. Третьего, мальчика, Хусыхен усыновила и дала ему имя Эхирит».

Гора Хамар-ула упоминается также и в шаманских призываниях в истории с восточными первокузнецами. В ней идет речь о семи сыновьях небесного черного кузнеца Хожир-Хара-дархана, спустившихся на «Тункинские горы», где на берегу «молочного моря» научились у его водного царя Уха Лобсона (ездившего на большой чудовищной рыбе Абарге с тринадцатью плавниками) закаливать железо в студеных водах моря. Хозяин же Вселенной, живший у подошвы береговой горы Хамар-Улы, дал познания, как приковывать белым, как молоко, песком. Бурин хан — один из 44 восточных тэнгэринов, — помог овладеть волшебством кузнечного ремесла.

Итак, в шаманских призываниях культа черных кузнецов ясно видно, что Хамар-ула — величайшая недоступная гора, лежащая на берегу моря. Ее грандиозность подчеркивается еще и тем, что поздняя культовая мифология бурят иногда отождествляет с Хамар-улой другую величайшую гору монголо-бурятской эйкумены — **Сумул-ому** или **Сумбур-улу**, то есть буддийскую Сумеру, о чем мы скажем далее. Важно то, что Хамар-ула была знаменита, судя по шаманским призываниям, седловиной (перевалом), что позволяет связывать ее с современной горой Черского в верховьях рек Слюдянки и Большой Быстрой. Данная мысль подтверждается и тем обстоятельством, что Хамар-ула никогда не упоминается вне связи с морем Хун-далай, то есть Байкалом. О нем говорится, что хотя это «бездонное море», но в одном месте, тем не менее, у него имеется «брод». О такой характерной

детали Байкала не забывают упомянуть рассказчики старинных бурятских преданий, когда говорят о героях, либо перескакивающих на лошади водоем с одного берега на другой, либо переходящих по спине гигантской рыбы Абарга, лежащей поперек. Старые монгольские летописи называют Байкал «морем-рекой», подчеркивая тем самым узость водоема между западным и восточным побережьями.

Наконец, предполагаемое похищение прародителя бурят-эхиритов в южной части Байкала согласуется не только с аналогичной легендой, записанной К. Риттером, но и с тем, что его брат Булагат, ушедший в горы, был подобран и воспитан Буханоином рядом, в Тункинской долине. Там же распространен культ белки, которую почитают тотемом большой группы западных бурят, и которая в виде мальчика или девочки спаслась от шаманок Айсухан и Хусыхен, убежав в горную тайгу. В более позднем развитии генеалогического мифа появились образы супружеской четы Хэрэмши-ойона и Булгаши-хатун, особо чтимые в Тункинской долине.

ОБИТЕЛЬ ГРОЗ И ТУМАНОВ

Анализируя древние шаманские предания западных бурят, Г.Н. Потанин в свое время пришел к выводу, что Хамар-ула и Сумур-ола (Суму-ула) есть одно и то же. Если это так, то мы имеем возможность дать географическую привязку событий, связанных с так называемыми Уһан-хатами (царями вод). Как писал М.Н. Хангалов, эти цари спустились с северо-западной части неба, то есть со стороны заходящего солнца. Достигнув высочайшей горы Сумбур-ула, они последовали далее до самого дна моря, держась на крыльях орла цвета синей воды, и там обратились в большую рыбу-кита Абаргу «с 13 плавниками», уже известную в истории с черными кузнецами. Напомним, что действие этого мифа происходит у подножья Хамар-улы.

Гора Хамар-Дабан (Хамар-Ула)

Представляет большой интерес связь горы Сумбур-улы (Хамар-улы) с местожительством целого рода небожителей из числа злых 44 восточных (черных) тэнгэринов. Укажем, что только здесь размещаются «туманные тэнгри» (летние и осенне-зимние). Когда-то они боролись с западными ветряными небожителями, но были побеждены и выдуты на подошву горы Сумбур-улы и на дно моря Газар-далай. Поэтому, как комментирует мифы М.Н. Хангалов, туман теперь выходит из воды и стелется на окружающих горах.

В записанном М.Н. Хангаловым эпосе «Абай-Гэсэр-Богдохан» содержатся интересные подробности, говорящие о физическом облике священной горы. Когда Халхин-тэнгэрины выдули на землю «трех туманных тэнгриев» (Гурбан Бурэн тэнгэри), они сказали: «На нижней земле будете на вершине высоких гор и на поверхности широкого моря». То же самое произошло и с Гурбан Манан-тэнгэринами: «На нижней земле будете туманить вдоль долгой и большой пади и на подошве высоких гор».

Кстати, сюда же был сброшен и Гал-дулмэ-хан, о котором говорится, что его дворец с этого времени находился в Тункинской долине. Наконец, в числе 44 злых восточных тэнгэринов вместе с «туманными» тэнгэринами помещается и Харан Будал тэнгэри — «Грозовые удары».

Читая эти строки, очень трудно удержаться от мысли, что речь идет не о каком-то уголке побережья Байкала, а именно о Хамар-Дабане. Давно замечено, что «погода» у нас идет с запада на восток. Холодный воздух, стекая с Байкальского (Приморского) хребта, схватывается над акваторией озера теплыми потоками и переносится на склоны Хамар-Дабана, где оседает в виде туманов или дождей. Здесь же отмечены самые сильные и продолжительные грозы, нашедшие отражение в мифологии древнего Китая рубежа эпох о стране гроз и молний на берегах Северного моря (Байкала); в представлениях тюрко-монгольских народов относительно мифического огненного дракона, падающего с неба; в создании ипостаси шаманского бога озера Байкал Уха-Лобсон-хана (от Лу — «дракон», су — «вода», уһан — «водяной»). Имя его жены в бурятской мифологии не вызывает особой трудности при расшифровке «Водяной перевал (гора)», что может быть отражением буйства гигантских валов Байкала.

Древние шаманисты, повествуя о борьбе ветров и туманов, правильно подметили своеобразие перемещения воздушных слоев над Байкалом с запада на восток и «выдувания» туманов «из воды» на северные склоны Хамар-Дабана. В этой связи не могу не привести два высказывания путешественников позапрошлого века, которые, поднявшись на Хамар-Дабан (на перевал в верховьях р. Слюдянки), подметили здесь такое редкое физическое явление окружающей местности, как впечатляющие туманы. И. Сельский (1867): «Вершины гор дымились, как жерла вулканов, и туманы растянулись по падям, представляя обманутому зрению широкие реки, несущие свои воды в озеро. Ближние высоты, обвитые паром, казались гигантами, выставившими главы свои выше заоблачного мира. Все это представляло дивное зрелище, перед которым невольно благоговеешь и удивля-

ешься». Это вид, так сказать, снизу, из Култука. А вот высказывание П.П. Семенова, видевшего аналогичную картину с горы Хамар-Дабана: «Вид с вершины Хамар-Дабана на дикие долины Слюдянки, Похабихи и на поверхность озера Байкал, только местами проглядывающую сквозь чашу лесов, представляет величественную картину природы. Над нею носятся обыкновенно густые облака, насыщаемые испарениями байкальского бассейна».

Мне уже приходилось писать, что туманообразование над акваторией Байкала (особенно в южной части, где наибольший контраст морской и земной температур) отнесено учеными к типу «испарений арктических морей». Однако на Байкале они наиболее значительны и впечатляющи. Специалисты пишут, что мы видим редкий случай подобных туманообразований в континентальных широтах Земли.

КРАЙ НЕБЕСНЫХ КУЗНЕЦОВ

Опуская дальнейшее изложение образов «туманных тэнгриев», вновь вернемся к Хамар-Дабану. Дело в том, что не все шаманские призывания связывают и туманы, и культ черных кузнецов только с господствующей вершиной в верховьях реки Слюдянки. Есть варианты, когда прародителями и покровителями восточных кузнецов считаются Харангу-тэнгэри, Хара-Сохор-тэнгэри, Бурунху-тэнгэри и Бурен-Сохор-тэнгэри. Перевод их имен ясно показывает, что речь идет о вершинах горной страны, связанных либо с туманами, либо с их физическим обликом: «темный», «черно-чубарый», «туманный» и «туманно-чубарый». Вершины эти (вернее, местожительства тэнгэринов) географически привязаны к побережью черного моря (один из эпитетов Байкала), где и началось кузнечное производство. Попутно напомним, что первая серия мифов в качестве покровителя первокузнецов называет не четырех, а одного небожителя из когорты

"Расселение" небесных первокузнецов по древним шаманским воззрениям бурят

КУЛЬТ БЕЛЫХ КУЗНЕЦОВ

- — Местопребывание
Буха-нойона
- 1 — хозяин Турана
- 2 — хозяин Хужари
- 3 — хозяин Шабартына
- 4 — хозяин Мёхона
- 5 — хозяин Торской степи
- 6 — хозяин
Александровского
завода
- 7 — хозяин р. Иркут
(Иркутска)
- 8 — хозяин истока Ангары
- 9 — хозяин Кяхты

КУЛЬТ ЧЕРНЫХ КУЗНЕЦОВ

- — местопребывание
Хожир Хара-Дархана
- 1 — хозяин р. Лены
- 2 — хозяин
горы Тумурши
- 3 — хозяин Куртуна
- 4 — хозяин о. Ольхон
- 5 — хозяин горы Хажы
- 6 — хозяин Кудары
- 7 — хозяин
Баргузинской долины

восточных тэнгэринов — Бурин-хана, но опять-таки связанного с туманами.

В связи с этими шаманскими представлениями кажется немаловажным совпадение имен прародителей черных кузнецов с названиями высочайших гор хребта Хамар-Дабан: **Сохор** и **Хан-Ула** (по западной и восточной сторонам долины р. Снежной), **Бурин-хан** и **Хонгор-ула** (к югу и востоку от р. Снежной). Кстати эти господствующие вершины, часто окутанные туманами, видны на очень большое расстояние. Хан-улу, к примеру, часто наблюдают даже из Иркутска по долине р. Ангары, то есть более чем за 200 километров.

У истоков сложения культа черных кузнецов, вероятно, была такая же природа, как и культа белых кузнецов. Последний твердо локализуется на Восточных Саянах и связан с вулканами. Как-нибудь я расскажу о практически однородном образе первокузнеца Куэттени из якутского героического эпоса, где гигантская кузница описана в виде огнедышащей горы («огнем подземных глубин полыхает горнило его»). Подобные представления есть и у бурят.

Данный культ на Хамар-Дабане в отношении восточных черных кузнецов мог сложиться на основе специфики местного ландшафта и горных богатств юго-восточного побережья Байкала. Прежде всего укажем, что верховья рек Слюдянки, Утулика, Хара-Мурина, Снежной, Зун-Мурина и Джиды входят в мощный вулканический район, названный специалистами Центральнo-Хамар-Дабанским. Здесь мощность базальтовых покровов на горах составляет 500–600 м, а общая площадь базальтового плато достигает 3000 квадратных километров с Тумусинским вулканом в центре (высота 2369 м). Немаловажно также и то обстоятельство, что по северному склону Хамар-Дабана (например, в Танхое) русла горных рек прорезывают пласты угля и черного железистого песка, использовавшегося в старину бурятами для кузнечного производства. Культ кузнецов особенно развит в устье р. Селенги, где разрабатывались многочисленные выхо-

Хребет Хамар-Дабан (Хамар-Ула)

ды песчаного железнняка по побережью Байкала вдоль подножья хребта.

Впрочем, шаманская мифология бурят вполне конкретно указывает, что, направляясь с неба на землю, дети первокузнеца Божинтоя сделали **сопку Души** своей гигантской наковальней, а вершину **горы Хан-ула** — местом постоянного жительства. Как известно, данные горы в действительности имеются на Хамар-Дабане в районе долины р. Снежной.

Опуская описание деятельности первокузнецов, отметим лишь, что конкретные культовые места в их честь на самом Хамар-Дабане нам не известны, но, согласно шаманским призываниям, первым делом дети Божинтоя построили на горе Сохор (?) или Хан-уле (?) золотую коновязь для своих лошадей, а из белого конского навоза (!) жертвенник — тургэ. Есть, правда, известия начала прошлого века о некоем обо в долине р. Снежной, однако кому оно было посвящено, также неизвестно. Культ первокузнецов отправляли во всех бурятских (иркутских) улусах, но при произношении шаманских призываний обращались лицом

по направлению к Восточным Саянам (если речь шла о черных кузнецах). Тем не менее достоверно известно, что хребет Хамар-Дабан (вероятно, его вершины) пользовался общим культовым почитанием у бурят. Так, еще в XVIII веке Дж. Белль, называя Байкал Святым морем, именовал горы его восточного побережья Святыми горами. При этом он особо подчеркнул, что горы эти возвышаются на другом, противоположном, берегу озера Байкал, то есть против истока р. Ангары. В данном указании Святыми горами мог быть только Хамар-Дабан.

Существует еще один любопытный вариант древнего шаманского мифа о первокузнецах восточного неба, дающего приоритетное значение культу Хамар-Дабана над другими географическими уголками побережья Байкала. В нем прямо говорится, что попытка обосноваться на Тункинских вершинах (Тункинских Альпах в Восточных Саянах) в царстве западных тэнгэринов вообще, и белых кузнецов, в частности, закончилась для черных кузнецов неудачей. Будучи побежденным, Бохо-Муя построил на берегу «Молочного моря» (Байкала) новую кузницу и научил земного человека Хожир Хара-дархана и семь его сыновей кузнечному ремеслу. Самое важное в данном мифе то, что семь сыновей первокузнеца стали «хозяевами»-эжинами целого ряда географических уголков побережья озера Байкал, и поныне являющихся важными святыми местами прибайкальских бурят. Хан-хута-баабай и его жена Хатан-хута-иби сделались владыками **острова Ольхон**; Шажага-нойон с женой Саксага-хатун — **Баргузинской долины**; Хухэ-нахул-нойон с женою Хур-Саган-хатун — **долины р. Куртун**; Арал-абай и Сарь-Одёгон получили во владение **устье р. Селенги** (Байкало-Кудару); Хан-Дошкин-нойон (без жены) превратился в хозяина местности **Хаж**и (горы на о. Ольхон).

Здесь интересно отметить, что, судя по именам «хозяев» отдельных географических мест Байкала, речь идет о тотемных животных (например, орлах Ольхона), которые женились на шаманках (ибии, одёгон), причем, судя по их «профессиональным» терминам, дело происходило в далекую «добурятскую» эпоху,

когда на берегах Байкала жили тюркские племена (напр., курыканы — общие предки якутов и западных бурят).

ДУХИ ШАМАНСКОГО КАМНЯ

Говоря о культе Хамар-улы, следует обратить внимание на Шаманский мыс, завершающий хребет Хамар (Комар) в глубине вод Байкала между Култуком и Слюдянкой. Сам топоним однозначно свидетельствует о его «священности». Нами он изучается с 1962 года, и за это время обнаружена серия объектов культового значения и получены твердые данные о его датировке.

Этнографические. Г.Ф. Миллер в начале XVIII столетия писал о мысе: «Здесь родина бурят, у которых также существует подмеченный мною у вогулов обычай почитать священные ска-

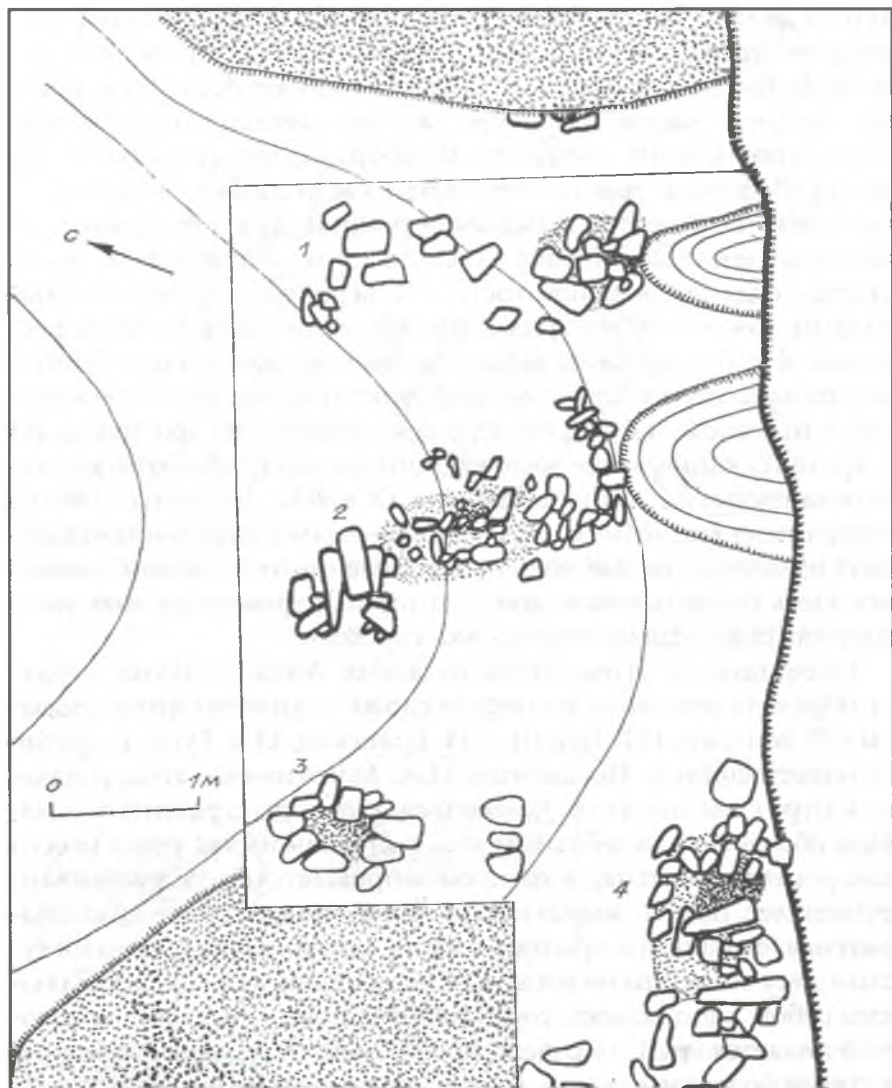
Шаманский мыс на Южном Байкале. Общий вид

лы. Каждая скала этого рода называется ими Aiechu-tsechlo, т.е. «заставляющая вздрогнуть скала», и пользуется таким почитанием, что лица, обвиненные в преступлении и желающие доказать свою невинность, прибегают к подобной скале и обхватывают ее обеими руками, будучи твердо убеждены в том, что если ложно поклянутся, то непременно умрут». В качестве примера он назвал **Шаманский мыс на южной оконечности Байкала**: «Такая «заставляющая вздрогнуть скала» находится у озера Байкал к западу от того места, где вытекает Ангара». Тому, что это место нельзя путать со святынями долины р. Иркут, служит пояснение Миллера: «Из других скал этого рода одна находится в верховьях р. Иркут».

О том же писал в середине XVIII столетия и И.Г. Георги в главе о бурятах: «Самою тяжкою клятвою почитается то, когда клянувшийся подходит близко к так называемому Шаманскому камню, находящемуся на юго-западном берегу Байкала, неподалеку от реки Иркут. Камень сей называется на бурятском языке «Аеху Чолан», т.е. страшная каменная гора, и они верят, что камень сей лжецов поражает скоропостижной смертию».

К. Риттер, пересказывая еще одно сочинение И.Г. Георги, нам недоступное, описал с его слов Шаманский мыс более подробно. Он назвал его рифом в одну версту длиною, «состоящим из непрерывного ряда пещеристых скал. Эти замечательные скалы предоставляют самое безопасное убежище тюленям. Тунгусы называют их Шаманскими камнями и совершают при них свое идолослужение». Правда, в начале книги он приписывает совершаемые богослужения бурятам: «На крайней западной части Байкала, при Култукском заливе, находится Шаманская скала, слышущая святою, особенно у бурят». Он же дает этому месту два топонима, подтверждающих культовое значение географического объекта: **Култукский (Шаманский) мыс, Шаманский камень**.

В памяти современного населения до сих пор бытуют отрывочные сведения о прежних культах. Легенда говорит о захоронении «большого шамана», на могиле которого проезжающие

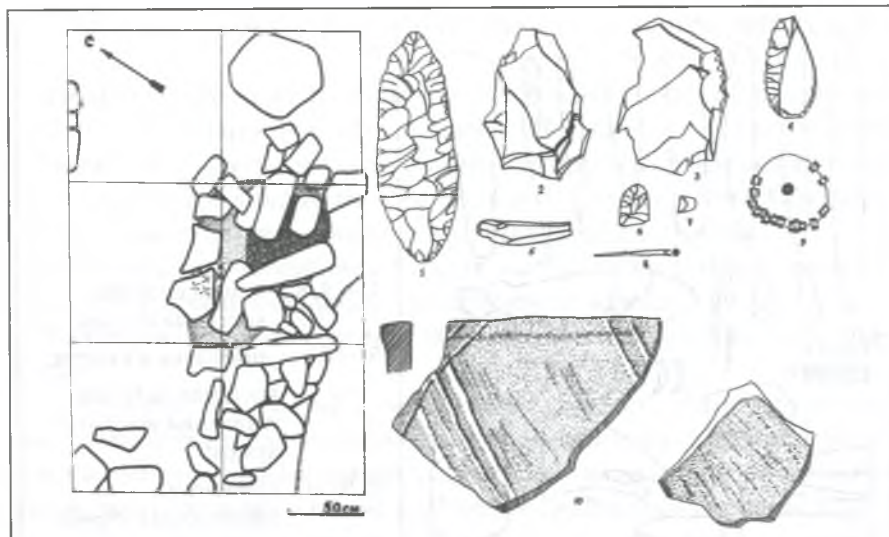

Общий план энеолитического культового места
на Шаманском мысу (Южный Байкал)

1-4 — ритуальные кладки

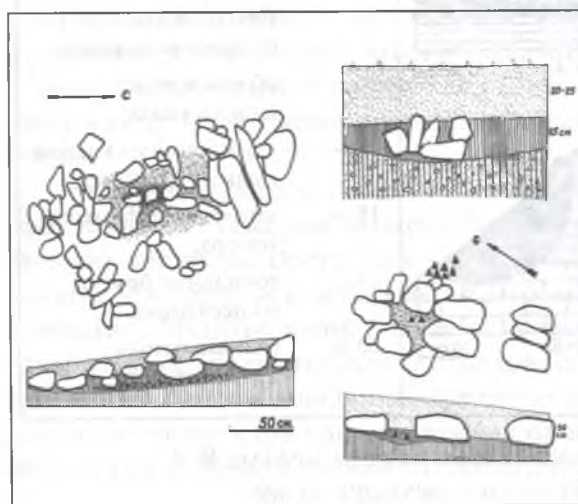
купцы делали жертвенные приношения для обеспечения спокойного проезда через Хамар-Дабан и удачи в торговых делах. В числе бывших шаманских капищ называют березовую рощу на «среднем» камне: здесь, говорят, был найден глиняный кувшин, заполненный «охотничьим» вооружением, а в откосе старого купеческого тракта встречались кости людей с «бронзовыми вещами». В центре шаманской рощи до сих пор видны 5 небольших земляных холмов неясного происхождения, но очень старых, судя по задерноватости. Их, вероятно, связывали с могилами, поскольку все холмы имеют следы грабительских раскопок. В 1970 году здесь зафиксировано возобновление бурятами шаманского культа, и сегодня действует значительное капище, в том числе и буддийское, разделившееся на три точки. Из старинных капищ чаще всего упоминали скалу «Хобот», зафиксированную и на открытках начала XX в. Ф.К. Дриженко (1908 г.) о ней писал так: «Мыс служит местом молитв бурят, приезжающих издалека с целью получить исцеление от болезней, омываясь здесь байкальской водой, к которой в громообразных углублениях скалы сделано несколько спусков».

Обращаясь к этимологии названия Айха-Шулууна, следует обратить внимание на первое слово — айха, на что указывали Г.Ф. Миллер, И.Г. Георги, В.П. Брянский, О.К. Гусев и другие путешественники. По данным И.А. Манжигеева, айха означает у бурят два понятия: 1) «бояться, пугаться, страшиться главным образом враждебных духов» и 2) «шаманская роща (место захоронения шамана), в которой запрещается быть женщинам, рубить лес, пахать землю и т.п.». в последнем случае айха подразумевает наличие аранга — места захоронения шамана в густом лесу на вершине горы или возвышенности, представляющее собой либо помост, сооруженный между соснами, на который кладется труп умершего жреца, либо объемное углубление в стволе большого дерева, в котором замуровывали прах шамана. Слово же шулуун означает «камень», но в сочетании с «айха» дословно переводится как «место погребения шамана на камне».

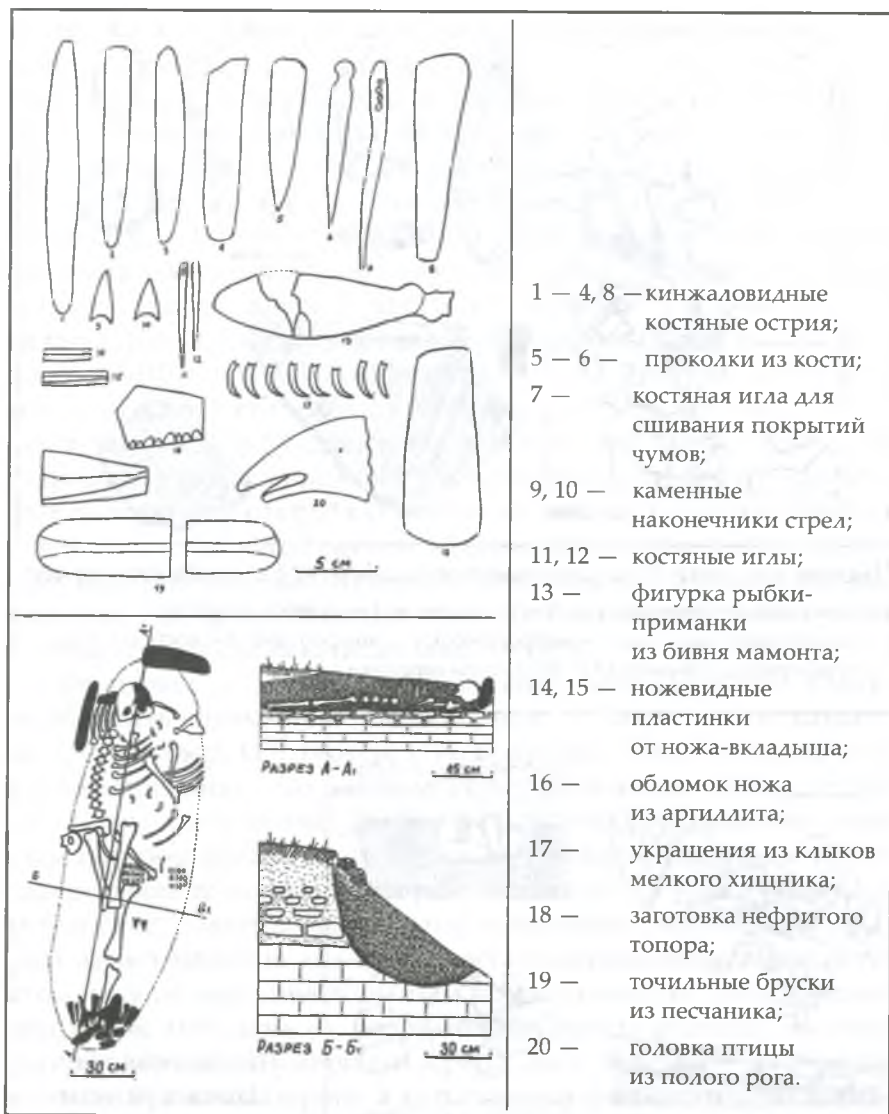

Шаманский мыс. План жертвенной кладки № 4 и предметы из нее:

- 1 — каменный наконечник копья; 2 — 3 — отщепы; 4 — скребок из камня;
 5 — ножевидная пластинка; 6 — микроскребок; 7 — микроотщеп; 8 — костяная игла;
 9 — порфиритовые бусины; 10 — фрагменты керамики.

*Шаманский мыс.
 Планы и разрезы
 жертвенных кладок
 № 2 (слева)
 и № 3 (справа)*

Шаманский мыс. План и разрезы могилы № 4
и погребальный инвентарь из нее

(на скале, на горе)», что точно соответствует географии культового объекта.

Новый ракурс в культе Шаманского мыса дают исследования К.М. Герасимовой и С.П. Балдаева. По данным Герасимовой, тункинские буряты считали духом-«хозяином» Култука Буумал Саганнойона, а Слюдянки — «ангарского владыку хана Хатагая». Но Балдаев именует «эжином Култука» Булгаша-ноёна.

Расшифровка теонимов уводит нас в более ранние шаманские культы, чем «недавнее» захоронение жреца.

Разъясняя термин буумал, И.А. Манжигеев дает ему два значения:

1. Изредка находимые в земле металлические (или каменные) предметы (отдельные кузнечные инструменты, наконечники стрел и т.п.), которые представлялись ниспосланными с Неба на землю во время грозы. В честь эжинов предметов создавались соответствующие обряды, молитвы, образы;

2. Аэролиты (или метеориты), но в таком случае они чаще всего именуются буумал шулуунами («спустившимися камнями»).

Нам представляется применительно к Шаманскому мысу более точным первое объяснение термина буумал, поскольку этот географический объект чрезвычайно богат археологическими находками, в том числе и наконечниками стрел.

Мифологический образ Буумал Саган-нойона адекватен буумал эжену — «хозяину древней стрелы» (или любой древней вещи).

Что касается образа «хозяина» Слюдянки хана Хатагая, то он прекликается с поверьями бурят Тункинской долины о божестве главной вершины Восточных Саян — Мунку-Сардыке — хане Хятагае, слетевшем с неба вместе с громом и молнией. В призывании к Мунко-Сагану (так иногда именуют Мунку-Сардык) говорится: «Стреляя небесной стрелой, спустился ты, одноглазый Ошин, однозубый Один!» Значит, культ Хятагая имел весьма широкое распространение, и южная оконечность озера Байкал находилась в сфере влияния мифологических представлений.

Не менее интересные мысли приходят при расшифровке теонима Булгаша-ноён, дословно означающего «Соболевщик-господин». Он явно относится к числу древнейших шаманских образов. Но нужно иметь в виду, что имя духа-«хозяина» Култука в варианте С.П. Балдаева несколько искажено, если считать его общим для большой группы бурят. Дело в том, что, согласно шаманской терминологии, Булгаша-ноён именуется не в мужском, а в женском обличии — *Булгаша-хатун*, в то время как ее мужем считался *Хэрмэши-ноён* («Белковщик-господин»). Культ этот, по И.А. Манжигееву, явно уходит в то время, когда часть бурят занималась охотничьим хозяйством, а предки их составляли тотемические кланы белковщиков (хэрэмчин) и соболевщиков (булагчин). И таковыми были буряты Тункинской долины, где культ супружеской пары таежных охотников и поныне наиболее распространен. По данным М.Н. Хангалова, эти образы входили в число западных хатов и являлись «хозяевами» **горы Хэрмэн-ула (Халма-ула) в Тунке**. Во время жертвоприношений им посвящали беличью шкурку с цветными красными лентами, которую вешали у домового отверстия юрты. «Кровавых жертв не делают, а обряд совершают курунгой и тарасуном; о них говорится, что они не ходят по росистой траве». Последняя фраза дает представление об изначальном облике супружеской божественной четы, совпадающем с их теонимами: перед нами действительно тотемные Белка и Соболь, передвигающиеся по деревьям и действительно редко спускающиеся на травяной покров земли.

Значение Хэрэмши-нойона и Булгаши-хатун в генеалогических мифах бурят очень велико. Согласно мифологии, когда Хан Шаргай-нойон спустился с неба на землю (на гору Халма-ула в Тунке), он призвал себе в помощники местных духов и могущественных шаманов. В шаманском перечне западных хатов эта супружеская чета значится седьмой по счету как «хозяева царства Хэрэн» (Кырэн). В призывании говорится:

В северо-западной стороне

Хэлин-хатом распоряжается

*Хэрмэши-нойон,
Булгаши-хатун.
Бурятскому народу преданьем стал,
Маленькому (новорожденному, — А.Т.) отцом назван,
На росистую траву не вступал (ногою),
Сочное мясо не ел...*

Данный культ некоторые считают хонгодоровским по происхождению. Онгон Булган тээби есть и у аларских бурят (часть из них, как известно, является хонгодорами, перекочевавшими из Тунки). Другие его названия — Булгаша и хан Булгаша. Онгон представляет фигурку человека из заячьей шкурки, к которой пришиты ленты. Его считают образом «девятибубенной» шаманки, способной перевоплощаться в изначальный животный тотем.

Археологические объекты. Рассказы местных жителей об обнаружении при строительстве купеческого тракта скелетов людей с «каменными и бронзовыми орудиями труда» были подтверждены нами находкой двух пунктов некрополя конца каменного — начала бронзового веков, изучение которых продолжается до сих пор иркутскими археологами. Самое интересное то, что эти погребения с богатым инвентарем совпадают с территорией «шаманской заповедной рощи». Чуть далее, на «нижнем» камне, нами раскопан большой культовый комплекс: три каменные кладки с жертвенными очагами. В одной из «могил» находился только один человеческий череп в окружении каменных орудий труда и украшений; над ними был устроен очаг (алтарь?). В другой найден берестяной мешок с прожженными мелкими косточками и древесными угольками; рядом подобие очага-алтаря. В третьей, окованной плитками камня, встречены угольки и керамика глазковского времени; рядом также как бы жертвенный алтарь. Четвертая кладка представляла следы весьма крупного, скорее всего, центрального очага-алтаря. В слое красной прокаленной земли обнаружены каменные предметы (в т.ч. наконечник копья), украшения (связка пастовых бус) и медная игла.

Сегодня ветровой эрозией раздувается еще несколько каменных кладок ритуального типа. Их общее число составляет более десятка на площади около 500 кв. м. Имеют ли они связь с могильниками того же времени, отстоящими на 300 м от культового комплекса — не выяснено. Но интересно, что в 20 м на прибрежном утесе (под святилищем) имеется полузатопленная пещера с процарапанным рисунком оленя с ветвистыми рогами. Он дает основание вспомнить древний эвенкийский миф о священном лосе (олене), охраняющем вход в подземно-подводное царство мертвых, а вход этот часто связывался с пещерами. Более того, хорошо известно, что исконными обитателями южного побережья Байкала близ Култука являлись тунгусы-кумкагиры. Тогда бурятские культы кажутся более поздними по происхождению. Впрочем, в Култуке и в прилегающей части Тункинской долины тунгусский Заектаев род в XVII-XVIII столетиях имел большой процент и бурятской крови.

ЗАБЫТЫЕ СВЯТЫНИ РЕКИ СНЕЖНОЙ

Река Снежная — главная из рек Хамар-Дабана, — интересна во многих отношениях. Во-первых, она делит хребет как бы на три части: западную, восточную и южную. Во-вторых, в ее живописной долине сохранились реликтовые растения теплых эпох, а в верховьях — столь же реликтовые пятнистые олени, бродящие дикими стадами. Из флоры особенно поражают гигантские стволы тополей, подобные тропическим эвкалиптам. И вообще, попадая в тамошние леса, словно оказываешься в сказочных дубравах Европейской России. В-третьих, представление о долине Снежной как сплошь заросшей непроходимым лесом, будет не совсем верным. Оказывается, в самом центре Хамар-Дабанской горной страны среди царства таежной чащи имеется не менее обширный участок реликтовой... степи, привлекающий закаменских бурят. Последние считают степь летним отгонным пастбищем и имеют там свои временные жилища, куда

добираются со скотом по горным чащам и буреломам несколько дней. Отсюда по желанию можно продолжить путь далее и через перевал Лангутайские ворота попасть к Байкалу. Вот такова она, эта одна из немногих труднейших кочевых троп через Хамар-Дабан.

8 июля 1925 года иркутская областная газета «Власть труда» опубликовала заметку некоего Малышева «Остатки каменного века», в которой сообщалось: «Ст. Выдрино (Заб. ж.д.). Охотники на соболей, выйдя на р. Снежную, в отроги Хамар-Дабана, обнаружили там древние постройки из камня. Камни покрыты надписями и изображениями человеческих голов. Около построек охотники нашли предметы домашнего обихода, сделанные из камня. Найдено несколько каменных стрел и топоров».

Некоторую ясность в сущность культового места дает описание туристского маршрута по старому купеческому тракту от Мурина к долине р. Снежной, где в районе бурятского летника **Зуслоны** упоминают «большой священный кедр, к которому буряты раньше приносили подарки Бурхану». На берегу р. Снежной стоит «мани» — «каменная плита с высеченной на ней молитвой на монгольском языке».

В принципе, наличие данного культового места понятно, если учесть, что в старину здесь сходились кругоморской и игумновский тракты и имела крупная почтовая станция Снежинская. После упразднения трактов деревня прекратила свое существование и превратилась в бурятский летник, ныне практически забытый и заброшенный.

Судя по описаниям, в долине р. Снежной имеется неизвестное специалистам шаманское святилище, подвергшееся ламаистскому влиянию. «Надписи и изображения человеческих голов» являются характерной чертой обо с мани. Наиболее привлекает факт наличия неких «каменных топоров и стрел», лежащих на святом месте, видимо, в качестве жертвенных даров духам-«хозяевам» долины р. Снежной. Здесь может быть два объяснения: либо действительно древние предметы найдены и принесены как буумалы, либо это вещи этнографического вре-

мени. Известно, к примеру, что даже в XVIII столетии русские пришельцы в Тункинской долине ввиду острого дефицита железа широко применяли вслед за местными аборигенами каменные орудия труда.

К сожалению, нам не известен пантеон духов местности, местная мифология и обрядовые действия, хотя культовый памятник по своей форме может быть отнесен к типу придорожных барисанов. Но вот наличие каменных топоров и стрел по аналогии может рассматриваться как разящее оружие, бросаемое небесными тэнгэринами в злых земных чудовищ. То есть они могут быть связанными с культом грома и молний (Хухэрдэй-Мэргэна или Хэтагая), о чем мы уже говорили по отношению к Хамар-уле и всего Хамар-Дабана. В этой связи немаловажно, что по восточной и западной сторонам долины р. Снежной грандиозно возвышаются горы Хан-ула и Сохор, считаемые местом жительства черных тэнгэринов, губительных туманов и восточных первокузнецов. Поэтому вполне может быть, что шаманское святилище в долине р. Снежной связано с древними культурами Хамар-Дабана.

ГОРА «СВЯЩЕННОГО ОГНЯ»

Хребет Хамар-Дабан имеет огромное число священных шаманских мест, но они почти исключительно находятся на его южных склонах и связаны с традиционными культурами оронгойских, селенгинских и джидинских бурят. Однако в восточной части великой горной страны имеется место, привлекающее особое внимание. Оно расположено на высокой точке хребта и связано с древней кочевой тропой, связывавшей озеро Байкал с долиной Селенги кратчайшим путем.

На географических картах священная гора названа **Барисаном** (на водоразделе рек Оронгой, Брянка и Большая Речка), но в народе носит имя **Бурхан Галта ула** (по-другому — «**обо Чингисхана**»). Это огромный каменный курган естественного

Буркан Галта-ула — священная гора на водоразделе Мантурихи и Убукуна в восточной части хребта Хамар-Дабан. По преданию местных бурят, эти гигантские каменные обо до 50 м в диаметре и 15 м высотой насыпаны монгольскими воинами Чингисхана во время преследования убегающих меркитов; отсюда и народное название — "Обо Чингисхана". Нижний снимок свидетельствует, что древний шаманский культ был ламаизирован и здесь проводились ритуальные действия. Внизу один из первых исследователей совершает молебен духу Чингисхана.

Фото 1954 г. из архива Г. Л. Ленхобоева

происхождения 15 метров высоты и окружностью у основания 100 м. Старинные предания оронгойских бурят рассказывают о бегстве их далеких предков на Байкал через Хамар-Дабан во время нападения на них Чингисхана. Преследуя убегающих, великий завоеватель поднялся на гору и соорудил данное обо. Он же дал имя другим близлежащим священным вершинам Хамар-Дабана: **Бага-Алтан, Хонгор-ула, Хан-ула** и др.

Эта история удивительно напоминает аналогичную, но гораздо более раннюю. В 121 году до нашей эры китайский полководец Хо-Цюйбин с 10000-ми конницы, разбив хуннскую армию на Хангае, «построил жертвенник на горе Лангюйси, принес жертвы на Гуяни, подходил к Ханьхай (Байкалу)». А император У-ди в связи с возвращением Хо-Цюйбина из северного похода уточнил, что полководец пересек «великую пустыню» (т.е. Гоби), переправился через реку, название которой не указывается, затем перешел через гору Лихоу и реку Гунлюй. Здесь он насыпал холмы-жертвенники на горах Ланцзюйшань и Гуянь, где принес жертвы духам Неба и Земли, причем, поднявшись на **Гуянь**, «смотрел на Ханьхай».

Огромное обо на вершине хребта Хамар-Дабан могло быть сооружено сразу и большим количеством людей. Кроме каменного кургана здесь «на сотни метров» расположено бесчисленное число жертвенников-очагов, что указывает на массовость бывших шаманских обрядов. О каком-то массовом культовом действии с огнем подтверждает и само название святого места — «Гора с божественным (священным) огнем». Немаловажен и факт того, что с вершины гигантского каменного холма («обо») можно действительно увидеть синее раздолье озера Байкал и снежные «высокие Саянские горы» (то есть главные гольцевые точки Хамар-Дабана в районе долины р. Снежной).

Учитывая, что Чингисхан до долины Оронгоя не доходил, связывать с его именем данное святое место нет оснований. Зато кажется предпочтительнее история с Хо-Цюйбином, смутные отголоски о походе которого к берегам Байкала имеются в легендах и преданиях оронгойских бурят.

Интересно, что, несмотря на грандиозность искусственного каменного кургана, на нем нет следов позднейшего почитания и всех необходимых атрибутов обо. Зато в 50 м южнее от него есть крупный «шаманский тайлаган», причем со специфическими жертвенными приношениями: в 1952 году Г.Л. Ленхобоев нашел здесь кремневые ружья, копыя, луки, пики, секиру и пр., то есть типично военное снаряжение.

В 70 м юго-западнее «Обо Чингисхана» имеется Сангай-обо, уступающее первому: высота — 7, окружность — 4, у основания — 25 метров. Судя по названию «сангай», здесь производилось окуривание благовонными травами.

Наконец, чрезвычайно важно наличие в 5 км скалы Дрэвиншулуун с древними рисунками поздней поры бронзового века, выполненными красной охрой. Предания оронгойских бурят, объясняя смысл петроглифа, связывают их появление с группой древних бурят, когда-то бежавших через Хамар-Дабан от иноземных захватчиков.

Таким образом, в восточной части Хамар-Дабана мы имеем целую группу культовых памятников, приуроченных к древней кочевой тропе. Наскальные рисунки датируют начало культа временем, близким к военному походу Хо-Цюйбина против хуннов. Будет большой научной сенсацией, если исследования грандиозного каменного обо подтвердят его строительство войсками. Пока же косвенно чуждость подтверждается расположением «шаманского тайлагана» на значительном расстоянии от обо. Такое возможно в том случае, если предки бурят совершали «умиловительные» жертвоприношения святому месту, истинное значение которого для них уже было забыто, но связывалось с каким-то иноземным вторжением.

Однако, я полагаю, что до Хо-Цюйбина на водоразделе Оронгоя, Брянки и Большой Речки существовало древнейшее святое место, либо связанное с перевалом на извечной кочевой тропе, либо каким-то образом с культом духов-«хозяев» Хамар-Дабана, при котором обязательным условием являлась види-

мость на большом расстоянии главнейших вершин великой горной страны на юго-восточном побережье озера Байкал.

СТРАНА ВОСТОЧНЫХ НЕБОЖИТЕЛЕЙ

Теперь мы вплотную подошли к очень интересной проблеме бурятского шаманизма, положительное решение которой позволит взглянуть на Хамар-Дабан новыми глазами. Речь идет о местожительстве черных (восточных) тэнгэринов, которых до сих пор ученые не могут «привязать» к конкретной географической точке.

Тэнгэрины (или тэнгри) занимают высшую ступеньку пантеона шаманских божеств. В старых легендах говорится, что когда-то они жили одной дружной семьей под руководством Асаранги. После смерти старейшины тэнгэрины Хан-Тормас и Ата-Улан заспорили между собою за первенство над 99 небожителями. В результате состоялся раскол небесного общества на две части: 55 западных и 44 восточных.

Место, где «поселились» западные тэнгэрины, хорошо известно — это горные вершины Тункинских Альп. Их помощники, хаты во главе с Хан-Шаргай-нойоном, «облюбовали» песчаную гору Халмаула (или Туран-хан) близ современной Ниловой пустыни по р. Ихэ-Угун.

Что касается восточных тэнгэринов, то их «жительство» нигде четко не указывается, но говорится, что они отделились от западных и заняли противоположную, восточную, сторону. Их помощники — хаадууды («сыновья тэнгриев»), то есть буумалы, спустились на землю и заселили высокие горы. Эту восточную сторону еще называют местом «восхода солнца».

Если принять точку зрения булагатов, прародина которых определяется в Тункинской долине, и которые, расселившись по левым притокам Ангары (северные склоны Восточных Саян), считают западных тэнгэринов своими покровителями, то восточная сторона Тункинской долины представляет не что иное, как хре-

бет Хамар-Дабан, по высоте горных вершин равный Тункинским Альпам. Точно так же с Хамар-Дабаном связывается «восточная» горная страна и для эхиритов, которые хотя и считают восточных тэнгэринов своими покровителями, но какими-то определенными, «по женской линии». В то же время то, что считается западными (иркутскими) бурятами восточным, злым, представителем у забайкальских жителей добрым, родным, подателем всяких жизненных благ: скота, пищи, охраны от болезней и т.д.

Расшифровка образов 44 тэнгэринов показывает, что географическим местом их концентрации или жительства действительно может считаться Хамар-Дабан.

Условие первое: обширный горный район с не менее чем 44 вершинами. Условие второе: обязательная связь с большим водоемом. Условие третье: суровые климатические особенности края.

О горах Хамар-Дабана мы уже писали. Что касается водоема, то новое местожительство без рядом лежащего моря немыслимо. Так, глава восточных тэнгэринов *Хамхир-Богдо-тэнгэри*, по варианту легенд кудинских бурят, женат на дочери *Абарга-Сагаан-нойона*. Мифическая рыба-чудовище часто фигурирует в роли огромного жителя байкальских глубин. Выше уже говорилось, что восточные черные кузнецы, происходящие от кузнечных покровителей из среды восточных тэнгэринов и обосновавшихся на горе Хамар-уле и других вершин Хамар-Дабана, научились закаливать железо у водного царя *Уха-Лобсона*, едзящего на этой самой рыбе *Абарге*. В отрывке шаманского призывания духам болезней говорится, что они живут на берегу «черного (синего, желтого) моря, имеют 9 черных (сивых, соловых) лошадей, черные (синие, желтые) шелковые шубы, постриженные черные бороды». А происходят они «из восточных 44 тэнгэринов, от Асаранги 13-ти тэнгэри».

«13 Асаранги» — могущественные покровители всех черных шаманов и кузнецов, съдающие души людей, пользующиеся почитанием у хоринских бурят в роли «13 северных повелителей». Это не что иное, как духи-«хозяева» различных уголков

Байкала (Ольхона, Баргузина, истоков Ангары, Лены и др.). Но ведь происхождение их связывается с культом черных кузнецов, или опять-таки с Хамар-Дабаном, откуда будущие эжины распространились в различные уголки озера Байкал.

Среди восточных тэнгэринов есть образ *Еһон Шухан-тэнгри* (9 кровавых тэнгэринов), насылающего опустошительный град, приносящего громадный вред людям. Но в некоторых шаманских призываниях это не что иное, как Уһан-хаты — духи озера Байкал. Они проникли в глубины таежного моря опять-таки через гору Хамар-улу (Сумбур-улу). И хотя различают восточных и западных Уһан-хатов, но последние либо также произошли от «9 кровавых тэнгэринов», либо находятся от них в зависимости.

Говоря о хатах, немаловажно указание на то, что их глава Эрлен-хан — владыка преисподней в истоке Ангары — женат на *Эхэ-Нур-хатун* (Мать-Озеро госпожа), что может олицетворять родство или близость священной горы с Байкалом.

Главная особенность восточных тэнгэринов — в их физическом облике. Среди них немало тех, кто олицетворяет грозовые удары, летние и зимние туманы, холода, приносящие болезни, и др. О туманах мы уже сказали выше, что они были «выдуты» на гору Хамар (Сумбур) улу и на дно моря Газаргдалай. Грозы также наиболее сильны и продолжительны на Хамар-Дабане; их появление связывается с восточным Харан Будал-тэнгэри и Уһан-хаты. «Делают» грозу и западные тэнгэрины, но все они, западные и восточные, четко очерчивают компактный район метеорологической аномалии, а Уһан-хаты еще более конкретизируют место действия Хамар-Дабаном.

Что касается эпитетов «холодных», «злых», враждебных людям, то восточные тэнгэрины могли получить их по суровой климатической и природной обстановке горной страны, чуждой и непонятной степнякам-кочевникам.

О причине разделения западных и восточных тэнгэринов много писалось и говорилось. Отдельные ученые считают, что здесь нашли отражение политические события, происходившие в Прибайкалье. А точнее, бывшая вражда между эхиритами, бу-

лагатами и хоринцами. Я не знаю, насколько правомерно это мнение, но факт какой-то древней борьбы действительно ощущается. Причем до такой степени, что некоторые побежденные хаты (к примеру, Боро-шарга), запечатлены в пантеоне восточных и западных небожителей с вырезанной грудью, то есть как итог жертвенного приношения пленными на шаманских алтарях территориальным божествам. Это очень хорошо подтверждают слова шаманских призываний и обрядовые действия отдельных восточных небожителей. Например, о чем может говорить имя Еһон-Шухан-тэнгэри («9 кровавых тэнгэринов»)?

Я лично считаю, что «разделение» восточных и западных тэнгэринов могло «произойти» по причине разного происхождения западных бурят.

Известно, к примеру, что у эхиритов больше всего сохранилось тюркского субстрата. А тюрки-теле, считающие горно-таежные районы близ Байкала в числе своей исконной родоплеменной территории, жили здесь задолго до проникновения монголоязычных народов. Поэтому есть основание полагать, что представления о 44 тэнгэринах отражают характер шаманского мировоззрения не булагатов, а прежде всего эхиритов и хоринцев. Не зря же где-то возле подножья Хамар-улы (Хамар-Дабана) шаманки Айсухан и Хусыхэн поймали рожденного в береговой щели эхирита (налима-гутайн), а богатырь Хоридой, прародитель бурят-хоринцев, украл птичье оперенье одной из прекрасных девушек-лебедушек, сделав ее своей женой.

Сказанное выше не претендует на бесспорность теории о большом значении Хамар-Дабана в бурятском шаманизме. Дальнейшие исследования, я надеюсь, подтвердят или уточнят нашу гипотезу.

ШАМАНСКИЙ ЦЕНТР БАЙКАЛА

ШАМАНСКИЙ КАМЕНЬ В ИСТОКЕ АНГАРЫ

Шаманский камень в истоке Ангары, преграждающий великую сибирскую реку при выходе ее из озера Байкал, являлся в старину едва ли не самым знаменитым местом по трассе главного магистрального пути из Прибайкалья в Забайкалье. Еще русские казаки-землепроходцы отметили важное значение камня в судьбах местных бурят и тунгусов, приезжавших для совершения религиозных треб из земель от Енисея на западе и до Амура на востоке. Главная из этих треб — совершение клятв (божбы) в особо спорных судебных тяжбах. Французский путешественник XVII столетия И. Идесс, к примеру, писал: «Когда кто-либо из них (т.е. бурят, — А.Т.) должен принести клятву, то они отправляются на озеро Байкал, близ которого находится гора, почитаемая ими священной <...> На этой горе приносят они свою клятву, кто же присягает ложно, тот, по их мнению, не сойдет живым вниз. На ней приносят они также в жертву убойный скот».

Старинная поэтическая легенда о старике Байкале и его дочери — беглянке Ангаре, ныне ставшая едва ли не самой популярной среди бурят, также говорит о грозных судьбах Шаманского камня. «Та скала, — говорится в ней, — которую старик бросил вдогонку убегавшей дочери, стоит до сих пор окруженная водой и называется Шаманский бык. На ней поселились злые духи-онгоны, которых человек боится. Они называют его как хотят. Люди бывают на Шаманском быке, приносят духам жертвы. Если кто заподозрен в краже или в каком другом дурном поступке, его ведут на скалу и заставляют принести клятву в том, что он не виновен. Только тогда верят ему. А если такой принесет обманную клятву — то горе ему. Онгоны жестоко накажут его».

Священный холм Ехэ Ёрд (Приольхонье)

Петроглиф на утесе Саган-Забя

Сэргэ-коновязь на Ольхоне

Священная гора на Баргузинском хребте

Святой нос

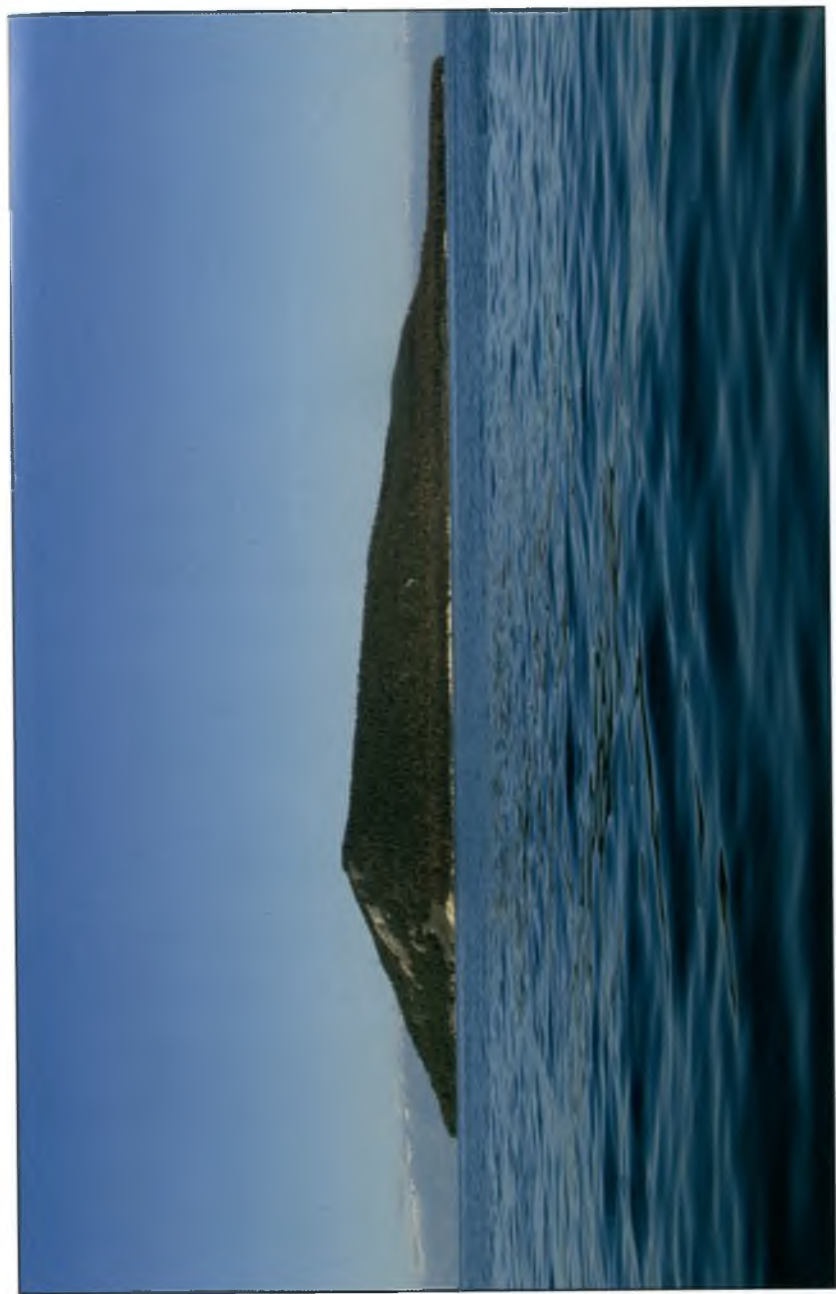
Малое море

Байкальские просторы

Лежбище байкальской нерты

Большой Ушкан'ний остров

Байкальские лебеди — тотемные предки хори-бурят

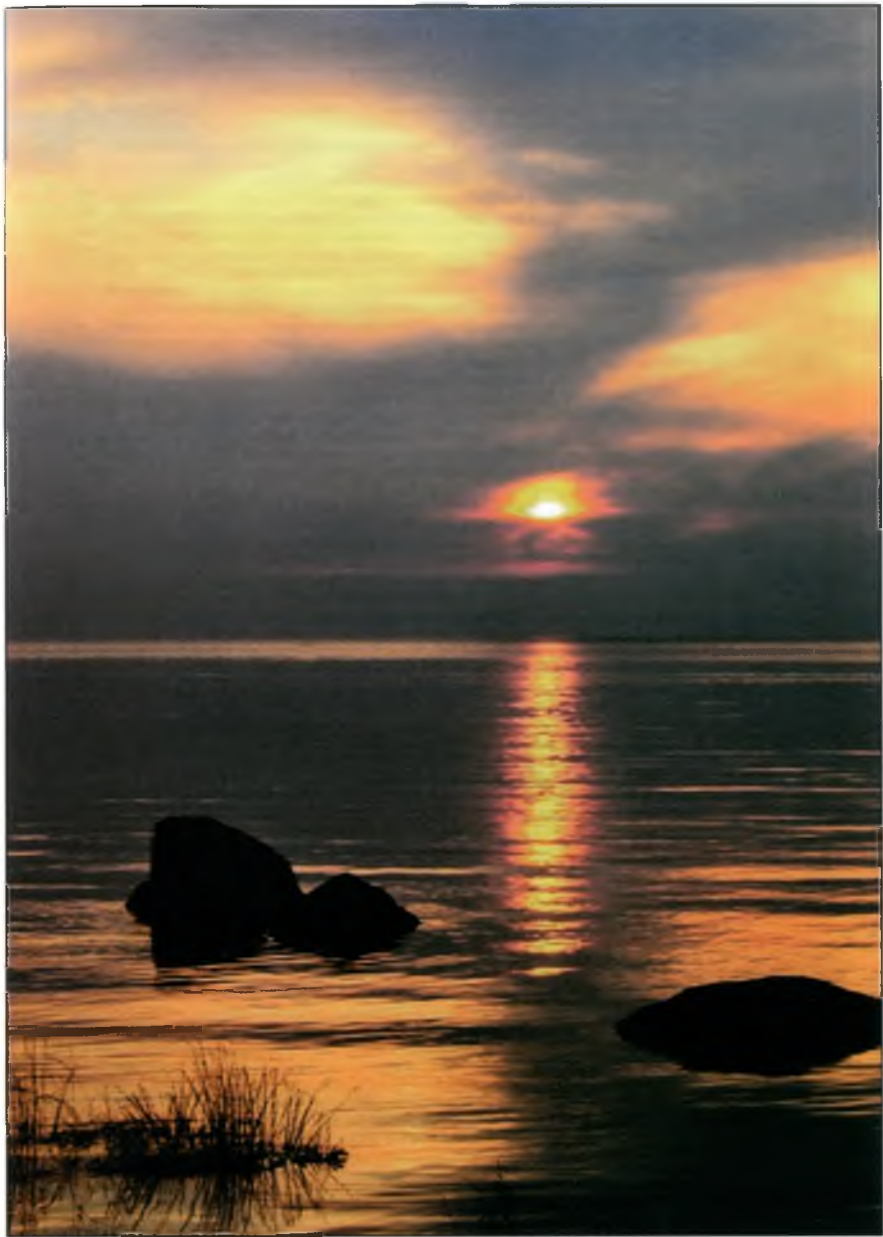
Орел — священная птица Байкала

Тункинские Альпы

Скалы Лударики на Северном Байкале с древними рисунками

Байкал вечерний

Один из священных утесов близ бухты Песчаной

Скала «Слоник» на Большом Ушканьем острове

Байкал. Лето

Мыс Бурхан на Ольхоне

Мыс Бурхан и Шаманская роца

Шаманка Н. Степанова у скалы Бурхан

Мыс Бурхан

Шаманские святы места Приольхонья

Интересную запись о Шаманском камне оставил в конце XIX века писатель Д.И. Стахеев: «Камень назван Шаманским потому, что буряты шаманской веры признают его за обиталище онгонов (духов). К этому камню приезжают буряты за 300–400 верст и, перебравшись на лодках на самый камень, входят будто бы в непосредственное сношение с обитающими на нем духами. Нередко к этому таинственному месту привозят они своих собратьев, в чем-либо обвиняемых, и заставляют произнести здесь отрицание преступления. Шум волн, разбивающихся о камень, высота его над водою, фантастичность самого места и полное убеждение в присутствии на нем невидимых духов — все это разом действует на присягающего, и виновный большей частью не может скрыть своего преступления; он со страхом и трепетом сознается во всех грехах, вольных или невольных. Часто бывает так, что решившего принять присягу на Шаманском камне привозят на берег без чувств, в глубоком обмороке. Случается, что по возвращении сознания бурят еще долго дрожит от страха и не может успокоиться: так его напугают страшные онгоны!»

Современник писателя этнограф М.Н. Хангалов также удостоверяет исключительную важность Шаманского камня в древней религии бурят. Указывая, что воровство, ложь, насилие, клеветничество и другие человеческие пороки наказываются высшими эжинами и заянами, он заключал следующее: «С давних пор у бурят существует обычай божбы у Шаманского камня, у истока Ангары, у озера Байкал. Эта божба считается очень сильною, и каждый бурят избегает и боится ее, да и прибегают к ней в особо важных случаях». Кстати, на то же самое в XVIII сто-

Шаманский камень в истоке Ангары

летию указывали М. Татаринов и Г.Ф. Миллер. Первый, в частности, подчеркивал, что при решении особо запутанных споров дел присягу принимали только в одном месте, а именно: на Шаманском камне в истоке Ангары. Их слова подтверждаются старинными юридическими документами бурят, разделявшими «шерть» на 4 ранга. Четвертым, самым высшим рангом, считалось посещение и клятва на Шаманском камне. Этот ранг предусматривал церемонию в присутствии шамана, который и призывал богов или духов в посредники, а те лишали счастья и плодородия тех, кто давал ложные показания. Все четыре типа присяги сохранились у бурят вплоть до начала XX века. «Приговор Балаганского бурятского общества» официально упоминает Шаманский камень в истоке Ангары как главнейшее место при решении особо тяжёлых проблем: «А в важных и более заслуживающих уважения должны они (буряты, — А.Т.) для таковой же присяги, божбы или клятвы ехать к так называемому или искони почитаемому и уважаемому камню близ устья (истока, — А.Т.) реки Ангары, у Байкала моря находящуюся, где чрез сии средства и познается всякая справедливость и истина».

М.Н. Хангалов так поясняет данный пункт «Приговора»: «Буряты вообще избегают ложных показаний, в особенности после присяги на Шаманском камне, боясь кары со стороны заянов, распространяющейся не только на самих виновников, но и на детей и потомство их. В случае отсутствия свидетелей обвиняемому достаточно было побожиться в своей невиновности на Шаманском камне, чтобы быть оправданным».

О древности данного святого места хорошо свидетельствует и сложившийся комплекс шаманских религиозно-мифологических представлений, например, концепция о якобы имеющемся здесь входе в страшное подземно-подводное царство теней, где находятся души больных людей. Во время молебствий душа шамана опускается туда и встречается с блуждающими душами заболевших соплеменников. Чем быстрее выпустит Эрлен (Эрлик)-хан из темницы эти души, тем скорее

*Куртун (Тунгусская гора):
слева — общий вид скалы; справа — фрагмент петроглифов*

придет выздоровление. А это, мол, достигается лишь богатыми «кровавыми» жертвами и обилием тарасуна. В случае скудости владыка подземного царства может отодвинуть Шаманский камень и открыть вход в преисподнюю. И тогда черная вода с ревом хлынет из-под земли и нескончаемым потоком затопит ближние и дальние окрестности.

Вполне естественно, что личность духа-«хозяина» Шаманского камня издавна волновала людей. Старинные народные предания по этому поводу, на удивление, плохо согласуются между собой, создавая тем самым неопределенный, расплывчатый образ грозного стража реки Ангары. Причину мы видим в особом значении святого места у всех родо-племенных групп бурят, развивавших данный культ по-своему. Наложили на него отпечатки, вероятно, и эвенкийские религиозно-мифологические представления.

Прежде всего отметим обожествление реки Ангары вообще. Местные шаманисты считают ее священной и приписыва-

Пещера Скрипер. Общий вид скалы (план и разрезы).

Рис. Б.И. Лебединского

ют воде, наряду с аршанскими целебными источниками, многие чудесные свойства. Опоэтизированная **Ангар-мурэн** («Река Ангара») часто упоминается в мифологии и многих шаманских призываниях. Кроме того, сама она, в свою очередь, подразделялась на ряд почитаемых мест, или, вернее сказать, имела большой пантеон «хозяев» определенных участков реки. На **Шаманском камне** в истоке Ангары «проживал» неосязаемый дух *Ангарайн амани эжен*, который имел целый ряд конкретных, но разноплановых имен, часть из которых явно относится к тотемным образцам. Среди них *Буга Саган-нойон*, что в переводе с бурятского буквально означает «Олень Белый господин». Среди них и некий *Гуртэ Саган-зарин* («Белый шаман с сетью»). Часть вариантов пантеона стражу истока Ангары дает имя *Ама* (*Амга*) *Саган-нойон мунгэтэ зарин* («Ама Белый господин-шаман с деньгами») и называет его как бы прокурором над делами земных людей.

Саган-Заба. Общий вид

Изучение пантеона, особенно анализ шаманских призываний, позволяет прийти к выводу, что все мифические божества являются душами когда-то реально живших людей, отличавшихся от остальных современников какими-то выдающимися качествами. Часть из них определенно связывается с шаманами.

Например, Гуртэ Саганзарин — «большой» шаман, некогда живший вблизи Шаманского камня. Считался заядлым рыболовом, как на Ангаре, так и на Байкале. Одно из плаваний оказалось роковым: он попал в шторм и утонул. Душа утопленника сделалась «хозяином» не только истока Ангары, но и попала в число заянов западного хата, а конкретнее — стала одним из помощников Верховного бога Западной части неба (тэнгэрина), который считался у бурят добрым божеством и суровым экзекутором к лгунам и преступникам.

Другие предания рисуют Гуртэ-зарина «хозяином» не только истока Ангары, но и более широкого географического региона — от Селенги до «земли Иркутской». Однако почитание его прослеживалось еще шире — на южном побережье Байкала, в Тункинской долине, в Восточном Присяянье и даже в долине Кижинги в Забайкалье. Балаганские буряты, к примеру, выбирая чистые березовые рощи, приносили Гуртэ-зарину в жертву большого белого барана. В заслуги ему приписыва-

*Шаманские жертвенники
в бухте Саган-Заб*

Хурай-Нур (Сахюртэ).
Вверху — ситуационный план;
внизу — фрагмент петроглифов

ется строительство какого-то белого каменного моста, очевидно, Шаманского камня, перегораживающего исток Ангары. Его считали сыном некоего Монготуя, образа, в шаманской мифологии не известного.

Ама Саган-нойон понимается в роли души бурятского предводителя (родового старейшины), который достиг и высокой степени шаманского посвящения. В общем пантеоне бурят он стоял на уровне хата (сына Неба). Это был и грозный страж всей Ангары, но и судья во время принесения присяги на Шаманском камне. Жители улусов, расположенных вдоль северного склона Саянского хребта, дают Ама Саган-нойону также имена *Ангарын Аман хара хаан* («Аман — горный владыка Ангары») и *Ангарын хан Аман Саган нойон* («Аман — Белый господин Ангары»). Отмечается также, что это божество имело много денег, вероятно, тех, что люди приносили во время жертв.

Третья ипостась — *Буга Саган-нойон* — менее понятна. Его считали старшим из 9 сыновей Буха-нойона тункинского. Обладал «саженным кортиком, восседал на краю аршинного указа и сочинял различные законы». Но все это есть позднее «перевоплощение» древнего тотемного образа, поскольку *Буга* переводится как «олень». Его брат *Хамхой-зарин* стал «хозяином местности Хужир (на Ольхоне?), а другой — *Больё-зарин* — стал владеть местностью Больё (Култука на южной оконечности Байкала). Все это подчеркивает высокую степень влияния Буга Саган-нойона и его братьев от Буха-нойона на общественно-религиозную жизнь бурят Байкальского региона, но пантеон этот слабо изучен. Известно, что только Буга Саган-нойон был единственным духом-«хозяином» истока Ангары, кто имел жену *Хуна Саган-хатун*.

Исследователь И.А. Манжигеев считает возможным существование в прошлом единого образа божества истока Ангары, и объяснил разночтения теонимов тем, что «с изменением рода занятий и образа жизни людей соответственно изменяются и названия мифических образов».

ГОЛОУСТНАЯ — КУРТУН — САГАН-ЗАБА

Долина р. Голоустной являлась местом кочевания не только бурят, но и тунгусов, последние из которых были более древними аборигенами здешнего края. В середине XIX столетия И.Д. Черский застал здесь стойбище качергатских эвенков, состоящее из 5-6 деревянных юрт «по типу бурятских», а чуть выше по реке имелась еще более многочисленная селитьба «зогинских» тунгусов.

Судя по описаниям И.Д. Черского и А.Л. Чекановского, единым культовым местом у тамошнего населения (тунгусов) издавна считалась **гора Шаманка** при слиянии Урулкина с Окорликом и впадении их в р. Голоустную. Эта величественная гора с юго-востока «украшается живописными утесами», а к северо-востоку опускается к долине Голоустной двумя скалистыми уступами, из которых нижний образует почти отвесную скалу.

Именно эта скала и пользовалась почитанием окрестных жителей. В одном случае Чекановский говорил о бурятах-шаманистах, которых «приводят к присяге», «отчего, по всей вероятности, произошло и название горы» (Риттер, 1895). Речь, конечно же, идет о так называемой божбе на священном камне, в прошлом широко практиковавшейся на языческих капищах при решении тяжёбных дел. Следует ли понимать под «бурятами» А.Л. Чекановского голоустинских тунгусов, которые мало отличались от них по материальной культуре?

Никаких подробностей о пантеоне духов и сущности проводившихся обрядов в литературе не зафиксировано. Есть, правда, интересная запись И.И. Веселова от местного жителя Н.Д. Стрекаловского в 1926 году о некоем «шаманском» старом пне «у Тальницкого ручья», которому молились здешние буряты,

«когда и русских в то время здесь еще не было» (т.е. до XVII в.). «Утречком, после невода, буряты подошли к этому пню шаманить, благодарить своих богов за хороший улов рыбы, и тут увидели его» (образ Св. Николая, — А.Т.).

С Шаманской горой и ее скалами связаны сведения о находках человеческих костей в пещере. В 1905 г. А.М. Станиловский записал от местных жителей рассказ о том, что «где-то около Голоустного есть пещера, в которой находят человеческие кости. В 1955 г. П.П. Хороших помещает данную пещеру в местности Угловая падь (пади Урулкина и Орколики, выходящие в долину р. Голоустной), то есть совмещает с Шаманской горой. В пещере, по его словам, в начале века действительно находили человеческие кости, обтянутые берестой луки, наконечники стрел, конские седла и «писанные камни», что больше всего соответствует погребению средневекового воина в пещере, традиция чего была распространена в подземных склепах западного побережья Байкала. Раскопок внутри объекта не проводилось.

Следующий культовый объект находится **близ слияния рек Бугульдейки и Куртуна**. Собственно говоря, он состоит из трех святилищ разного вида и времени, объединяясь в единый ритуальный комплекс.

Еще М.Н. Хангаловым на рубеже XIX–XX веков обращено внимание на священность **Куртунского озера**. По словам местных бурят, в глубинах водоема обитает супружеская чета *Хухэ-хахул-нойон* и *Хур-Саган-хатун*. Сам «хозяин» Куртуна считался родным братом всемогущего владыки Ольхона Хан-хута-баабая, а оба они в свою очередь «происходили» из рода первого черного небесного кузнеца Хожир Хара-дархана. Впрочем, здесь же почитали и некоего нечеткого в образе «белого бога».

В переводе с бурятского *Хухэ-хахул-нойон* означает Синевородый господин, что, вероятно, соответствует понятию древности духа синего озера. Имя его жены непереводимо по причине глубокой архаичности слова, ныне вышедшего из употребления, а вот определение «хозяйки» понятно — «Белая госпожа». Отсюда: «Хур Белая госпожа».

По данным С.П. Балдаева (1956), эжином Куртуна и озера считался *Хухэ-тологой-убэгэн*. Перевод имени (Синеголовый старец) согласуется с более ранним по записям образом Хухэ-хахул-нойона (Синебородый господин), что свидетельствует о стойкой традиции местного шаманского пантеона.

Другое культовое место в честь «хозяев» Куртуна находится на берегу вышеназванного озера. Оно представляет собою лиственничное дерево, увешанное цветными ленточками материи. «Подъезжая к дереву, буряты сходят с коня или арбы и приходят в глубоком молчании и с серьезным видом или даже присоединяют от себя новую ленточку». Считалось, что эжин озера «благосклонно принимает возлияние вина даже от русского крестьянина». Когда на этом месте был Хангалов, то ему пришлось при подходе к капищу произвести обряд очищения огнем себе, спутникам и лошадям.

Тому же Хангалову принадлежит первенство в сообщении о еще одном местном святом месте — о древних рисунках на прибрежных скалах. Отправившийся следом Н.Н. Агапитов действительно обнаружил «какие-то краски красной охрой». Он писал, что на «самой вершине скалы, сажень на 50 от русла реки, в небольшой пещере на боковой стене у самого входа действительно оказался исполненный красной краской рисунок». Он изображал два круга с четырьмя черточками-радиусами в каждом и скорее напоминал шаманские бубны. При этом Агапитов почему-то отнес рисунки к жившим здесь в старину якутам, славившимся на мнение местных бурят.

Более удачна попытка М.Н. Хангалова сравнения наскальных рисунков Куртуна (и Мальты на Ангаре), они являются «переходными формами» от древних изображений к современным ему онгонам на материи. По его же мнению, образы на петроглифах являются «портретами сатинских богов» — особых добрых существ (людей) небесного происхождения, бывших когда-то шаманами и шаманками.

В 1977 году А.П.Окладников, В.И.Молодин и А.К.Конопацкий провели квалифицированное обследование петроглифов. Скала

на самом деле содержала много рисунков, но большей частью нечетких, кроме нескольких, да и то у подножья утеса. Все они оказались типичными для бронзового века, соединяя «степной» и «таежный» стили древних изображений. Что касается «бубна», то таковой рисунок оказался на другом памятнике, в 5 км от скалы **Байц**, или **Тунгусской горы**. Новая местность называется **Мунгалы** как память о древних (куруканских) жителях долины р. Куртун.

Интересную информацию о культе древних петроглифов Куртуна (неизвестно, каких из двух) дал С.П. Балдаев. «Эти писаницы, — писал он, — голоустнинскими, алагуевскими и ольхонскими бурятами отмечались индивидуально или общественными жертвоприношениями, и «хозяева» (эжины) их были возведены в ранг покровителей местности».

Среди жертвенных приношений духу писаной скалы ученые нашли кучку жженных на огне наконечников стрел, перекрытых каменным завалом и датируемых началом I тыс. нашей эры, то есть курыканским временем.

Позже иркутские археологи (О.И. Горюнова, В.М. Ветрова, Е.Н. Бердникова, А.Г. Филиппов) выявили в долине р. Куртун еще несколько новых, ранее не известных пещер с артефактами. В них найдены вещи железного (куруканского) времени, заготовки орудий труда из кости, кости животных. А пещера Куртун XIII в. дала новые рисунки красной охрой, но также на берегу Куртунского озера.

Итак, при соединении Куртуна с Бугульдейкой у местных бурят существовало крупнейшее в средней части западного побережья Байкала святое место. Корни культа уходят к предшественникам-тунгусам, в курыканское и позднебронзовое время. Не случайно для исполнения религиозных треб сюда съезжались все буряты участка суши от истока Ангары до северной оконечности Малого моря, а также жители Кудинских степей и верховьев реки Лены.

О памятнике **Саган-Заба** следует сказать особо. Он находится в 5 км к северу от бухты Крестовой. Представляет собой высо-

кую скалу из мраморного известняка. Известен большим количеством наскальных рисунков рельефной техники исполнения. Датировка их — от конца неолита до раннего железного века. Из-за древности многие изображения сильно пострадали и сохранились отдельными скоплениями. Основы их сюжета: шаманы, лоси, изюбри, птицы-лебеди, рожаящие женщины и др. Имеются места, где на рисунки верхним слоем наложены более поздние изображения. Нами выявлен нижний слой, выполненный красной охрой. Например, фигура шамана с ромбическим туловищем, п-образными рисунками и рогатой головой совершенно аналогична выбитым фигурам на той же плоскости скалы. Выше и правее фигуры отмечена компактная группа пятен охры вокруг силуэта птицы (орла?) или крестообразного знака, похожие на те, что мы имеем в «селенгинской» группе петроглифов конца бронзового века Забайкалья.

Из комплекса жертвенных приношений у подножья скалы А.П. Окладникову встретились кости нерпы, каменные орудия труда, обломки неолитической керамики, две заготовки для скульптурных изображений рыб из белого мрамора. Значит, культ берегового утеса возник еще в каменном веке, и только в эпоху бронзы на нем появились магические наскальные изображения. Помимо того, в подступающей горной пади Окладников обнаружил целый комплекс хорошо сохранившихся шаманских капищ. Это серия ритуальных очагов-жертвенников. Они не только походили на современные шаманские шэрээ бурят, но и имели много общего с ранее раскопанным здесь же очагом раннебронзового времени, и такими же ритуальными кладками эпохи неолита Ангара и Лены. «На них, судя по уцелевшим между камнями мелким косточкам, жгли кости принесенных в жертву хозяину скалы Саган-Заба жертвенных животных <...> «Степень выветренности камней свидетельствует о том, — писал А.П. Окладников, — что шаманские жертвенники относятся к далеким временам и насчитывают, вероятно, не одну сотню лет».

Говоря об очагах-жертвенниках, исследователь обратил внимание на удачное расположение культового объекта. Отсюда, в частности, открывается «прекрасный вид на простор Байкала, на далекий противоположный берег озера, синеего своими зубчатыми вершинами». Поэтому-то, мол, оно и было выбрано для жертвоприношений не случайно. «Где, как не в этом месте, — поэтически восклицал А.П. Окладников, — должно было, с точки зрения «детей природы», поклонников грозных божеств — шаманистов, пребывать владыкам Байкала и прибрежных скал? И откуда, как не с этой высоты, могли они слышать мольбы о помощи и защите?»

Но если о наличии в Саган-Забе древнего святилища дают понятие археологические раскопки, то о культе петроглифа прямо говорят этнографические данные.

К примеру, Т.И. Савенков первым сказал, что «место это еще незадолго до войны (Первой мировой, — А.Т.) пользовалось почитанием бурятского населения». Среди жертвенных приношений в щели около плоскости с рисунками он нашел медные, «частью позеленевшие» русские монеты. С тех пор о следах ритуальных приношений писали все, кто бывал на этом памятнике, упоминая старинные монеты, волосы, ленточки материи, кости животных.

Гораздо больше материалов собрано предыдущими исследователями о бытовавших у поморов религиозно-мифологических представлениях шаманской обрядности. Среди них очистительные церемонии перед посещением скалы, угощение духов водкой, произнесение молитв, подношение монет и т.д. Материалы М.Н. Хангалова дают, к примеру, полный текст шаманских призываний в честь спустившегося с Неба на скалу Саган-Заба «бурхана *Бурал Обоши* с женой *Буга хатан*», которые, сделав «письмена-рисунки», остались здесь на жительство:

Сээг!

*С лучами матушки — Золотое солнце,
Со светом батюшки — Круглой луны,
Благословением батюшки Эсэгэ-Малана,*

Благословением матушки Эхэ-Юрен,
Пусть спускается с молнией,
Пусть устанавливается бурханом*,
Старец Буурал,
Буга хатан.
Нас, бедных, сделайте богатыми,
Нас, не имеющих детей, сделайте имеющими детей.
Сделайте имеющих табуны наполняющими загоны.
Сделайте имеющих детей наполняющими одеяла.
Если явится что-либо суровое,
Сделайте, чтобы прошло за горами,
Если явится что-либо несправедливое,
Сделайте, чтобы прошло за склонами.
Когда наступит тяжелый год,
Будьте милостью, будьте мудростью.

Что касается проводившихся при этом ритуальных действиях, сведения М.Н. Хангалова представляют описание типичного тайлгана с участием большого количества людей: «на местности Хура-Нуга и на горе Саган-Заба делают религиозный талган двумя жертвенными животными: одна большая овца и другой годово́й баран, тарасун, саган хурута». Однако тайлганом здесь руководил не шаман, а «простой человек, который знает о будал-бурханах, которые спустились с неба <...> и на скалах сделали свои зураки (изображения — А.Т.) и поселились на этих местностях». Далее идет подробное описание обряда сасали бариха с тарасуном и жертвенными животными, при котором принимала участие большая семейно-родовая (или племенная) группа бурят. Прочитируем из него отрывок, который можно связать с находкой А.П. Окладниковым жертвенных очагов с костями животных. «Кости каждого жертвенного животного, — писал более ста лет тому назад М.Н. Хангалов, — отдельно кладут на каменный жертвенник и жгут. После мяхан татур от мяса бросают в огонь и едят, а потом уезжают домой».

* Имеющий местопребывание между гор (престол, седалище)
Бурхан, имеющий изображение среди скал.

Последователи первого бурятского этнографа в начале XX столетия уже не смогли дать столь подробного описания культа Саган-Забы. Так же повторяют они и мысль Хангалова о сходстве наскальных рисунков с онгонами западных бурят. Только С.П. Балдаев внес в понимание культа нечто новое середины XX столетия: «Население улусов Еланцы, Шулуты, Борсоя и Анги, ныне Ольхонского аймака, устраивали тайлган девятью баранами и молочной водкой эжину скального изображения *Саган-Забы* — *Бурал Саган-ноёну* и жене его *Буга саган-хатан* («Седовласому господину и Буга — белой госпоже») <...> По объяснению старика Барнашки, человек с луком изображает самого Бурал-саган-ноёна». Но он по-прежнему подтверждает слова М.Н. Хангалова о том, что «обязанности шамана при устройстве тайлгана исполняет старик, знающий хорошо обряды и ритуалы тайлганов, передаваемых традиционно из поколения в поколение».

ХУРАЙ-НУР (САХЮРТЭ) — ЕХЭ ЁРД — АЯ

В прибрежной к Байкалу части долины р. Анги имеется небольшое **озеро Хурай-Нур**, очень почитаемое местным населением. Мифологические предания повествуют о жительстве здесь священных лебедей, вероятно, тех, одна из которых и стала прародительницей сыновей Хоридоя и всех хори-бурят. Напомним, что действие генеалогического мифа происходит на берегах озера Байкал, но точного места не локализуется: одни ведут на остров Ольхон, другие — на южное побережье водоема, третьи — в долину р. Анги. Те курыканские предки, что ушли вниз по р. Лене в Якутию, переместили действие мифа на свою новую родину близ Полярного круга.

На берегу озера Хурай-Нур белым цветом заметно выделяется величественная **скала Сахюртэ** с четырьмя группами древних наскальных изображений. Б.Э. Петри сообщал, что камни с рисунками в его бытность считались бурятами священными, а знаки на них — делом рук самого *Бурхана*. «Эжину ангинско-

го камня и камня в бухте Ая ежегодно устраивают жертвоприношения».

По сведениям С.П. Балдаева, «четыре фигуры обозначают сыновей эжина Сахюрты, а две — дочерей». Две отдельно нанесенные фигуры людей «обозначают собой эжина скалы Сахюрты *Сарма саган-ноёна* («Сарма белого господина») и жену его *Сахюрша саган-хатан* («Кремнистая белая госпожа»), причем последняя фигура имеет большой живот».

По старинным шаманским преданиям ангинских бурят, божественная чета сначала спустилась с небес на остров Ольхон (Ойхон), но затем в поисках удобного места для проживания пришла к озеру Хурай-Нур и обосновалась в скале Сахюртэ. Чета эта слыла добрыми божествами. При совершении ритуальных обрядов им в жертву приносились 9 баранов и молочная водка. Тайлганы устраивались два раза в год: весной и осенью. И здесь все обходилось без участия профессионального шамана. Людей, заменяющих их из среды стариков, называли «хаялгаша», то есть человек, «устраивающий обряд хаялга». Во время церемонии почитания духов местности он пел:

Соог!

Охраняющие святое место,

Владеющие этой местностью,

Священная гора Ехэ-Ёру

Превращающие в лихих коней
Наших слабых жеребят,
Обращающие в добрых молодцов
Наших малых детей.
Спустившийся белый бурхна,
Сидящая белая госпожа!
При наличии белосеребряного неба,
Вы облюбовали скалу Сахюрту,
При наличии колыхающегося моря
Вы облюбовали белый ключ.
Сарма — белый господин,
Сахюрша — белая госпожа!
Пребывающие на высотах,
Имеющие изображение на белом камне!
Когда наступает тяжелый год,
Дайте нам защиту,
Когда приходит хворый год,
Охраняйте нас от болезней.
Расплодите наш скот,
Сделайте нас богатыми,
Расплодите наше потомство,
Сделайте нас многочисленными!
Соог!

Согласно шаманскому призыванию, в имени Сарма саганноёна явно угадывается образ «хозяина» свирепого местного ветра сармы, дующего из ущелий Приморского хребта на восток и поднимающего на Байкале уничтожающие шторма. Этноним же Сахюрши саган-хатан, его жены, совпадает с топонимом.

Исследования ряда ученых показывают разновременность представленных на скале изображений. Наиболее древние из них составляют сцены гона лося за самкой, вероятно, неолитического времени. Сцены загонной охоты имеют элементы фигур, характерных для «селенгинской» группы петроглифов бронзового века Забайкалья. Из более поздних рисунков П.П. Хороших называет ламаистский очир «конца XVIII в.», родовые тамги, ку-

рыканские и раннебурятские «граффити». В 3 км западнее высечено изображение всадника в «монгольской одежде». О немаловажном значении культового места свидетельствуют, быть может, остатки укрепленного городища, «сторожевая вышка» и могильник курыканского времени. Непосредственно под скалой с рисунками П.П. Хороших в 1924 году нашел «древний железный котел с клепаным дном».

Но самым интересным в культе скалы и озера является рисунок водоплавающей птицы: гагары или лебедя как иллюстрация бытовавшего в эпоху курыкан шаманского генеалогического мифа о священном тотеме.

Другое особо значимое святое место в устье р. Анги, недалеко от озера Хурай-Нур и скалы Сахюртэ, представляет собою большой холм — **гору Ехэ Ёрд** почти идеальной полусферообразной формы, обманчиво искусственного происхождения, практически в береговой части озера Байкал.

Еще М.Н. Хангалов писал, что вокруг этой горы окружностью «около семисот обыкновенных шагов» прибайкальские буряты один или два раза в год (весной и осенью) устраивали массовый праздник «хатарха» с участием не менее 700 человек, «но больше — сколько угодно». «Игры» продолжались около «тридцати дней», и за это время танцующие круговой ритуальный танец изнашивали до 6 пар унтов. «Во время игры вокруг горы Ёрд хорошие и меткие парни находили себе красивых и хороших жен; красивые и хорошие девицы находили хороших, умных и метких мужей».

О горе Ехэ Ёрд, где и поныне проводятся массовые пляски тысяч человек, существует большое множество старинных народных преданий, слава о ней и особенно о Ёрдын наадан («Ёрдынских играх») остается стойкой и всенародной.

Д.С. Дугаров, специально изучавший культ горы Ёрд, пишет о том, что в праздничные дни (сегодня это один раз в год) со всех ближних и дальних уголков Байкала собирались до 2-3 тысяч человек, которые танцевали шесть суток подряд днем и ночью. При этом считалось обязательным, взявшись за руки, опоясать

подножье священной горы хороводным кругом. От тысяч танцующих ног вокруг горы Ёрд даже образовалось канавообразное углубление, заметное до сих пор. Если круг не смыкался, то игра не проводилась. Есть легенды о местном богаче Даатае, который лет 200–300 тому назад в дни игрищ устилал склоны снизу доверху шкурами белых ягнят, отчего гора казалась и летом белоснежной.

То, что раз в году сюда совершают паломничество тысячи человек со всей земли, населенной бурятами, вряд ли объясняется простым желанием осуществить увеселительное мероприятие или произвести «смотр» представителей от всех племен и родовых групп, проиллюстрировать единение всего народа. Отметим, что по своему масштабу этот праздник очень похож на общекутский «ысыях», где также водили хороводный танец по несколько суток в честь их верховного бога-творца Уруун Айыы-тойона. Из бурятских культов наиболее ближе к «Ёрдынским игрищам» обряды, посвященные Ухан-хатам — шаманистическим божествам Земли-Воды. Общее, что их сближает — это исполнение кругового танца «еохор» с участием женщин. Заметим, что женщины на всех других обрядах не допускались, равно как не существовало на них практики исполнения ритуального танца.

Существенную помощь в реконструкции начального этапа культа горы Ёрд дает хронология памятника. Когда М.Н. Хангалов говорил о «прежних бурятах» времени проведения общенародной облавной охоты «зэгэтэ-аба», то он имеет в виду дату 700–800 лет со дня начала культа. Но более удачным путем пошел Д.С. Дугаров, подметив некоторые общие черты в духовной культуре якутов и их предков — прибайкальских курыкан. Например, у якутов и хоринцев есть предания о «развесистой белой березе», являвшейся «жилищем» территориально-родовых духов или даже самого Царя Неба. Береза эта росла где-то неопределенно на юго-востоке Предбайкалья, на правой стороне устья реки, впадающей в великое море Байкал с его северного побережья, на вершине Мировой горы. Если сказан-

ное спроецировать на географическое местоположение горы Ёрд, то заметна удивительная точность описания святого места курыканских предков якутов и бурят. Кстати, устье р. Анги являлось одним из самых густозаселенных курыканами уголков Байкала, что подтверждается многочисленными памятниками археологии. При помощи той самой березы, являвшейся также Мировым деревом, доходящим кроной до небес, «буряты и их этнические предки — курыканы осуществляли контакты с небесными божествами, отправляя туда свои молитвы и жертвоприношения. И через эту же священную гору в ответ на указанные действия нисходила к ним небесная благодать, богатство, счастье и души детей, скот начинал размножаться».

Но связь горы Ёрд только с образом верховного бога-творца и его жены объясняет не весь культ древних поморов Байкала. Расшифровка топонима Ёрд необъяснима ни на монгольском, ни на бурятском, ни на эвенкийском языках. Только в скандинавской мифологии есть образ Ёрд — «Земля» (Богиня Земли, супруга верховного бога-творца Одина и мать бога грома, бури и плодородия Тора). Такое отдаленное сходство понятий уводит нас в древнейшие мифологические модели мира, похожие для индоевропейских и сибирских народов. У тюрков слово Ёрд производилось в неразрывной связи со словом су («вода») как устойчивое теологическое словосочетание йер-су — «Земля-Вода».

Эти факты дают ответы на некоторые проблемы происхождения столь значимого на Байкале культа. Во-первых, ясно, что данный топоним имеет явно тюркское происхождение, и более чем вероятно, — курыканское. Во-вторых, мы вышли напрямую к древнейшему шаманистско-мифологическому понятию Земля-Вода народов Байкальского региона. В-третьих, топоним Ёрд согласуется лишь с «женской» частью известного супружеского пантеона, с тем, что у якутов именуется «хозяйкой» земли Аан Алахчин Хатын. Именно у нее просили молящиеся размножения домашнего скота, дарования детей, счастливых семейных браков.

Теоним горы Ёрд станет еще более понятным, если принять во внимание тот факт, что празднество у ее подножья никогда не проводилось от почитания духа-«хозяина» писаной скалы в бухте **Ая** (в 2 км от данного места), расположенной на крутом скалистом берегу озера Байкал. Причем «посредниками» между двумя святыми местами были сами шаманы. Жертвоприношения, не зафиксированные у горы Ёрд, в большом изобилии совершались на ровной площадке скалы **Ая**. В связи с этим Д.С. Дугаров совершенно прав, когда писал о местных культах: «Ёрдынское игрище, как и весь Усть-Ангинский комплекс, было посвящено не только богу-творцу Аяа, но и его супруге — богине земли Ёрд. Земную обитель первому курыканские жрецы определили на берегу священного Байкала в белокаменной скале и присвоили ей имя своего верховного бога Аяа, а для его супруги Ёрд они избрали расположенную поблизости горку, носящую до сих пор имя этой древнейшей индоевропейской богини земли». В «Усть-Ангинский культовый комплекс», как полагает исследователь, входили также почитаемые горы Улан-хада («Красная гора»), Сахюрта («Кремниевая»), священное озеро Хурай-Нур («Сухое озеро») и другие сакральные природные памятники, однако их роль в общекурыканском культе Земли-Воды не совсем ясна. Единственное, что пока бесспорно, это расположение описываемого комплекса на восточной окраине земли курыкан. «Восток же — стран восходящего солнца — для древних тюрок и курыкан был наилучшей стороной света, где обитали добрые божества и духи, покровительствующие курыканам», — писал по этому поводу Д.С. Дугаров.

Усть-Ангинский культовый комплекс продолжал действовать и после того, когда основная масса курыканского народа ушла на север под натиском монгольских племен. Эту утасаживающую традицию старались поддерживать их сородичи, оставшиеся на прежней родине, но сил оказалось недостаточно для сбора больших масс людей. Омонголившиеся курыканы (западные буряты) ввели в традиционный культ Земли-Воды некоторые коррективы, связав его с очень похожим культом Унан-хатов,

где не требовалось большого участия народа. Якуты же продолжают обрядовую традицию плодородия (ысыах) на своей новой родине почти в неизменном виде, какой она была на их курыканской прародине. По их примеру и буряты начинают возвращать культ к изначальным истокам.

Красивейшая бухта Ая находится в 2 км северо-восточнее устья р. Анги и считается у бурят одним из священных мест Байкала, поскольку здесь имеется два известных памятника культового значения.

Один из них — пещера на скалистом мысу. По Б.Э. Петри, она являлась местом жительства эжина-«хозяина» мыса и писаного камня: его представляют стариком с седой бородой и белыми, как снег, волосами. В качестве жертвы в вертикальную воронку пещеры бросали деньги, а само место было огорожено рядом кольев. За эту импровизированную ограду запрещалось заходить женщинам. Более того, даже если женщину, проплывающую мимо на лодке, захватывала буря, ей также не разрешалось причаливать к спасительному берегу. Буряты полагали, что наземная пещера соединялась с глубинами Байкала, и дух ее мог оказываться и в воде. В качестве примера они называли случай, когда упавший в воронку жеребенок был вынесен подземными водами в акваторию бухты Ая.

Современные спелеологи установили необычность почитаемой пещеры. Это действительно самое большое из подземелий побережья Байкала, имеет глубину 55 м, а длину ходов 570 метров. Помимо основной воронки здесь имеется еще несколько: Октябрьская (глубина 55 м), Рядовая — 25, Вологодского — 37. Все они соединены множеством запутанных ходов, постепенно понижающихся в сторону озера. В отдельные годы по основному ходу течет вода, и притом значительным потоком, о чем свидетельствует окатанная галька и отложения очень плотной вязкой красной глины. Так что пещера Ая действительно имеет сквозное строение, еще не исследованное человеком.

Вторым объектом культового места в бухте Ая являются петроглифы на высоте около 20 м от уровня Байкала. Сам объект

найти непросто среди хаоса скал, ущелий и трещин. Рисунки нанесены на ровной плоскости одного из вертикальных обрывов утеса и выполнены тремя разными и одновременными техническими приемами: красной охрой (бронзовый век), выбивкой (курыканское время) и граффити (ранние буряты?). Центральное место в композиции занимает большая фигура шамана в окружении змей, птиц, рыб, нерпы, оленей, верблюда (?), человечков и других малопонятных знаков. По мнению стариков-бурят, на скале нанесены рисунки солнца и самки изюбря, одного быка-производителя, рыб, овец, двух человеческих фигур, хотя на самом деле это не совсем так. В двух человеческих фигурах они видят «портрет» самих духов-«хозяев» местности Ая (супружеской пары), причем одна из них держит в руках шаманское зеркало. Такая комбинация знаковых фигур очень напоминает сюжеты «зурактанов» — своеобразных шаманских икон на тканях, имеющих прообразы в древних наскальных композициях.

Бухта Ая. Комплекс петроглифов. Черным фоном обозначен нижний слой из "красочных" рисунков охрой

Частью петроглифов являются жертвенные алтари. Один из них — большая четырехгранная плита из известняка у подножья плоскости с рисунками, до сих пор служащая шаманским шэрээ или ан. Во время проведения обрядовых церемоний на алтаре совершают возжигание пихтой и богородской травой, а затем кладут жертвенные приношения. Среди кучи монет мы нашли экземпляры конца XIX столетия. По свидетельству М.Н. Хангалова, в старину на этот же алтарь клали мясо белого барана и окропляли скалу молочной водкой. Вторая из них — на вершине мыса, где имеется более удобная площадка для присутствия на церемонии значительных групп людей. Здесь внимание привлекают остатки каменных очагов-жертвенников и множество железного шлака, считаемых бурятами остатками «монгольской кузницы». На площадку эту женщины не допускались, что подтверждает наличие здесь забытого капища. Культ бухты Ая отправлялся одновременно с культом горы Ехэ Ёрд, причем жертвоприношения, не обнаруживаемые там, в большом изобилии приносились на ровную площадку скалы Ая, которая считалась главным культовым местом Усть-Ангинского ритуального комплекса. Жители более отдаленных улусов в бухту Ая не приезжали, но с капищ вблизи своих жилых мест они при молитвах обращали свои лица в сторону бухты Ая, призывая духа-«хозяина» скалы, считаемого покровителем аборигенного населения чуть ли не всего западного побережья Байкала. Шаманское призывание духам напоминало то, что посвящалось божествам озера Хурай-Нур и Сахюртэ, но имелись и отличия. Вот его полный текст:

*Соог!
Стерегающий золотую землю!
Владеющий местностью Ая,
Имеющий изображение божества,
Эрэгэл белый господин.
Счастливое белое божество!
Седовласая белая госпожа!
Стережете эту местность,*

Охраняйте наши веси!
При наличии золотых небес
Вы поселились в местности Ая,
При наличии ханского неба
Вы избрали гористую местность!
Эргэл белый господин, отец!
Седовласая госпожа, мать!
Расплодите наш скот и табуны,
Сделайте нас богатыми и счастливыми,
Размножьте наших внуков и правнуков,
Сделайте нас многочисленными и здоровыми!
Доходы наши умножьте в сто раз!
Вы имеете белокаменный дворец,
Владеете белосеребряным зеркалом,
Эргэл белый господин, Седовласая белая госпожа!
Соог!

По мнению Д.С. Дугарова, культ бухты Ая возник еще в курыканское время в честь верховного бога-отца Урун Айыы-тойона, до сих пор чтимого их потомками-якутами. Как отголосок тому — топоним Ая. На бурятском языке «ая» означает «наводящий на что-нибудь»; показывающий; доказывающий», то есть понятие не совсем ясное. Зато в эвенкийском языке имеется два слова — ая и яя: первое означает «добрый, хороший, милый, приятный, красивый, удобный, прелестный»; второе — «шаманить» (точнее, шаманское пение — просьбу о благополучии, обращенную к огню). Учитывая, что на северо-восточном побережье озера Байкал имеется бухта с почти аналогичным названием Ая с бесспорно эвенкийским культовым местом, то также эвенкийским является и топоним Ая. Это позволяет видеть истоки культа в древнем тунгусском этносе, более раннем по происхождению, чем степные скотоводы — тюркоязычные курыканы, либо в их народе, жившем непосредственно на побережье Байкала, присутствовали и ассимилированные тунгусские компоненты, которые сохранились здесь до настоящего времени в обуряченном варианте.

СВЯТЫЕ МЕСТА ТАЖЕРАНСКОЙ СТЕПИ

Тажеранская степь тянется от долины р. Анги до пролива Ольхонские ворота. На этой скалистой местности с чахлой растительностью и солеными озерами привлекает внимание ряд больших скал-останцев необычных форм, в том числе и в виде длинных гряд-стен. На одной из подобных скал в 3-4 км южнее летника старика-бурята О.О. Орбодоева А.П. Окладниковым обнаружена композиция из процарапанных рисунков двух людей с животными (козлами?). Исследование памятника на предмет жертвоприношений не проводилось, сведений о современном культе не получено.

Все другие памятники аналогичного типа находятся уже в прибрежной полосе озера Байкал.

Байдинские пещеры. Состоят из сложной системы под-

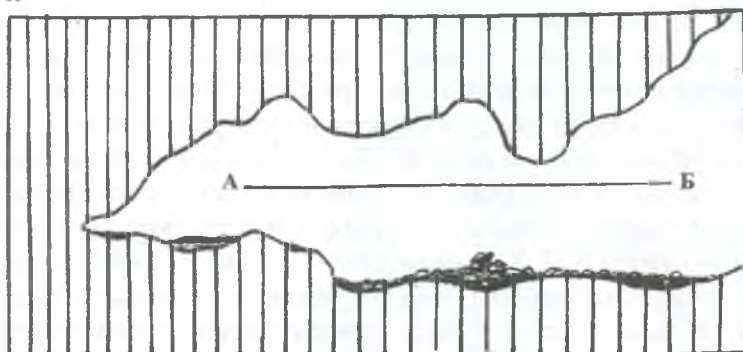
Вход в Большую Байдинскую пещеру.

Рис. Б. Лебединского.

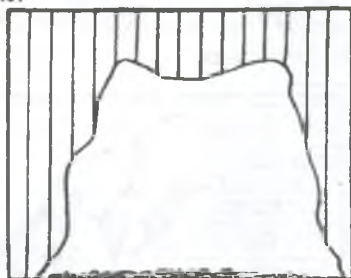
земных убежищ на высоте 270 м от уровня воды: Мечта, Большая и Малая Байдинские и Скотомогильник. Первая из них открыта в 1963 году и относится к числу крупнейших в регионе с общей длиной ходов 870 метров и тремя залами. **Большая Байдинская пещера** исследовалась в 1923 и 1952 годах П.П. Хороших, который нашел ее еще замаскированной большими камнями. Раскопками выявлены «остатки культуры ранней поры же-

1.

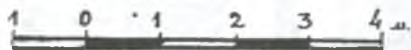
РАЗРЕЗ ПО А-Б

2.

ВХОД

3.

ПЛАН ПЕЩЕРЫ

План и разрез Малой Байдинской пещеры.

Рис. П.П. Хороших

лезного века», явно относящиеся к погребальному комплексу курыкан. **Малая Байдинская пещера** находится в 60 м от предыдущей. В ней сохранились три большие плиты, «служившие древним обитателям столами и скамейками» и располагавшиеся вокруг каменного очага с кострищем. Инвентарь по времени и типу аналогичен тому, что найден в погребальном комплексе Большой Байдинской пещеры. По сведениям местных жителей, в старину здесь находили человеческие кости, частью обожженные, что практиковалось у курыкан и всех тюркских народов. Помимо этого П.П. Хороших нашел следы буддийского культового почитания пещеры (тибетскую надпись на скале белой краской). К шаманскому культу относится понимание имеющейся внутри подземного убежища воды в качестве целебной, духу «хозяину» которой приносили жертвы серебряными и медными монетами (одна из них имела дату начала XVIII столетия), цветными ленточками материи на деревьях.

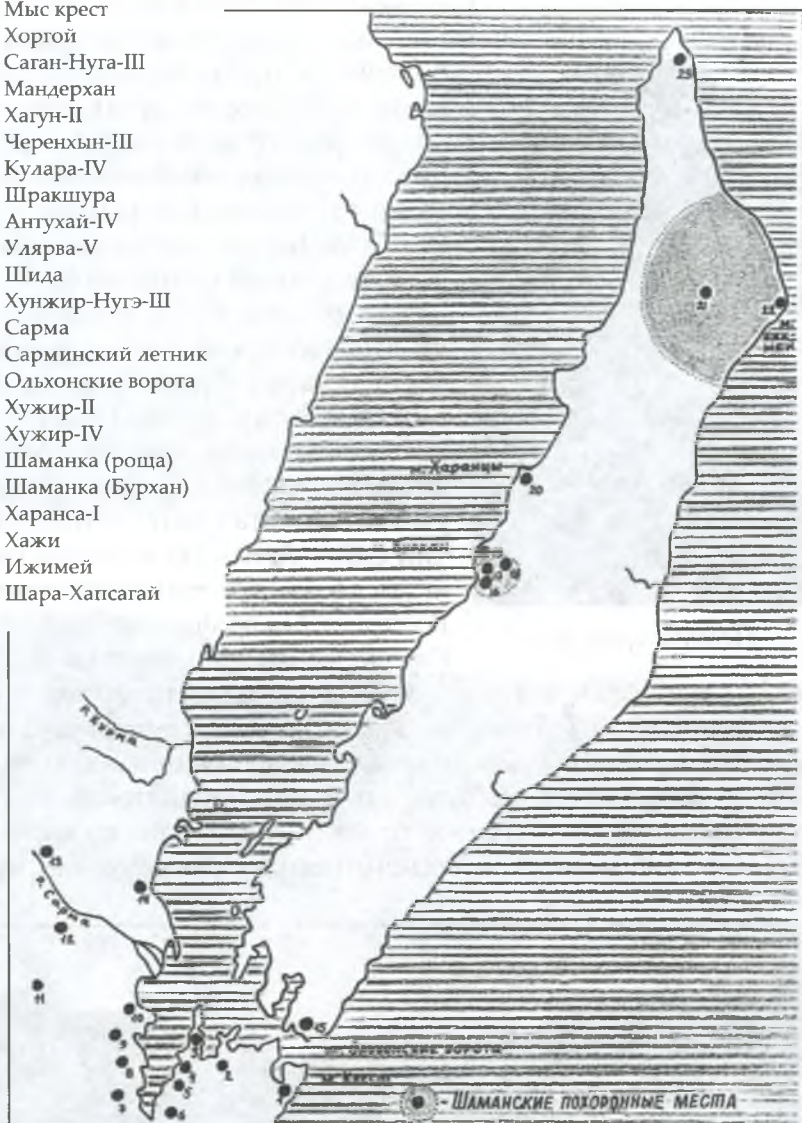
В 1,5 км от Байдинских пещер, непосредственно на берегу Байкала, на скале **Орсо** обнаружены древние рисунки — высеченные на мраморе фигуры животных, всадников на лошадях, людей, солнца. Недалеко имеется еще один камень с рисунками. На нем главное место занимает фигура сохатого и далее вниз по порядку: солнце, рыбак в лодке, всадник, олень, человек и лошадь. Все они имеют аналогии в курыканских петроглифах Прибайкалья. Данных о современном культе не получено.

Петроглиф Елгазур возвышается над поймой реки Анги

*Рисунки на скале
в пади Малое Оро*

1. Мыс крест
2. Хоргой
3. Саган-Нуга-III
4. Мандерхан
5. Хагун-II
6. Черенхын-III
7. Кулара-IV
8. Шракшура
9. Антухай-IV
10. Улярва-V
11. Шида
12. Хунжир-Нугэ-Ш
13. Сарма
14. Сарминский летник
15. Ольхонские ворота
16. Хужир-II
17. Хужир-IV
18. Шаманка (роща)
19. Шаманка (Бурхан)
20. Харанса-I
21. Хажи
22. Ижимей
23. Шара-Хапсагай

Святые шаманские места острова Ольхон и Малого моря

Поминальное обо

в скалистом обнажении мраморов. Рисунки, выполненные техникой выбивания и процарапывания, защищены карнизом выступающего камня. До разрушения скалы композиция была более значительной, но сегодня сохранились отдельные участки. Основными мотивами сюжетов являются сцены охоты людей на стада диких оленей. По воспоминаниям старожилов, в старину здесь кочевал богатый бурят Кункуй, который ежегодно устраивал «маленький тайлган» духам-«хозяевам» окружающей местности. Он молил у них об умножении стад скота и благополучии своей семьи. Из молитвы сохранились в памяти только две строки:

*Все горные благородные бурханы,
Корень (шаманский) монголов...*

Орголин ундэр, почитаемая гора в долине р. Анги. По данным С.П. Балдаева, на ее вершине похоронена большая шаманка Тарган тээдэй («Жирная бабушка»). Она была красивой, высокой, но толстой женщиной, за что и получила такое характерное прозвище. Будто бы во время погребения по указанию небесного тэнгрия река высохла, чтобы

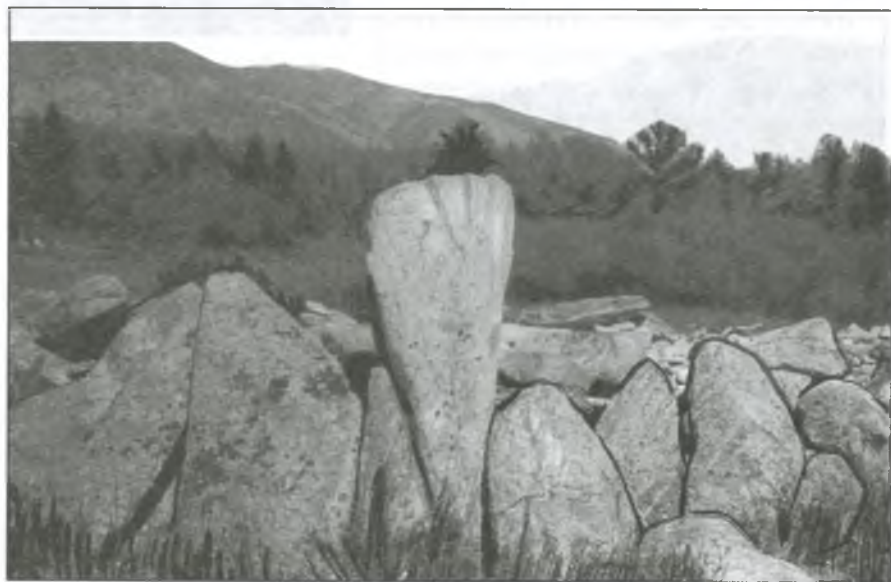
Пролив Ольхонские ворота

Пролив Ольхонские ворота

*"Жертвенные комплексы" Мухорского залива.
Общий вид памятника Шракиура*

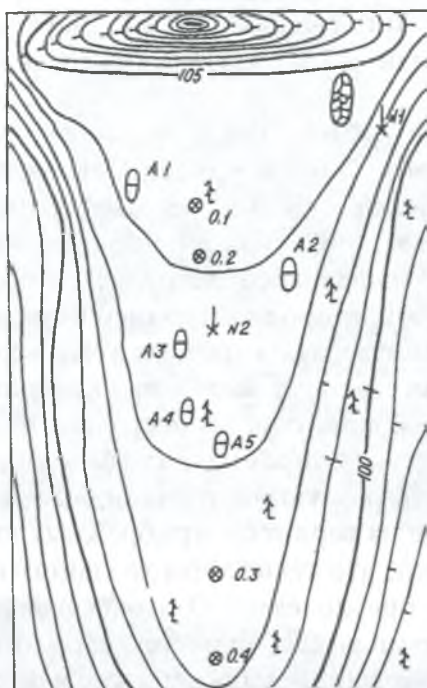
Шракишур: типы жертвенников

обеспечить путь похоронной процессии. Поэтому в некоторых шаманских призываниях реку Ангу именуют Агнайн шара эзы — «Агнайская желтая мать», или Шара тээдэй — «Желтая бабушка».

Ольхонские ворота. Как самое узкое место между Тажеранской степью и островом Ольхон пролив Ольхонские ворота издревле служил наиболее удобным местом переправы. Однако неожиданно вырывающийся из горного ущелья ветер сарма является причиной частых кораблекрушений и гибели людей. Страх перед суровой природной стихией породил у местных поморов культ умиловления грозных духов этого уголка Байкала. Об этом свидетельствует множество каменных сооружений, внешне напоминающих обо, но несколько иной конструкции: аккуратно сложенные пирамиды из убывающих по размерам камней. Они имеют разную высоту, иногда до двух и более метров, установленные на вершинах прибрежных утесов. Хотя паромщики поясняют, что такие туры воздвигаются всякий раз, как только буряты преодолевают Ольхонские ворота, однако речь идет о поклонении на святом месте, где родовые группы имеют свои особые жертвенники, посещаемые в определенное время, ибо пересекать пролив им приходится по несколько раз в течение месяца.

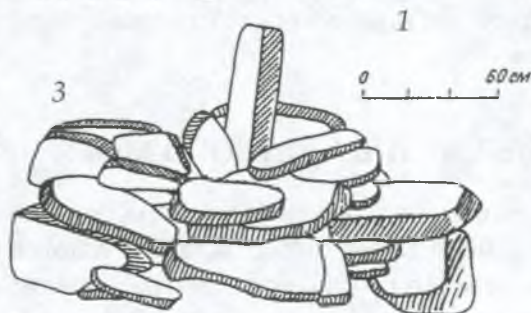
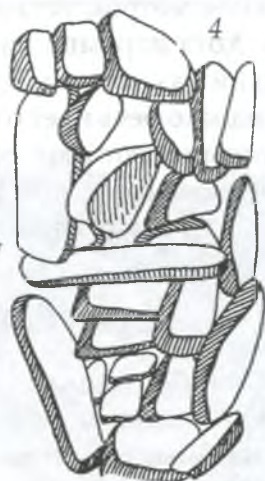
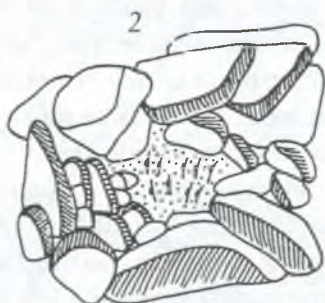
ЯЗЫЧЕСКИЕ КАПИЩА МАЛОГО МОРЯ

Своеобразными культовыми памятниками западного побережья Малого моря в районе Куркутского залива являются так называемые «жертвенные комплексы», истинное назначение которых до сих пор остается малопонятным. Они занимают большие площади в устьях горных долин Саган-Нугэ III, Хужир-Нугэ IV, Улярба V, Антухай IV, Шракшура, Курла IV, Шара-Тогот II, Хагун II, Черемхын III, Мандерхан, Сарминский летники и одно на острове Ольхон: Хужир IV.

○-а; ●-б; ⊕-в; ⊗-г

0 5 M

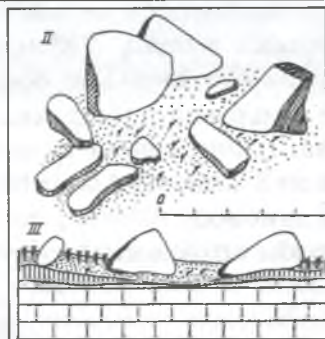
0 50 CM

Культовый комплекс Мандерхан

- 1 — планиграфия комплекса: а — алтарь, б — жертвенный очаг, в — жертвенная кладка; 2 — жертвенный очаг № 3;
3 — обо № 1; 4 — алтарь № 2.

По внешнему виду эти памятники можно принять за кучи камней, собранных при расчистке сенокосного или пастбищного угодья. Однако местные буряты не признают их таковыми и не знают, кто и в какое время их соорудил.

«Жертвенные комплексы» состоят из большого числа наземных кладок различного размера, овально вытянутой формы. Средние их размеры составляют 3–3,70х2,10–2,88 м при высоте 1,5 м. Большинство каменных ящиков внутри доверху заполнены мелкими обломками, а в планировке соблюдены подобия коридоров и проходов между сооружениями. При этом в центре занимаемой территории всегда выделяется один или несколько кладок особо крупных размеров. Так, местонахождение Хужир IV зани-

Культовый комплекс Хужир IV

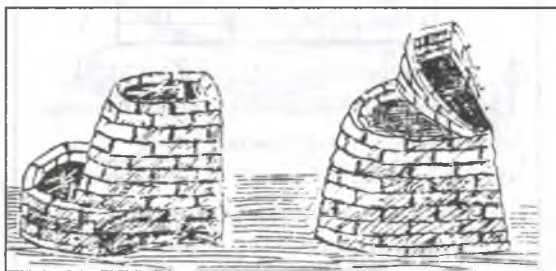
- I — общий план комплекса (1–2 — плиточные могилы; 3–18 — жертвенные кладки, 19 — сторожевой камень, 20–21 — жертвенные кострища); II — жертвенная кладка № 3; III — разрез кладки № 3 (а — почвенно-растительный горизонт, б — светлая супесь, в — скальные выходы).

мает площадь 1500 кв. м, комплекс состоит из 16 жертвенных мест, 2 кострищ, 2 надмогильных сооружений и «сторожевого» камня. По внешнему виду это напоминает «плиточные» могилы Забайкалья бронзового века, но обнаруживаемый материал типичен для прибайкальской курыканской культуры раннего средневековья.

Абсолютное большинство культовых объектов данного типа размещено на прибрежных возвышенностях с широким обзором на Малое море и Мухорский залив. Состоят из трех видов капищ: алтари, жертвенные очаги и «кладки». Алтари отличаются более сложной конструкцией и имеют четкий вид каменных ящиков с двумя камерами. Заполнены жжеными костями животных. Очаги в основном розеточного типа из камней вокруг зольника с остатками жертвенных приношений. Под «кладками» подразумеваются овальные сооружения из плотно уложенных друг на друга нескольких слоев каменных плит, но они также заполнены костями жертвенных животных.

В комплексе Улярба V, Мандерхан, Шара-Тогот II и Сарминский летник входят также обо, причем алтари расположены в центре культовой площадки, а очаги — по краям. Наиболее сложен по планиграфии культовый комплекс Мандерхан, состоящий из 5 алтарей, 4 жертвенных очагов, одной жертвенной кладки и двух обо.

Иркутские археологи датируют эти памятники XVII–XIX ве-

Шаманские жертвенники "мухар-шэрээ".

Рис. М.Н. Хангалова.

ками и считают их местами родовых молебствий приолхонских бурят духам местности — эжинам. Но обратим внимание на то, что разделение каменных сооружений на две камеры и их общий вытянутый овальный вид

Сарминское ущелье и скала с петроглифами

точно совпадают с рисунком М.Н. Хангалова «классических» жертвенных алтарей бурят более раннего времени. Вероятно, это так, поскольку современные буряты не могут объяснить истинное назначение культовых участков, хотя и совершают на них шаманские молебствия. Непонятно также обнаружение при разборе каменных костей не только животных, но и человека. Жертвоприношения людьми еще сохранились в памяти бурят, но они относятся к культовой традиции весьма отдаленного прошлого, к стыку курыканской и раннебурятской эпох.

Также не находит пока объяснения сосредоточение подобных эффектных памятников в компактном месте, но разгадка может исходить из названия самого залива Мухор Малого моря. Как указывал П.П. Баторов (1920 г.) такие объекты именовались мухар-ширэ — «престол» (то есть жертвенник, на котором жгли

головы, ноги и кости жертвенных животных и относились к числу стационарных долговечных культовых капищ общеплеменного значения. Относительно обо можно сказать, что это более современная форма почитания ольхонскими бурятами древних мухар-ширэ, как это делали курыканы в отношении некрополей культуры «плиточных» могил.

Теперь перейдем к другим культовым памятникам западного побережья Малого моря.

Ашагуй. Почитаемая гора близ бурятского улуса Сарма. Предание говорит о захороненном здесь предводителе одного из бурятских родов Бухэ-Тэхэ. Он жил в долине р. Куртун, ловил рыбу, охотился на зверя. Прославился тем, что отразил свой улус от напавших тунгусов, но позднее был убит сыном некоего Хабхали-бухэ. В его честь устраивали ежегодный летний тайлан. Судя по имени, лицо это, скорее всего, не реальное, а мифологическое, поскольку оно отражает тотемный характер образа — «Бык-Козел». Это не будет удивительно, если учесть тюркское происхождение данных тотемов, а значит, и тюркскую (курыканскую) основу культа «хозяина» горы Ашагуй.

Сарминское ущелье. В 1987г. группой иркутских исследователей обнаружены наскальные рисунки на левом скалистом берегу р. Сарма, впадающей в Малое море. Петроглиф состоит из красочных (охра) рисунков и типичных для «селенгинской» группы изображений бронзового века. В связи с петроглифами представляют интерес два местонахождения «плиточных» могил той же пары. Раскопок следов жертвенных приношений у подножья скалы не производилось. Каких-либо легенд, связанных с древним культовым местом в ущелье р. Сармы, за исключением образа духа-«хозяина» местности — брата Хан-hoto-баабая, не собрано.

Замын-Ундэр. Гора на правой стороне р. Замы, впадающей в Малое море. По данным С.П. Балдаева, здесь в 1915 г. похоронен шаман хэнгэлдэрова рода Алабша. Его считали очень сильным шаманом, имевшим особые шаманские регалии — конные трости, бубен с колотушкой, шаманский плащ оргой. Кроме того,

его считали найджей (духовным отцом) Майдари. Тело умершего Алабши поместили на арангасе в заповедном лесу, где на дереве повесили все его шаманские атрибуты.

Хадайн (Хайдайн) Хушуун. «Самая высокая гора» в районе Онгурен между озером Байкал и истоком р. Лены. По бурятским преданиям, здесь похоронены шаман Барлаг Гамнаев (Гаманов) и шаманка Нилхан Сутаева. По данным С.П. Балдаева, жители 12 улусов шоноева рода ежегодно устраивали им тайлган, на котором в жертву приносили 7 лошадей и 14 баранов. Шаманская церемония относилась к числу больших годовых праздников: на него приезжали гости из дальних мест, он продолжался 5 суток, устраивали конные бега и борьбу молодежи. Но помимо большого общественного тайлгана, проводились и индивидуальные обряды (заһал, хоялга, дуһаалга), но на них обязательно приглашали профессионального шамана.

По другим сведениям, Барлаг Гамнаев жил в XVII веке. Когда русские казаки убили в истоке Анги бурятского князца Чепчугая, он ушел жить в местность Залха Ушэһэн. Был женат на Нилхан из рода бодонгут племени хори, которая также слыла большой шаманкой. В призывании Барлагу упоминается, в частности, что он не допустил на озеро Байкал сибирскую язву. Нилхан же творила чудеса: ездила в санях без лошадей, добывала водку по желанию, например, из березы. Были в призывании такие строки:

Хозяева сопки Хайдай

Гаманов сын Барлаг

Сутаева дочь Нилхан.

Топоним Хадайн означает гору, пользующуюся шаманским почитанием. Но в нем ясно видны тюркские корни от Хадай, а значит, налицо курыканские тюркские традиции: от Хая — «Гора +священная». Так что мифы о супружеской чете — это бурятское наложение на древние курыканские традиции.

Онгурены. Культовое место в Онгуренской долине было широко известно в XIX столетии. И.Д. Черским описаны «особенные сооружения» из каменных плит на гребне отрога Сонгол-хара (правый борт Тонгужирской долины). Это были некие «че-

тырехгранные» постройки, сложенные наподобие кладки или «сруба с полостью в осевой части». Высота их не превышала 1^{1/2} аршина. Черским найдены три подобных объекта, но из них только один оказался ненарушенным. По описанию исследователя, они повторяли так называемые «жертвенные комплексы», о которых мы говорили ранее.

Сведений о пантеоне местных духов и характера ритуальных действий не получено. Однако следует обратить внимание на то, что с Онгуренами связано старинное бурятское предание о происхождении шаманов «в местности Онгу на берегу моря Шардалая». В варианте, записанном Г.Н. Потаниным (1883 г.), говорится о некоем хане, приказавшем собрать всех шаманов, сделать для них в Онгуренах соломенную юрту и сжечь. При этом говорил: «Если они настоящие шаманы, то не сгорят». Однако сгорели все, за исключением одного, ставшего первым «настоящим шаманом» этого края.

Перевал Чанчер. Находится на Онотском хребте, разделяющем озеро Байкал с верховьями р. Лены. Через этот перевал существовала древняя кочевая тропа от приольхонских бурят к верхоленским через лесные территории тунгусов. Здесь путники останавливались для совершения молитв и жертвоприношений горным духам-«хозяевам» местности за благополучный переход, жилищем которого служил придорожный барисан.

Убугун-Хушуун. Скала с высеченными древними рисунками в местности Большие Кочерики. Из-под скалы бьет **ключ Бошулун** («Шаманский камень»), который почитается, и около которого стоял «онгон». Сам топоним красноречиво свидетельствует, что местный шаманский культ произошел от прибрежного утеса. В названии пади нашел отражение пантеон местного духа-«хозяина» окружающей местности: от убугун — «седой старец», и хушуун «мыс, падь». Отсюда — мыс (падь) Седого старца (эжина). Скупое упоминание о петроглифе не дает материала для его датировки, кроме того, что все рельефные изображения Приольхонского края являются раннесредневековыми (куруканскими или раннебурятскими). Что касается свято-

го источника, то это, скорее всего, описанный И.Д. Черским термальный ключ близ мыса Котельниковского. Здесь еще стояли ветхий православный крест и «остов тунгусской юрты», что позволяет считать первыми носителями культа местных эвенков.

Хыр-Хушун. Это долина в 25 км севернее Онгурена, переводимая как «Рытая падь». По старинным бурятским преданиям, в верховьях пади «живут» злые «хозяева» — два брата-холостяка Азрэ и Алмэ, которые считались бывшими «жителями грома» — сыновьями небесного божества Ухури. В числе совершаемых ими «злодеяний» называлась способность наводить жестокие шторма на Байкале, сильные ураганы на суше, сметающие с горных склонов в море стада овец и коров. По свидетельству И.Д. Черского, байкальские поморы очень боялись божественных братьев и не смели пересекать долину выше устья реки, тем более без совершения обрядов и жертвенных подношений. Если к верховьям забредал скот, никто не решался выгнать его оттуда.

Особенно боялись чудовищных духов Хыр-Хушуна женщины. Они имели право пересекать страшную местность лишь единственным путем — лодкой по Байкалу, но никак не по суше. Естественной запретной границей для женщин служила речка Хейрем (со стороны Онгурена), и Анютха (со стороны Покойников).

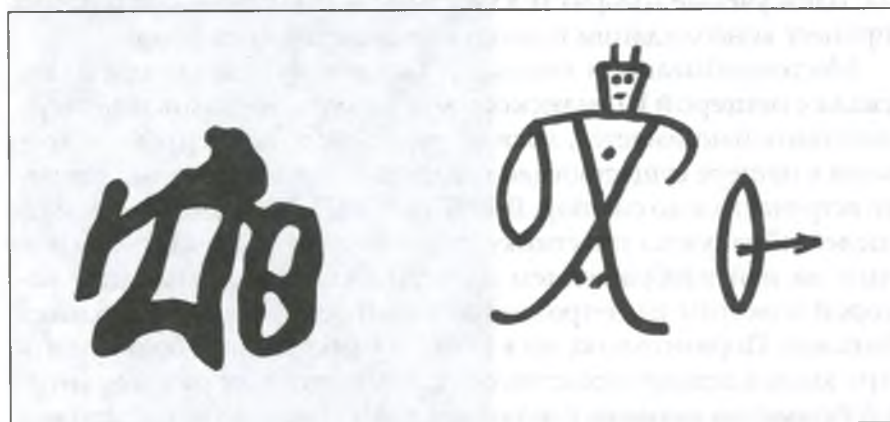
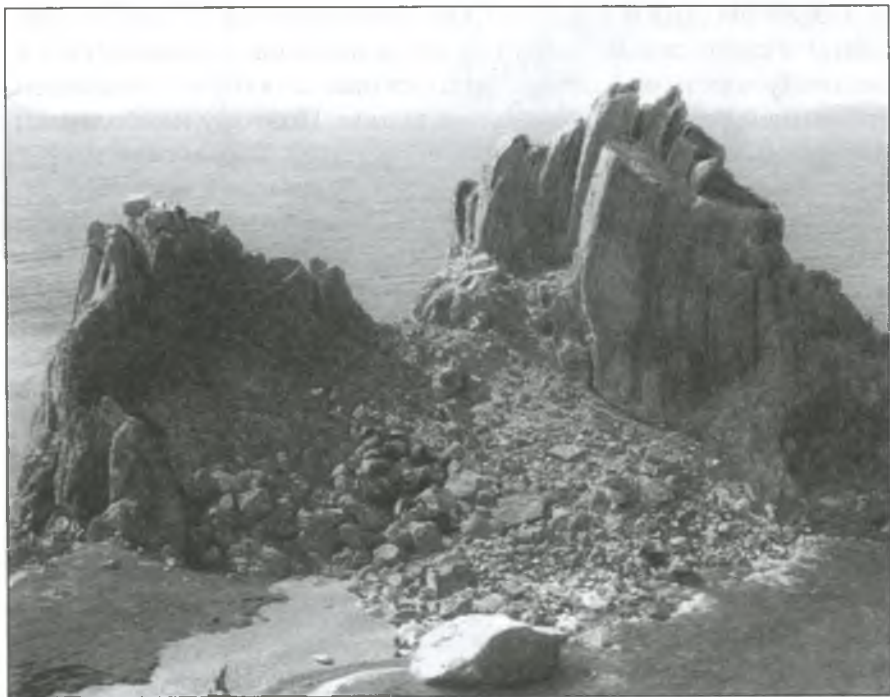
С именем братьев Азрэ и Алмэ каким-то образом связывалась смерть членов семейно-родовой общины. Если в течение лунного месяца в северных бурятских улусах Приольхонского края появлялся умерший, то сообщение между Онгуренами и Покойниками прерывалось до следующего новолуния. Считалось, что в такое время устье долины Хыр-Хушун нельзя было пересекать ни верхом, ни пешком, ни морем.

Истоком рождения культа Хыр-Хушуна стало такое физическое природное явление здешних мест, как катастрофические селевые потоки, вызываемые грозowymi ливнями. Например, в 1959 году такой поток нес камни диаметром 1,5–2 м, вырванные с корнем деревья, сопровождая при этом ужасным грохотом. Что касается географического названия, то оно отражает

особенность ландшафта долины, а именно, сильно изрытую паводковыми водами горную падь. Ураганы же связаны с порывами «горного» западного ветра ужасающей силы, частью которого является печально знаменитая сарма.

ШАМАНКА (БУРХАН) НА ОЛЬХОНЕ

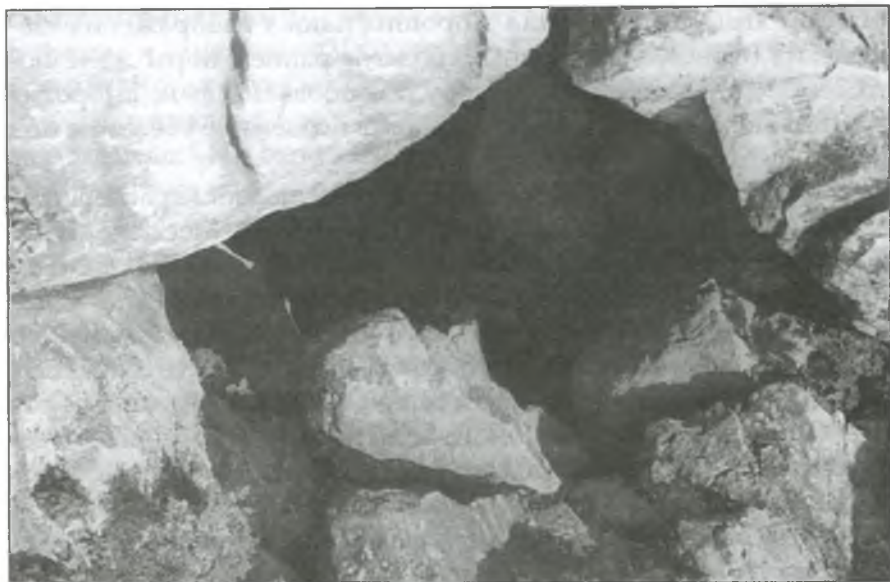
Самым известным и, безусловно, наиболее почитаемым святым местом на озере Байкал была и является **Шаманская скала (Бурхан)** в средней части острова Ольхон. «К ней приурочивается какой-то особенно суеверный ужас всех прибайкальских бурят, и существуют интересные предания, несколько объясняющие это исключительное к ней отношение», — писал в начале XX века А.М. Станиловский. Чуть ранее К. Риттер (1879 г.) полагал, что «обыкновение приносить ему (Байкалу — А.Т.) жертвы и обеты произошло от одной скалы острова Ольхона, которая слыла и слывет священной у бурят, и у которой они приносили жертвы». Он же отмечал, что нигде буряты не приносили в таком изобилии жертвы, как здесь, сославшись на данные И.Г. Георги начала XVIII столетия. Работа Георги, вероятно дающая первые сведения о культе Шаманской скалы с пещерой, нам известна лишь по цитированию ее К. Риттером, кроме части, касающейся северного побережья озера. Но и Риттер застал у скалы след обильных жертвоприношений в виде больших куч сожженных костей животных. Невероятно, но следы эти, уже значительно сметенные ветрами и паводковыми водами под обрыв береговой линии Байкала, заметны до сих пор. Мы попытались дать анализ фрагментам этих костей, но кроме обломков небольшого диаметра, явно принадлежавших нерпе или птицам, ничего не нашли. По аналогиям характера жертвоприношений они могут быть датированы каменным веком. Более поздние следы кострищ и костей домашних животных также присутствуют, но в отдалении от тех, что находятся на краю обрыва, обращенного к Шаманской скале.

*Мыс Бурхан на Ольхоне: общий вид (вверху),
рисунки шаманов (внизу)*

Среди русских и бурят острова существует целая серия преданий о связи скалы с некой белой женщиной, указывающей в непогоду дорогу рыбакам, однако все они являются позднейшей традицией осмысления забытого культа. Поэтому наибольший интерес представляют «канонизированные» шаманские мифы, известные лишь специалистам. Все они выводят происхождение ольхонских бурят от *Ехэ Шубууна* или просто *Бургэд шубууна* («Большой птицы» или «Птицы-орла»). Этот орел, в свою очередь, являлся сыном духа-«хозяина» **Ольхона и всего Байкала Хан-хутэ-нойона** и его жены *Саксагай Саган-хатун*. Последняя являлась дочерью самого *Саар Саган-тэнгрия* (небожителя). В варианте М.Н. Хангалова женой Хан-хутэ-баабая названа *Хатан Хута-иби*, в то время как Саксага-хатун именована женою «хозяина» **Баргузинской долины Шажага-нойона** (брата Хан-хутэ-баабая). Подобные разночтения, характерные для бурятского шаманизма вообще, отражают разное происхождение племен (от тюрков, монголов, эвенков и самодийцев), в результате чего еще не сформировалась единая религиозно-мифологическая концепция о мироздании. В этой связи напомним, что до сих пор не решен вопрос о дате сложения единого бурятского народа: одни ученые говорят о XVII столетии, другие полагают, что процесс консолидации племен не завершен до сих пор.

Местопребыванием «хозяина» Ольхона и Байкала считалась **скала с пещерой Шаманского мыса (Бурхан)**. Таковая пещера действительно имеется, хотя и труднодоступна. В древние времена в пещере существовало шаманское капище, следы которого встречаются до сих пор. В 1952 году П.П. Хороших в одной из щелей обнаружил пластинку из шиферного сланца с вырезанным на ней изображением женщины-шаманки, аналогии которой известны на петроглифах Саган-Забы, Ая и других мест Байкала. Поразительно, но в 1979 году мне удалось обнаружить при входе в пещеру практически повторяющийся рисунок «птицеобразного» шамана, сделанный ярко-красной охрой, причем в левой руке жрец держал колотушку, а в правой — бубен, а сам как бы находился в состоянии ритуального танца. Между про-

Мыс Бурхан. Вход в пещеру

Тибетские молитвы
на мысе Бурхан

чим, в 150 м восточнее П.П. Хороших нашел изображения шаманских бубнов, «высеченных людьми ранней поры железного века». В XIX столетии пещеру облюбовали ламы, выбросив все шаманские атрибуты и оборудовав подземное убежище под буддийский дуган.

Целый цикл исторических преданий отражает характер проводившихся в пещере культовых церемоний. Местные буряты считают мифическую женщину-шаманку Ольхона, выходящую на вершину утеса Бурхан в виде белого привидения, вполне реальным лицом. В краеведческом музее пос. Хужир имеется коллекция железных предметов, собранных на месте сожжения жрицы. Ряд осмотренных нами вещей твердо датируется не ранее XVIII столетия. При этом любопытно, что И.Г. Георги, посетивший Ольхон, действительно познакомился с «весьма смышленной шаманкой», которая «представляла в своем лице все духовенство острова». Шаманка эта была богата, «но простая и добродушная бурятка, муж которой прислуживал ей при жертвоприношениях». Много бытует на Ольхоне рассказов и о «всесильном» шамане, который обычно камлал на мысе Бурхан и умел «проходить» насквозь священную скалу. В последнем факте нет ничего необычного: пещера имеет продолжение в виде узкого лаза, выходящего на противоположную сторону утеса. Во избежание обвала камней стены лаза укреплены деревянными распорками.

С островом Ольхон и пещерой на мысе Бурхан связана деятельность агинского «большого» шамана Тухурена (Цыренжапа Цынгуева). Свое умение он получил во время паломничества на Ольхоне и учебе при каком-то «главном шамане». Сам он говорил, что набрался ума у самого «хозяина» Байкала *Буху Харанойона*. Затем, на родине, Тухурен во время проведения шаманских церемоний всегда поминал в призываниях божества Байкала, Ольхона, Ангары, Иркутка и других особо почитаемых географических святынь бурятского народа.

Большинство обрядовых действий местного происхождения было связано с запретом не тревожить покой большого божества.

ства. Например, мимо скалы с пещерой нельзя было проезжать в телегах и санях, но только верхом на лошади, да и то в редких случаях. Когда в ближайших улусах появлялся покойник, проезд прекращался на долгое время. П.Е. Кулаков (1898 г.), к примеру, писал: «Ни около Ижимей, ни около Пещерного мыса и находящегося вблизи него священного леса не смеют ходить буряты». А.М. Станиловский (1916 г.) подтверждает: «Буряты называют мыс Ойхон-эхэ-баабай и боятся близко подходить к нему. При этом мужчины, как мне сообщили, еще могут приближаться на расстоянии до 50 саж. от святыни, женщины же обходят это место за целых две версты. Даже приезжающие «заморские» буряты в саму пещеру входить не решаются». Сегодня мыс Бурхан огражден с суши цепочкой запретительных столбов с поясняющими текстами. Имеется также глубокий ров с валом, как бы делящим остров Ольхон поперек от мыса Бурхан до заповедного леса горы Ижимей, но когда и кем он был вырыт — неизвестно.

Тайлганы (родовые жертвоприношения) «хозяину» Ольхона были распространены не только по всему острову (75х40 км), но и в отдаленных улусах как Приольхонья, так и на значительном расстоянии от Байкала. Н.Н. Агапитов и М.Н. Хангалов описывали «почитание бога о. Ольхона» в кудинском ведомстве (в Приангарье). О культе Ольхона в агинских степях Восточного Забайкалья я говорил выше. При совершении обрядов ольхонские шаманы делают онгоны — три чучела орлов из березовой коры, с жестяными ногами и клювом, с приклеенными орлиными перьями. В жертву им приносят мясо двух баранов, молочную водку, боровую дичь и кобылу. Под онгонами, укрепленными на деревьях в виде сидящих птиц, понимают *Шубунойона*, его жену *Шонхоши-хатун* и бога острова Ольхон — их отца. Жертвоприношения совершают трижды в год, после чего на шаманских капищах оставались нанизанные на шесты шкуры животных, наклоненные по направлению к мысу Бурхан.

Сегодня характер приношений несколько изменился. По словам информатора О.О. Орбодоева, Ольхонскому эжину прино-

сят барана, его жене — утку, а их сыну (белоголовому орлу) — зайца, но тушки их также водружают на шесты.

Частью капищ мыса Бурхан является так называемая «шаманская роща», от которой сегодня сохранилось всего несколько деревьев. Известно, что в старину именно здесь сжигали и хоронили умерших шаманов, и железные детали оргоя, хранящегося в Хужирском музее, были найдены Н.М. Ревякиным именно здесь. Старинные предания, записанные в разных уголках Восточной Сибири, также упоминают некую священную рощу близ пещеры Бурхан, где хоронили «древних хородутских шаманов». Гнездившиеся на больших деревьях орлы, по данным П.П. Баторова, есть не что иное, как души умерших шаманов, превратившиеся в хубилганов и посланцев из мира предков в мир людей. В призывании говорилось:

*Храпящий черно-пегий орел наш,
Урчащий коричнево-пегий орел наш,
В сумерках наше могущество,
Орел-птица — посланник наш.
В темноте сила наша (возгорается),
Черный орел — пробный посланник наш.*

Археология свидетельствует об исключительной древности культа Шаманской скалы. Еще Л.П. Хлобыстин (1964 г.) впервые отметил, что древние жертвенные приношения от эпохи раннего неолита до раннего железа встречаются компактными скоплениями на весьма ограниченной территории. Это прежде всего кострища больших размеров с множеством костей животных, керамика, каменные орудия труда, а из поздних — золотая серга на самой оконечности мыса Бурхан, где и сегодня заметны следы древнего капища. По данным Хлобыстина, это бесспорное **жертвенное место**, датированное неолитом — этнографической современностью. Результаты раскопок убедили исследователя в том, что у «байкальских племен» существовали «особо почитаемые места, связанные с религиозными культами, являвшиеся традиционными».

Более того, последующие исследования новосибирских археологов расширили площадь места в глубь береговой суши, захватывая мыс целиком, причем капище, где совершались ритуальные действия, усложнились обнаружением целого кладбища людей (неолит — ранняя бронза); жертвенников с костями нерпы и собак в анатомическом порядке под каменными кладками; очажных пятен с многочисленными артефактами; неких «хозяйственных» ям, заполненных жертвенными приношениями. Специфика погребального инвентаря показывает, что некоторые из похороненных занимали не родовое место в обществе, коими являлись родовые предводители и шаманы. А если учесть, что у сибирских народов вожди и шаманы зачастую совмещались в одном лице, то можно высказать предположение: истоками культа мыса Бурхан явно послужили первые захоронения родовых шаманов Ольхона каменного века.

ГОРА ИЖИМЕЙ

Представляет самую высшую точку острова Ольхон (1276 м). Восточный склон горы почти отвесно обрывается в воды Байкала, имея продолжение еще на 1640 метров до самого дна. Таким образом, общая высота обрыва горы Ижимей составляет 3 километра. И самое поразительное то, что эту сверхглубину байкальские жители каким-то образом знали уже в XVII столетии, тогда как она официально была установлена научными исследованиями Г.Ю. Верещагина только в 1928 году. Можно предположить, что эта пугающая глубина Байкала и породила у бурят суеверное представление о расположении в данном месте входа в страшный подземно-подводный мир мертвых.

Название священной горы происходит от слова эжин — «хозяин; горный владыка». Древние шаманские мифы повествуют о божестве грома *Угутэ-ноине*, сыне Неба, пожелавшем обосноваться здесь по соседству со знаменитым ольхонским шаманом *Нагре-бо* и его женою *Загре-хатун*. Но затем он, поменявшись жи-

лищами, стал жить в пещере Бурхан, а шаманской чете уступил свой дворец на Ижимее. Согласно другим легендам, на вершине горы томится наподобие легендарного античного Прометея закованный в тяжелые цепи громадный бессмертный медведь.

Издавна среди ольхонских бурят существовал запрет посещать и горную вершину, и шаманский бор. Последний служил местом погребения шаманов, ибо характер табу согласуется с запретом посещать любые шаманские места. О том, что это не предания, подтверждают находки в бору человеческих костей и остатков железных подвесок от шаманского костюма. Если «объединить» похоронные места шаманов у мыса Бурхан (где истоки традиции уходят в каменный век) с бором горы Ижимей, подступающим к священному утесу, то мы увидим почти величайшее по размерам шаманское кладбище, какое не известно в любом другом месте Восточной Сибири. Откуда взялось такое невероятное количество шаманов на байкальском острове? Полагаю, что Ольхон служил местом последнего пристанища великих шаманов края, куда специально свозили со всех ближних и дальних уголков от Енисея до Амура, так же, как абсолютное большинство курыканских захоронений Восточной Сибири почему-то сосредоточено в одном месте — по берегам Малого моря (в Мухорском заливе). Этот исторический феномен еще нуждается в научном осмыслении.

Хужирский краевед Н.М. Ревякин рассказал мне о том, что во время восхождения на гору Ижимей он обнаружил на вершине «шаманский храм» в виде балагана, крытого лиственничной корой, и небольшой деревянной избушки. Внутри имелся столик-алтарь, изгрызенный зайцами, поскольку он оказался пропитанным от частого возлияния тарасуном и жиром от мяса. Краевед подчеркнул, что избушка-храм была построена не из запрещенного к рубке ельника заповедного леса, а сосны, растущей вне пределов реликтового бора. Поскольку простые люди не имели права подниматься на святую гору, бревна таскали на себе только шаманы-старики.

По нашему мнению, легендарная на Ольхоне гора (склон горы) **Хажи**, куда поселился один из сыновей черного первокузнеца *Хожир хара-дархана Хан-Дошхин-нойон* (без жены) это и есть **Ижимей**, поскольку в топониме обращено внимание именно на пологий склон высокой горы. Других крупных святых мест на Ольхоне, связанных с горными вершинами, нами не зафиксировано.

СЭРГЭ-КОНОВЯЗИ

Особым типом традиционных шаманских культовых объектов Ольхонского края следует назвать **сэргэ-коновязи**. Они настолько распространены, разнообразны по функциональному назначению, встречаются порою в совершенно неожиданных местах, что не поддаются картированию. Такие коновязи обычно ставили возле жилища новобрачных, им совершали жертвоприношения, имелись отдельные религиозные представления. Пока коновязи стоят — в доме будет счастье.

Имелись коновязи и на кладбищах бурят, и также со своими формами культовых действий.

Но среди сэргэ особое место занимают те, что устанавливались вдоль дорог, на перевалах, в местах остановок и отдыха, где люди совершали жертвоприношения духу-«хозяину» конкретного места. Это обычные, как и на других шаманских капищах, мелкие вещи, монеты, водка (бутылки), кусочки тканей (их призывали к сэргэ). Совершались как коллективные, так и индивидуальные, формы обрядовых действий.

Внешне последний тип культовых мест относится к придорожным барисанам. Однако обращает на себя внимание название коновязей — «боогэй сэргэ» («шаманские коновязи»). Получается, что в истоке традиции лежит культ умершего шамана. Это подтверждается мнением И.А. Манжигеева о том, что деревянные или каменные столбы у дорог ставились по пути погребального кортежа, едущего хоронить шамана. Затем в дни

поминовения у таких знаков проезжавшие путники делали возлияние вином, не приближаясь к месту погребения, поскольку посещение «шаманской рощи» и могилы было запрещено. Датировать сэргэ-коновязи можно ближайшими 100–200 лет, но чинили ли их подгнившие столбы в дальнейшем — осталось не выясненным.

Сэргэ-коновязи на о. Ольхон

СВЯТЫНИ БАРГУЗИНСКОЙ ДОЛИНЫ

СТРАНА ЗАГАДОЧНЫХ БАРГУТОВ

Судя по раннемонгольской историографии, Баргузинская долина играла большое значение в жизни первых кочевников Забайкалья, переходивших от охоты и рыболовства к кочевному скотоводству, но все еще занимавшихся комплексным видом хозяйствования. По крайней мере, эта прибайкальская область часто упоминается как место надежного укрытия преследуемых во время междоусобных войн степных племен Центральной Азии. Поэтому некоторые исследователи называют летописную Баргуджин-Токум «северной периферией монгольского мира». Но, странное дело: предания бурят и отписки русских землепроходцев первой половины XVII столетия однозначно называют первых жителей этого уголка Байкала тунгусов (эвенков). Так, разведчики отряда атамана Василия Колесникова в 1647 году сообщали: «А в степи кочуют тунгусские люди родом челкагирцы, платье носят по-мунгольски и по-тунгусски, а живот (скот — А.Т.) у них кони, а инова скота никакова нет». А «Баргузинские летописи» хори-бурят вообще называют точную дату переселения сородичей в тамошние места — 1740 год.

Иного мнения коренные эвенки. В их преданиях говорится, что когда киндыгиры пришли к святому озеру-морю Байкалу с Амура, в Баргузинской долине они уже застали каких-то степных кочевников-скотоводов, имевших «узкие глаза и длинные волосы», которые «вместо шкур носят мягкую материю, седла их богато покрыты белым железом (серебром)». Мужчины же сразу заметили, что эти люди имели «жен и девушек сильных и здоровых». Неведомый красивый и богатый народ называл себя баргу. По тем же преданиям эвенков, баргуты, или «хорчины», были людьми высокого роста, отличались большим трудолюбием, занимались исключительно хлебопашеством (?). Но

это были не тунгусы и не буряты. Эвенки же остались на жительство среди них только потому, что на Байкале «волны выбрасывают на берег рыбу, которую можно было просто собирать руками».

Согласно некоторым киндыгирским преданиям эвенков, придя к озеру Байкал, таежные охотники стали вести долгую борьбу за право проживания в верховьях реки Баргузин не только с какими-то другими тунгусскими родами, появившимися здесь, вероятно, несколько ранее, но и с «монголами», и якобы горячее желание обрести здесь свою новую родину привело к победе над баргутами, которые снялись с кочевий и откочевали во Внутреннюю Монголию. Самыми непримиримыми врагами киндыгиров оставались некие «эвенки-скотоводы» с верховьев Витима, которых буряты называли хамниганами, и которые действительно жили здесь по соседству с баргутами.

Современные баргузинские буряты признают, что в 1720 году они не застали здесь баргутов. По всему краю господствовали эвенки, которые не только сохранили воспоминание о древнем народе, но и в «баргутский период» обитали в верховьях реки Баргузин, в то время как баргуты кочевали по Куйтунской степи. Материальными следами их бывшего пребывания сохранились многочисленные археологические памятники: распаханные пашни и оросительные каналы, остатки жилищ, плотин, могильники, святые места. Как отмечают «Баргузинские летописи», «до сих пор находят разного рода железные и бронзовые орудия <...>, а также медные стрелы и другие подобного рода вещи, могильные насыпи и прочее».

О густой заселенности Баргуджин-Токума в эпоху средневековья свидетельствуют сведения Рашид-ад-дина: этот автор времени Чингисидов среди обитавших родо-племенных групп упоминает баргутов, кори, туласов, курлатов, кунгиратов, эладжигинов, булагачинов, кэрэмучинов и лесных урянхайцев. Однако непосредственными соседями являлись «племена кори, баргут, тумат и байагут, из которых некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, а также близки к этой обла-

сти; в этих областях много городов и селений, и кочевники многочисленны».

Тем не менее период древней истории Баргузинской долины изучен крайне недостаточно, особенно в части культовых памятников и мифологии баргутов. До сих пор даже не ясно, что за народ они представляли, откуда появились и почему покинули обжитые места. Есть только небольшая зацепка на сей счет, которую нужно научно проверять. Так, эвенки называют своих предшественников по Баргузину корчихолами, а слово баргут добавляют как разъяснение. В то же время хори-бурят они именуют этнонимом корил, или кори. А корчихол, это множественный показатель от корчи.

Сейчас считается установленным, что баргуты генетически исходят от своих предшественников байегу — байырку, которые были родственны прибайкальским курыканам и вместе входили в общую группу тюркских народов до появления монголов. И вещественные памятники баргутов действительно носят типично тюркский облик. Становится понятно, почему турки-баргуты оказывали поддержку селенгинским тюркам-меркитам и другим тюркоязычным племенам, воевавшим с зарождающейся монгольской империей Чингисхана. С тех пор в среде баргузинских эвенков до сих пор сохранились остатки разгромленных и бежавших меркитов: мекри, бекри, увас, вэкорой.

Мы также внесли свою лепту в изучение древней истории Баргузинского края, образно говоря, воссоздав картину существовавших культовых памятников, о чем и идет речь в этом разделе нашей книги.

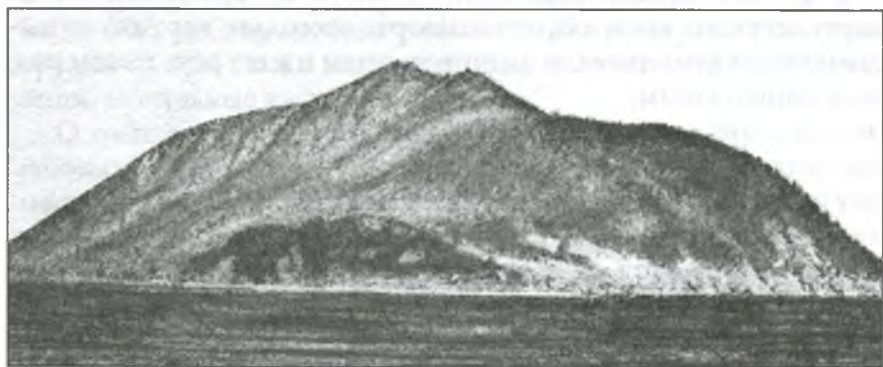
СВЯТОЙ НОС И УШКАНЫ ОСТРОВА

Каждый, кто въезжает в Баргузинскую долину, обращает внимание на эффектный каменный хребет в синей чаше Байкала, соединенный с береговой сушей болотистой низменностью с крупным озером Арангатуй в центре. Убери эту низменность,

и мы получим величественный остров, не уступающий по площади знаменитому Ольхону, который хорошо виден южнее Баргузинского залива, ближе к «иркутскому» побережью озера.

Старинные предания местных жителей говорят, что на мысу проводились большие общественные моления, отчего они получили столь характерное название. Посещали культовое место не только шаманы, но и буддийские ламы, что подчеркивает значимость объекта в прошлом. Последние пытались переломить традиционные верования поморов, объявив Святой Нос местом жительства ламаистского хозяина Баргузинской долины *Жамсарана*. Напомним, что у буддистов грозный и кровожадный бог Жамсаран, носивший корону из человеческих черепов, считался воинственным защитником всей конфессии в Тибете. «Сейчас здесь не делают обрядов, хозяина Хилман хушуна (бурятское название мыса — *А.Т.*) поминают на другом обо. Легенд не рассказывают, ограничиваясь упоминанием хозяина *Хилгасан нойона* и его жены *Хилман хатан*».

По данным исследователя К.М. Герасимовой, представители эхиритских родов называют Хилман хушун в числе четырех-пяти главнейших культов Баргузинской долины, галзутских — в числе системы 7, 8 или 9 хатов-бумалов. В XIX столетии лама Соодой ламахай проводил на всех пяти главных святилищах

Святой Нос. Южная оконечность

своего края ламаистские богослужения при стечении множества народа. Собираемые налоги баргузинское начальство использовало и на поддержание святых мест. По своей сути божество Хилман хушун являлось шаманистским и относилось к числу «хозяев» местности небесного происхождения, спустившегося на облюбованный байкальский хребет вместе с грозовой молнией. Это говорит об исключительной древности культа Святого Носа, уходящего корнями в баргутский, или эвенкийский период. Напомним, что ведь и гидроним соседнего озера **Арангатуй** дословно означает «место воздушного погребения шамана на деревянном помосте» (на столбах или деревьях).

Если же попытаться «докопаться» до изначального образа почитаемого божества этой части побережья Байкала, то в его основе может лежать тотемное животное едва ли не с эпохи каменного века. Слово хилман означает «осетр», а хушуун — «морда», «нос», «мыс». У русских же нос в географическом понятии переводится как мыс. Следовательно, изначальный топоним Святого Носа означал «Нос (морда) осетра». О том, что святое место являлось эвенкийским, свидетельствует карта С.У. Ремезова за 1701 год, когда буряты в Баргузинской долине не жили.

И действительно, разбор «личности» Хилман хушуна приводит нас к зооморфному образу рыбьего происхождения, где

Ушканьи острова

ее муж Хилгасан-нойон означает какую-то породу байкальской рыбы (или олицетворение рыб вообще), а Хилман-хатан есть «Госпожа Осетриха». Конечно, перерождение мужа и жены в семейную божественную пару является поздним развитием мифологического представления, но их «рыбье» (осетровое) происхождение сохранено довольно отчетливо. Вполне допустимо, что в основе рождения данного образа лежит естественное природное богатство этой части акватории Байкала; последняя популяция осетров продолжает жить именно в Чивыркуйском заливе. Отсюда, «Госпожа Осетриха» есть Мать-Осетриха, как на Ушканьих островах у подлеморских тунгусов обитала по их побережьям царица-Мать — хозяйка всех нерп.

Здесь мы логично переходим к другому близлежащему святому месту Байкала — **Ушканьим островам**. Акватория между четырьмя клочками суши посреди водного простора озера считается местом наиболее крупного скопления популяции нерпы, которые по причине отдаленности от человеческой цивилизации устраивают на камнях массовые лежбища. В недавнем прошлом эти лежбища носили более грандиозный характер, а зверьки морского происхождения встречались и на юге, и на севере озера. На глубоководных обитаемых аппаратах «Мир» скелеты их в анатомическом порядке мы встречали постоянно и в любом месте погружения на морское дно.

Эвенки Байкала оберегали Ушканьи острова и создали миф, согласно которому, именно здесь обитала царица всех нерп. Сегодня, в связи с вытеснением эвенков, этот культ практически забыт, но он очень древен. По археологическим данным, его корни твердо уходят в каменный век. Отдаленные отголоски сохранились и у бурят, у которых нерпа стоит в одном ряду с другими тотемными предками. Но какая родо-племенная группа считала нерпу своим прародителем, выяснить уже не удастся. Что считалось местом ее «жительства» на острове, также неясно. Может быть, это пещера на Большом Ушканьем, где обнаружены разновременные археологические предметы?

ГОРА БАРАГХАН (БУРХАН-УЛА)

Сегодня наиболее значимым культовым местом Баргузинской долины является впечатляющая гора **Барагхан** на восточном склоне Баргузинского хребта. В шаманских призываниях духу-«хозяину» места буряты хэнгэлдэровского рода говорили:

Среди гор Баргузина

Гора Бархан выше всех...

Называется Барагхан монголами и в числе немногих особо крупных объектов Забайкалья, причем и они совершают сюда паломничества для поклонения божествам далекой истории степных кочевников — может быть, потомками тех бывших баргутов, что когда-то жили в долине и почитали гору как свою родо-племенную святыню. Буддийская религия с первых дней взяла шаманский культ на «вооружение», построив первый в крае храм. Сегодня сооружен новый дацан в честь буддийской богини *Янжимы*, «изображение» которой чудесным образом объявилось недавно на одном из самых крупных валунов здешнего курумника.

В старину особо почиталась на Барагхане площадка Тептехе на ее вершине. Несколько дней наиболее выносливые мужчины-буряты совершали восхождение на ее труднодоступный пик. Наш подъем на вертолете МИ-8 занял около пол часа, но специфичность места не позволила сесть машине. Делая облет вершины, мы хорошо рассмотрели большое каменное обо, где, по преданиям, лежат сабли, кольчуги, панцири, щиты, копья и стрелы. По словам информаторов, все это военное снаряжение лежит там с «добуддийских» времен. Ныне знатоки старины относят снаряжение *Хабай-батору* из рода абзай, который пришел в долину Баргузина в доспехах и шлеме. На нем была надета стальная кольчуга, а вооружение состояло из копья и лука со стрелами. Батор сумел защитить свой народ от постоянных набегов тунгусов и отогнать их в северные леса. После смерти Хабай был возведен в ранг божества, и, вероятно, похоронен на вершине, так как в старину личные вещи оставляли на могиле умершего.

Другие легенды божеством Барагхана называют Хээстэ — шамана и вождя галзутского рода. Он также воевал с эвенками и погиб от их стрел на той самой горе.

Но больше всего легенд и шаманских преданий связано с именем *Хашхи-нойона*, который, якобы жил на той самой площадке Тептехе. *Солбон Хашхи* своим происхождением связан с тотемом-лебедем, хорчин-монголами и 13 северными нойонами. Имел двух помощников — хамнигана (тунгуса) и «одноглазого» русского по имени Донхен. Русский якобы жил в местности Епишки до появления бурят (в XVII веке). За провинность перед «хозяином» Барагхана лишился глаза и повесился. Бог горы сжалился над бедолагой и взял его к себе в помощники, заставив принимать жертвенных баранов и следить за чистотой усадьбы. Согласно описанию, мы видим в нем типичного русского казака-землепроходца в «золотом» шлеме и в белом шелковом халате (белой домотканой рубашке?).

Буддисты пытались поставить культ Барагхана в свою обрядность, но при этом мало что внесли в образы Дээдэ-баабая, Солбон Хашхи-нойона и других владык, хотя и дали новое имя божеству — Балган-шальжи. Но, несмотря на построенный дацан, все верующие знали происхождение культа. У подножья горы производилось жертвоприношение баранами, но шаманские моления все же производили на площадке Тэптэхе, мало затронутой новой религией.

Даже разбор местного пантеона показывает, что почитание горы Барагхан является одним из самых древнейших в Баргузинской долине. Т.М. Михайлов справедливо полагал, что культ возник еще в баргутское время: вот почему шаманский хозяин Солбон Хашхи-нойон имеет двух помощников — тунгуса и русского. Буряты с начала 1700-х годов взяли древний культ на вооружение почти без изменения, внося незначительные коррективы с проникновением буддизма. В подтверждение этой теории мною найдено новое вещественное доказательство. В 2009 году по просьбе амбо-ламы я побывал в Баргузинском дацане. Скажу честно, что изображения богини Янжимы на валуне я не

нашел, хотя ламы разрешили мне войти в стеклянный храм для более близкого изучения чудесно явленного образа. Для меня как специалиста по древним наскальным рисункам это просто игра расцветок мха, издали дающих приблизительные очертания иконописного портрета. Но я обратил внимание священников на другое: по тропинке к святому месту среди принесенных паводком глыб камня встречаются явно искусственные кладки очагов и курганчиков, покрытых мхом. Их возраст может достигать одной тысячи лет, если взять во внимание скорость мохообразования. А это как раз соответствует времени жизни в Баргузинской долине полумифических баргутов и первых тунгусов. Кому они посвящены? Полагаю, что забытому божеству, «совершившему» гигантский выброс во время горного паводка больших валунов, потрясший воображение местных жителей грозным проявлением природной стихии. Такие культовые места на Байкале широко известны.

ШУЛУН-ШЭНЭГОЛЬДЖИН И ГУЛЬМАГТА

Эффектная скала-останец посреди куйтунских степей и делящая Баргузинскую долину как бы на две части, не может не привлекать внимания. Это вообще единственный скальный выход в окружении песчано-степных массивов. Еще 2-3 столетия назад Шулун-Шэнэгольджин являлся пограничным ориентиром между кочевьями бурят и эвенкийскими урочищами. Когда было подписано перемирие между двумя диаспорами, от этой скалы была устроена сплошная деревянная изгородь во избежание взаимных споров за землю.

По воспоминаниям местных жителей, данное святое место являлось крупнейшей во всей долине усыпальницей бурятских шаманов. При обследовании скалы в 1987 году шаманской рощи мы уже не нашли, если не считать небольшой поросли кустарниковых деревьев с восточной стороны массива, защищенной от ветров. Но зато в трех местах (на вершине утеса на юж-

ном и восточном склонах) встречены остатки капищ с многочисленными жертвенными приношениями. Многие из них явно относились к буддизму, как и развалины ламаистского бумхана: несколько истлевших досок, железный алтарь, ритуальные чашечки — суксэ, молитвенные барабаны — хурдэ, деревянные футляры от несохранившихся священных книг, висящие на кустах иконы — ткани, флажки и множество цветных лоскутов материи. Центральное место в бумхане занимает большой очаг-жертвенник из аккуратно сложенных плит и сидячие места для лам. Судя по обилию вещей, мощности зольника и свежим сле-

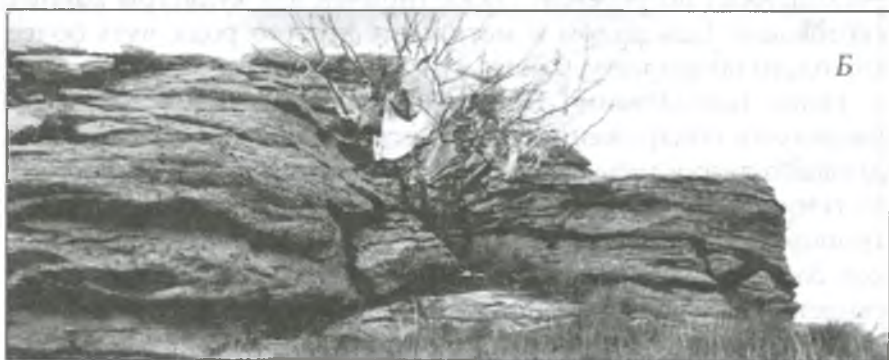

дам посещения верующими, святое место в Шэнэгольджине посещается постоянно и большими группами людей.

Есть основание полагать, что это капище имеет глубокие исторические корни, а истоки культа не связаны с шаманским некрополем этнографической современности. Дело в том, что вокруг утеса имеется крупный могильник бронзового века из 60 захоронений и двух сторожевых камней. Каменные кладки в виде вертикально стоящих плит сильно задернованы и полузасыпаны песками, поднимаемыми с Куйтунов в большом количестве. Данный могильник интересен тем, что является самым северным из памятников этого типа в Забайкалье. Материал раскопанных погребений также типичен для культуры ранних скотоводов. Есть рядом и могильник другого рода, чуть более молодого по возрасту, близкому к рубежу эпох.

Наше исследование **Шулун-Шэнэгольджина** в 1978 году увенчалось обнаружением в нише восточной плоскости скалы древнего петроглифа, выполненного красной охрой. Он состоит из типично «таежной» композиции: олени, шаманы, птицы, антропоморфные фигуры и других, пока не расшифрованных знаков. Заметны и более ранние, но разрушенные изображения, что свидетельствует о долгом функционировании памятника. Судя по аналогичным петроглифам таежной зоны Сибири, рисунки в Шэнэгольджине могут быть датированы бронзовым веком, но оставлены они людьми, хорошо знакомыми как с «таежными», так и со «степными» мотивами. Это, между прочим, характерно и для всех обнаруженных нами в Баргузине памятников древнего наскального искусства. Значит, здесь жил один народ с единой шаманской идеологией, обрядностью и культурно-хозяйственной традицией.

Раскопки в «шаманской» роще дали почти сплошные кострища на весьма обширной скальной плите — «алтаре». Древних предметов там не оказалось, но зато присутствовали вещи этнографического времени, поврежденные огнем. Значит, здесь могли сжигать умерших шаманов, следуя тюркской традиции погребения (коими и были баргуты). Очень важно, что петроглиф,

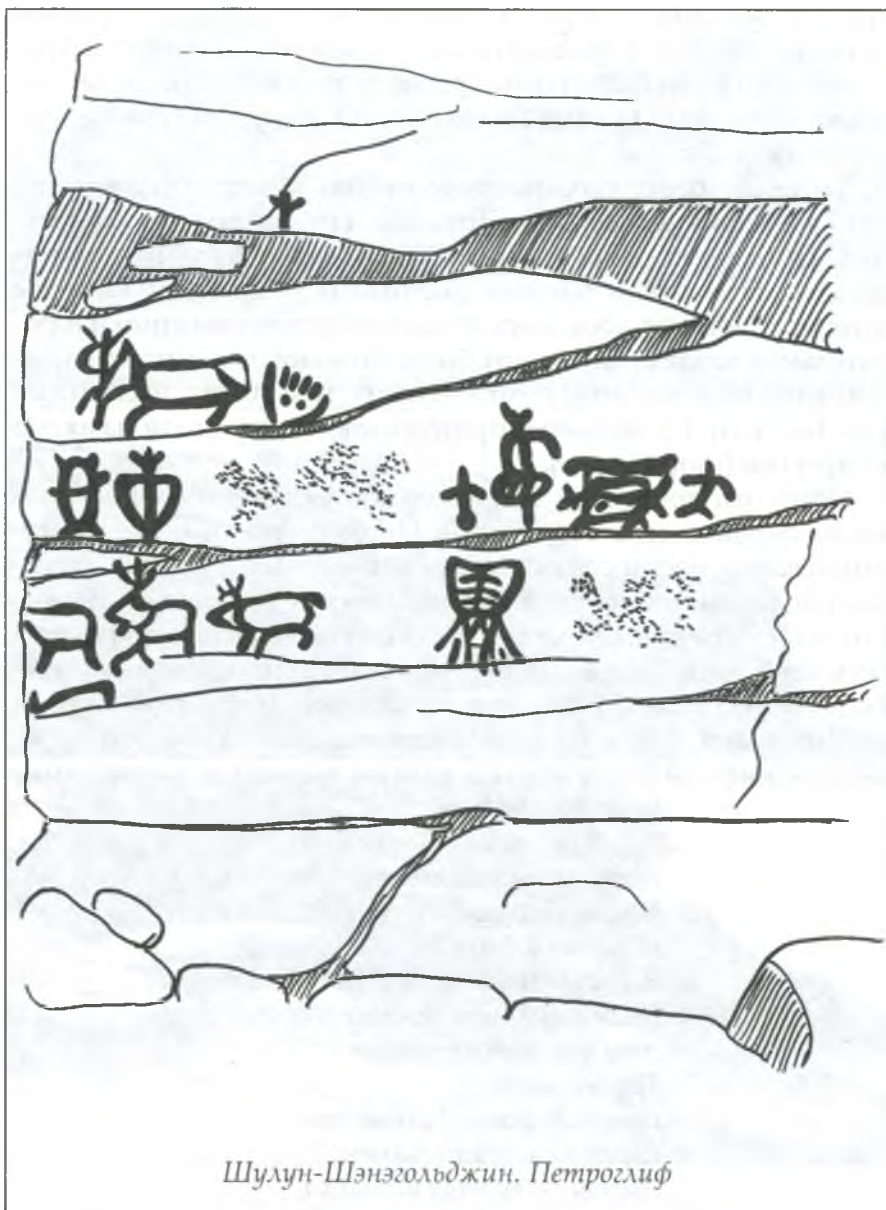
Шулун-Шэнэгольджин: а) общий вид; б) обо; в) шаманская роцза

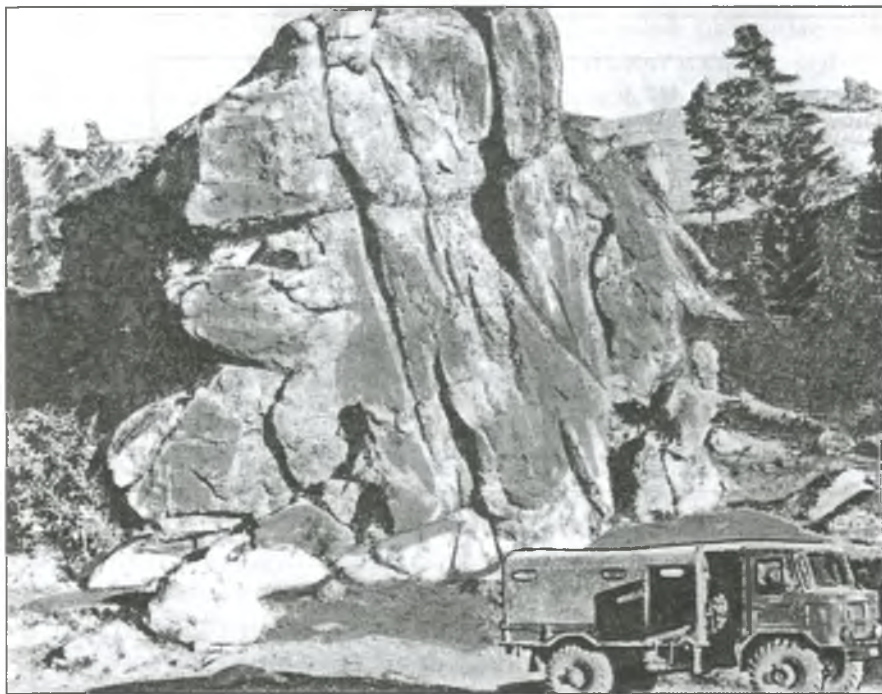
«алтарь» и шаманская роща составляли единое целое в данном месте памятника. Стало быть, культовый объект в виде петроглифа эпохи поздней бронзы–раннего железа не был забыт потомками и продолжал действовать как в минувшие два тысячелетия, так и сегодня.

Такое же баргутское происхождение имеет культовое место **Гульмагта** недалеко от Барагхана. По данным исследователя С.П. Балдаева, еще в начале XX столетия буряты устраивали здесь шаманский тайлган «хорчинам» — древним жителям этих мест. Имеющиеся здесь археологические памятники (оросительные каналы, идущие от бывшего водохранилища с развалом каменной плотины с «мельницей», могильник, наскальные рисунки и пр.) однозначно приписываются народной памятью к баргутам («хорчинам»).

Объектом почитания здесь пользуются три небольшие сопки на окраине села Улюкчикан. Их божествами или духами-«хозяевами» местности считаются *Сорон ехэ боо* и *Нимай ехэ одигон*. По легендам и по проводимым титулам («боо» и «одигон»), это была супружеская чета профессиональных шаманов высокого сана посвящения. Во время жертвоприношений им преподносили лошадь, баранов и от каждого двора по котлу молочной водки. В призывании говорилось, что это были одни из первых жителей Баргузинской долины, воевавшие с тунгусами:

*Ваша родимая земля —
Богатая Барга.
Ваше местожительство —
Широкий Баргузин.
Из-за силы большой
Эвенкийской землей овладели.
Владеющие этой землей,
Эту землю охраняющие.
Три вершины,
Прохлада устья Гульмагты,
Сорон — великий шаман,
Нимай — великая шаманка.*

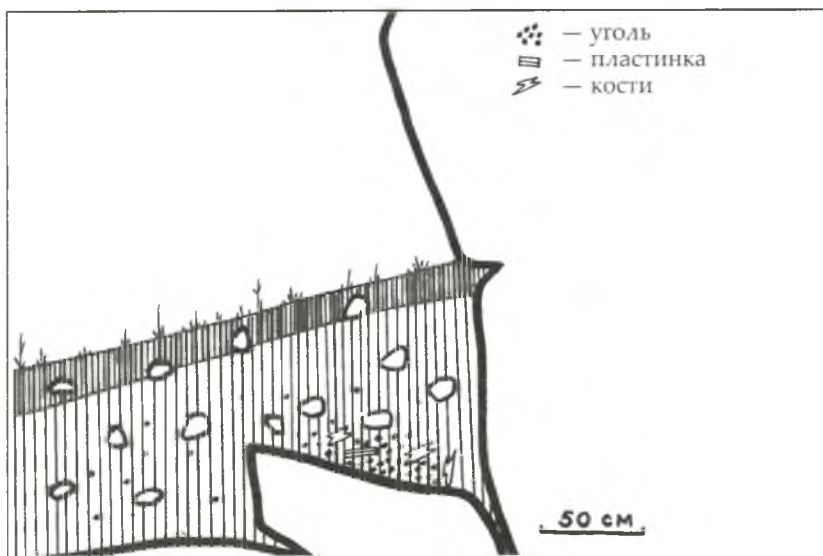
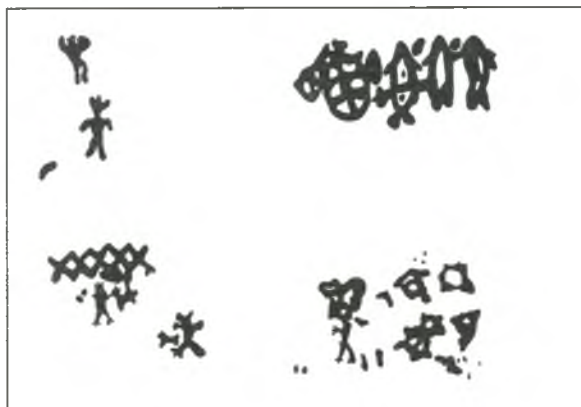

Кладовой камень. Общий вид

По другим данным, покровителями местности Гульмагта являлись *Нютагай убгэд бо намгад* — «старики и старухи местности». Ежегодный тайлган устраивался для того, чтобы эти духи «бдительно охраняли баргузинских бурят».

Старые тунгусские культы нам не известны, но топонимы Гульмагта, Улюкчикан, Улюн и прочие являются эвенкийскими. Как эти местности именовались баргутами — также не установлено. Однако очевидно другое — их культы могли возникнуть от расположения здесь более ранних некрополей. Они представляют собой компактную группу наземных сооружений из камня, явно служивших таганом — подставкой котла с жертвенными приношениями. Эти памятники датируются поздней порой бронзового века. Чисто баргутские могилы представляют ти-

*Кладовой камень: рисунки (вверху) и жертвоприношение
под ними (разрез шурфа № 1)*

пичные для кочевников средневековья каменные овальные выкладки. Кстати, здесь же, на поверхности одной из скал, выбит письменный знак алфавита орхонских тюрков, но в данном случае явно служащий тамгой («фамилией» погребенного).

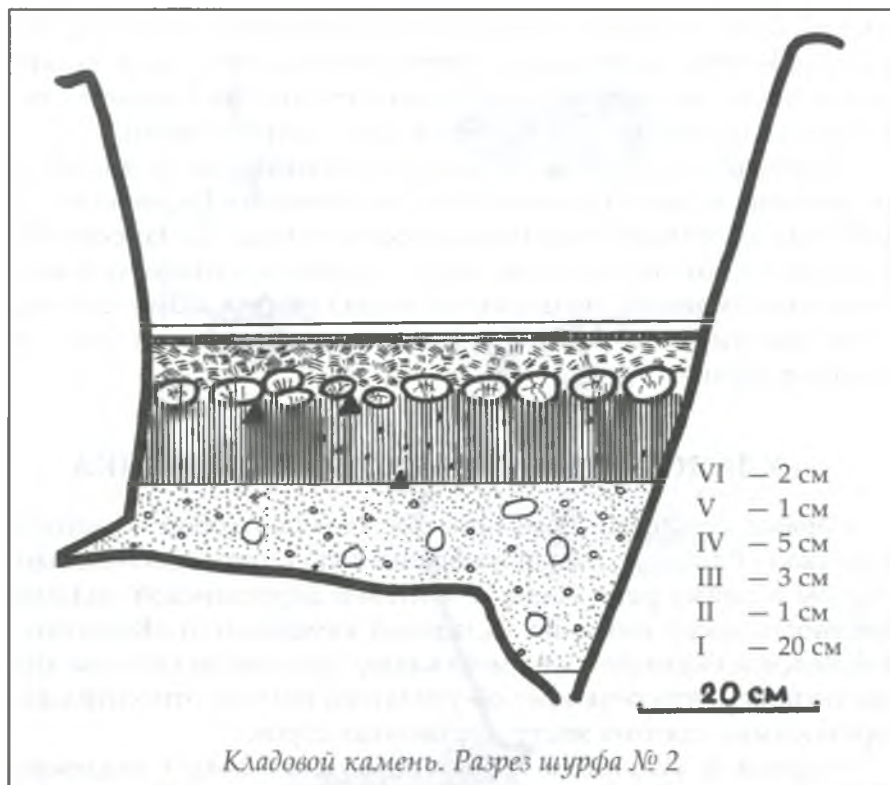
Учитывая, что буряты поселились в Улюкчикане сравнительно недавно, можно предположить, что именами Сорон ехэ боо и Нимай ехе одигон были названы более ранние шаманские образы духов-«хозяев» здешних мест, баргутских или эвенкийских по происхождению, сущность пантеона которых забылась и им даны расплывчатые и неконкретные пояснения — «старики и старухи земли».

«КЛАДОВОЙ КАМЕНЬ», СУВО И ШАМАНКА

Первый культовый памятник представляет собой живописную скалу близ с. Душелан и обращенную к трем солоноватым озерам в пойме реки Аллы. У жителей Баргузинской долины местность носит название «Кладовой камень» или «Кладово», как неясное указание о каком-то кладе, зарытом под скалой: мы же полагаем, что речь идет об уходящей памяти относительно приносимых святому месту жертвенных даров.

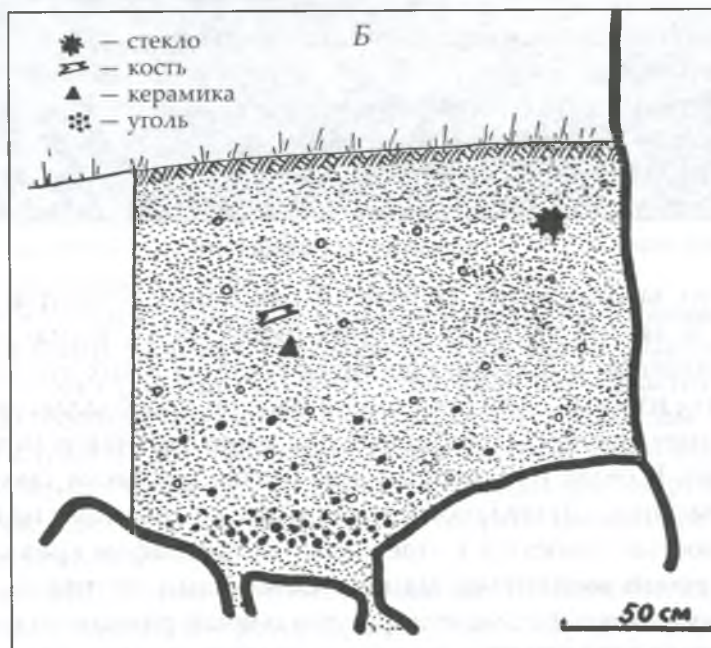
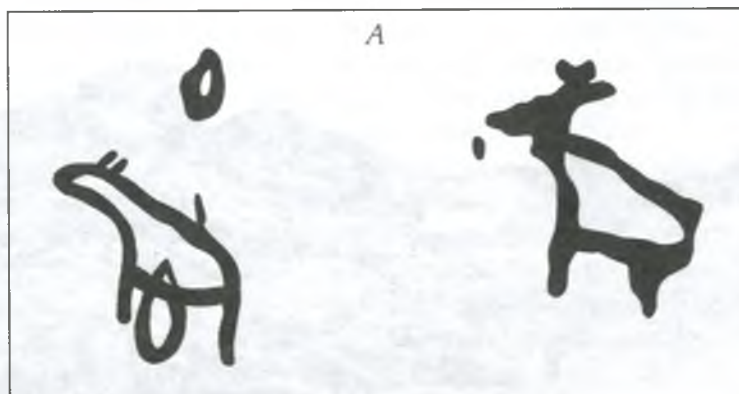
Впервые о культовом характере объекта сказал академик XVIII столетия И.Г. Георги, посетивший эти места. По его словам, необычный топоним «Кладово» появился вследствие некой гробницы, здесь находившейся, но попытки найти клад не принесли успеха. Дело в том, что под скалой действительно имеется небольшая щель, в которой, мол, и захоронили умершего. Попасть в нее можно лишь путем углубления нанесенной ветрами земли, чего люди не делали, ограничившись ворошением дна щели длинными палками: они лежат там до сих пор.

Пересказывая Георги, К. Риттер в 1879 году писал: «Оно получило это название от гробницы, заваленной огромной грудой камней, при разрытии которой все работающие, как рассказывают, заболевали. Так как это приписывали колдовству тунгус-

ских шаманов, то никто еще не осмелился приподнять огромный камень, покрывающий могилу, и все могильные курганы, находящиеся в окрестностях, остались нетронутыми. Рычаг, положенный под камень, для приподнятия его, между тем, уже пустил корни и сделался большою ивою». Подобная легенда, между прочим, живет до сих пор.

Наше исследование культового памятника привело к открытию на плоскости священной скалы хорошо заметных древних рисунков, выполненных красной охрой различных оттенков, что, безусловно, связано с разным временем их нанесения. Изображения имеют вид сложных оригинальных фигур, состо-

Шаманский камень:
а) рисунки (фрагмент), б) разрез шурфа под ними

Сувинские скалы

ящих из замысловатых сплетений различных геометрических фигур и линий, часть из которых (напр. люди, шаманы, лесные животные и пр.) хорошо читаются. Есть в них дух «селенгинских» изображений бронзового века, но преобладают все же «таежные» мотивы, характерные для мира охотников (предков эвенков). В своей публикации я дал этим рисункам такую характеристику: «Душеланские наскальные композиции целиком и полностью относятся к «таежным» петроглифам края с ярко выраженной охотничьей магией. Основными мотивами древних изображений являются фигуры оленей разных полов, находящихся в стадии гона, счетные и солярные знаки, человечки, шаманы и масса антропоморфных рисунков».

Чтобы выяснить истоки культа святого места, я осуществил археологические раскопки под плоскостями с рисунками в трех

местах. Жертвенные приношения оказались разновременными — от этнографической современности до каменного века: среди них особенно насыщенными были культурные слои средневекового периода и бронзового века: керамика, полосы прошитой бересты, кости животных, угли кострищ.

Интересным культовым местом Баргузинской долины оказалась местность **Суво** с чередой весьма эффектных скал на склоне Икатского хребта. На эвенкийском языке топоним означает «вихрь» (сувойя). И именно эвенки считали, что «хозяин» Суво распоряжается ветрами, которые здесь отличаются особенной силой. Более того, и по научным данным, именно с Суво берет начало знаменитый на Байкале ветер баргузин.

Буряты, вытеснив эвенкийское население, не смогли переломить шаманскую традицию и продолжили культ «хозяина» ветровой стихии. Но они дали имя ему *Тумуриши-нойона* с женой *Тудугуши-хатан*. Ламы также не стали ломать традицию, но возвели у подножья скал обо и деревянный бумхан. По воспоминаниям старожилов, на ламский молебен в честь божественного сувойского владыки еще полвека тому назад собиралось много бурят, живущих в районе Баян-гола, Улюна и Улюкчикана, а во время церемонии в жертву приносили барана.

Особо следует сказать о культовом месте «**Шаманка**» или «**Шаманский камень**» у подножья горы Малая Шаманская, там, где река Баргузин по пути к Байкалу прорывается через горную теснину (ущелье). Точнее говоря, здесь объектом поклонения служили две эффектные скалы, верхние части которых, «объединенные» ветрами, приобрели причудливые очертания, а нижняя, хорошо защищенная лесом, сохранила свою прежнюю конфигурацию.

Еще и И.Г. Георги упоминал топоним «Шаманский камень», но не дал описания проводившихся здесь обрядов. Вероятно, культ в его время уже забывался в связи с оттеснением эвенков. Но и буряты не знают о памятнике ничего. Только русские старожилы, поселившиеся в середине XVII столетия, имеют легенды о «живущей» на скалах шаманке-колдунье, «гонящейся» за

проходящими путниками. Возможно, попыткой русского православия уменьшить «силу» древнего языческого места является установка на вершине скалы большого креста, остатки которого сохранились до сих пор.

В 1977 году при обследовании святого места мне удалось обнаружить выполненную красной охрой композицию древних рисунков, характерную для охотников таежной зоны Сибири каменного века: сцену гона самца за самками-оленьями. Раскопки у подножья скалы дали скопление древесных угольков, обломков керамики неопределимого времени. Таким образом, святилище каменного века было забыто с оттеснением эвенков и более не возобновлялось.

БАРИСАНЫ ИКАТСКОГО ХРЕБТА

Особую категорию шаманских святых мест Баргузинской долины представляют капища на перевалах Икатского хребта, через которые проходили старинные кочевые тропы из Баргузина в окрестности Еравнинских озер и далее в Восточное Забайкалье.

Одно из таких мест расположено в верховьях р. Ины на берегу горного озера Алдан и до сих пор почитается у эвенков священным. Еще И.Г. Георги в XVIII столетии описал растущий здесь «искривленный сибирский кедр», посвященный «демонам». Подобные деревья, по его словам, именовались среди тунгусов налакитами. К. Риттер, цитируя Георги, сообщал, что проходящие через перевал путники «обвешивают его (ствол кедр, — А.Т.) тряпочками, пучками волос, лошадиными гривами и проч.»

Другое подобное место по этой древней кочевой тропе размещалось в устье р. Алдан. Посвящено оно было духам сразу двух горных рек. Само место И.Г. Георги и К. Риттером не описано, однако имеется указание на характер проводившихся на нем шаманских действий: «Здесь тунгусы по своему суеверному обычаю прикармливали каждую из двух рек, т.е. приносили

жертву по кусочку вареной рыбы, которые бросали в обе реки, думая снискать расположение их».

Аналогичное святилище указано И.Г. Георги на Турукчайском хребте (отроге Икатского хребта). Здесь **река Турукча**, образующаяся «из многих снежных потоков» и принимающая небольшой ручей Багуну, является одним из южных притоков р. Ины. Ранее по этой речке шла кочевая тропа, ответвляясь от главной, но также ведущей к Еравнинским озерам. Здесь на перевале Георги посетил «тунгусское священное дерево, обвешанное пучками волос и тряпками», называвшееся налакитом.

Шаманско-ламаистское обо имеется на **горе Падлуг**, или Молебенной, у подножия которой раньше размещался бурятский улус одноименного названия. Ручей Молебенный является притоком р. Гарги. Суть культа уже забыта, но говорят, что на данном капище почитали упоминавшегося выше в связи с горой Барагхан *Дээдэ-баабая*. Этого духа-«хозяина», впрочем, почитали и в других местах среднего течения р. Баргузин, из которых известны **Угнаса** и **Далса**.

Два священных места (шаманское и ламаистское) имеют-ся близ целебного источника с «диким» курортом Кучигер. Древность их, скорее всего, невелика, а капище представляет типичный объект поклонения в виде деревьев и шестов с привязанными молитвенными флажками «хи-морин». Посетители курорта вначале совершают поклонение на ламаистском месте, а перед отъездом посещают шаманское. Характер жертвенных приношений традиционен — водка и продукты. Интересно, что эвенки совершают свои молебны так же, как и буряты, причем нередко слова молитв произносят по-бурятски. Иногда для совершения обряда приглашают мужчину-бурята.

Необыкновенную популярность получил придорожный барисан между селами Суво и Баянгол, недалеко от Кладового камня. Это большой валун камня, напоминающий лежащего быка. Отсюда и его название: **Буха-шулууни**. Он огорожен деревянной оградой, на шее «быка» висит ожерелье из связки разноцветных тряпочек, у подножия лежат винные бутылки, остав-

шиеся после обряда брызгания и другие жертвенные приношения. Как отмечали специалисты, «исторические сведения о культе собрать трудно, что объясняется, быть может, недавним образованием капища, когда мифологическая традиция еще не сложилась. Одни информаторы говорят, что камень Бухашулуун представляет посыльного духа у больших небесных пришельцев. Другие считают его окаменевшим быком, убежавшим от своего хозяина из земли Хори. С его появлением, мол, в Баргузинской долине стал водиться домашний скот. Полагаю, что все еще не оформившийся окончательно культ возник, не ранее начала XVIII столетия, и связан он с началом заселения бурятами Баргузинского края, когда для иллюзорной «защиты» скота и его плодовитости потребовалось создать специальный культ чисто скотоводческого направления.

ШАМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ

В Баргузинской долине едва ли более чем в других местах региона Байкала развит культ шаманов на местах их захоронений. Среди наиболее известных кладбищ назовем **Гурбан Чисога**, **Шэнэгольджин**, **Зармад**, **Тутанхан** и другие. В трех похоронных рощах Гурбан Чисога (около улуса Могойто) хоронили шаманов всех бурятских родовых групп, кочевавших в районе Гарга-Аргада-Могойто-Курумкан. В Зармаде барагханские буряты и эвенки хоронили шаманов, самоубийц, умерших преждевременно, убитых молнией и утопленников. Шаманское кладбище Шэнэгольджин находится в Барун Хунгээ, Тутанхан — около Аргады. Район Улюна близ священной горы **Барагхан** также известен многими шаманскими захоронениями, в том числе таким знаменитым, как Урбан, Тэбху и Болдохой. В местности Дунда Шисога сохранилось шаманское кладбище, где жрецов погребали еще столетие тому назад. В 1978 году нами обнаружены здесь следы сразу 5 шаманских захоронений, датированных серединой XX столетия, в том числе шаманки Ганановой,

умершей в 1976 году. Сама она, как говорят, была сожжена, а пепел в специальном ящике подвешен на сосне наряду с ее платьями, платками, кофтами, шалью, а также культовой атрибутикой: колокольчиком, миниатюрным железным луком со стрелами, жгутиками из тряпок и шерсти, тростью и прочими предметами. При сожжении трупа в жертву принесли барана. Сюда до сих пор приезжают для поминания потомки и родственники умершей жрицы.

Как правило, в старину шаманов хоронили в лесу без гроба, оставляя труп на помосте (аранга), а через 49 дней сжигали. Но после реформы 1901 года волостное правление распорядилось о погребении покойников в земле.

Култ родовых шаманов в Баргузине укоренился глубоко: в дацаны ездят только на храмовые хурулы, а в повседневной жизни обычно обращаются к своим улусным шаманам. Несчастья, болезни в семьях объясняли тем, что духи шаманских предков недовольны угощением. Общественные жертвоприношения на кладбище Тутанхан население Аргады совершало ежегодно, но особенно интенсивно — в годы засухи и падежа скота. Совершались и семейные жертвоприношения, на которых присутствовали только мужчины — члены данной семьи. Молебствие шаман совершал ночью, жертвенная трапеза съедалась на кладбище, домой приносить ее было запрещено.

Процесс ламаистской ассимиляции шаманских культов иллюстрируется преданиями о борьбе лам и шаманистов. В Баргузинской долине существует легенда о соревновании хоринских лам в магических способностях с тремя самыми сильными (в духовном отношении) баргузинскими шаманами Юнтхобом, Зэгбэлом и Урбаншо. Еравнинскому ламе в ходе диспута и обряда не удалось вызвать души умерших местных шаманов. Юнтхоба победил лишь агинский Нимайган-гэгэн, часто бывавший в Баргузинской долине. Рассказывают также, что духи этих трех шаманов после смерти еще не стали сабдагами — «хозяевами» земли, и что они пока пребывают в ранге вредоносных боходдоев-чертей, так как дух покойного шамана сторожит

свои кости на месте погребения 1000 лет. Двое хоринских лам недавно попробовали «уничтожить» этих знаменитых бохолдоев, вера в силу которых мешала их деятельности, но это оказалось им не по силам.

ЭВЕНКИЙСКО-БУРЯТСКИЕ КУЛЬТЫ

Кажется невероятным, но в Баргузинской долине бытует культ предков Чингисхана по материнской линии. Одно из святых мест — **Болон-Тэмур** — находится в истоках реки Баргузин и состоит из двух шаманских и двух ламаистских капищ, тесно взаимосвязанных между собою единой обрядностью и мифологией. В прошлом на них собиралось довольно много народа, несмотря на большую удаленность от мест жительства людей и притом исключительно в «нетронутom» краю эвенков-«хамниганов». Ритуал поминания длился двое-трое суток при сопровождении обильных жертвенных приношений коровами и баранами.

В шаманских призываниях духам-«хозяевам» данной местности вначале упоминается либо одна легендарная *Баргуджин-гоа* (или Ховай-хатун), либо после нее добавляется имя батора *Саган-хана*, от которых, в частности, зависят своевременные и достаточные обильные дожди. Поминают здесь также *Гэсэра* и *Чингисхана*.

По мнению исследователя К.М. Герасимовой, Болон-тэмур является древнейшим эвенкийским культом в истоке р. Баргузин. Он пользовался большой известностью далеко за пределами всей долины. Сюда съезжались не только баргузинские эвенки, но и их сородичи с северного Байкала и долины р. Верхней Ангары. Традиция перешла и к бурятам, и, скорее всего, не ранее 1720 года.

В местности **Бархан-ундэр** (Сахули) близ с. Майского (в прошлом дер. Шаманка) почитается холмистая возвышенность севернее села, на которой, как говорят информаторы, «сутками

молились бурятские и эвенкийские шаманы», в жертву приносили коров и баранов. Шаман камлал на расстеленной шкуре коровы с головой и конечностями. Место это было сильно «зашаманено», женщины на обряд не допускались. По материалам, собранным эвенком-ученым А.С. Шубиным, до XVII века в местности Сахули кочевал тунгусский род Шамагир, славившийся своими сильными шаманами. На холме, где и сегодня размещена шаманская роща, в свое время была похоронена известная жрица из данного рода. Означает ли это, что основой для функционирования культового места стало погребение эвенкийской шаманки?

Пришедшие в XVIII столетии буряты дали духу-«хозяину» Бархан-Ундэра имя *Дээдэ-баабай*. Моление начиналось с поклонения его помощникам — хозяевам соседних местностей Убухей (*Багурай-нойона* и его жене *Загурай-хатан*). Забивали барана, затем ехали в Сахули, где на р. Байлсан приносили в жертву или двух баранов, или молодого жеребчика.

О большой значимости данного культа говорит тот факт, что его почитали не только бурятские, но и эвенкийские шаманы. Молились Дээдэ-баабаю также русские крестьяне и, по некоторым данным, буддийские ламы. Русские возвели близ шаманской святыни православную часовню, ламы построили обо и бумхан, посвятив, правда, их ламаистскому богу войны и Баргузинской долины *Жамсарану*.

Дээдэ-баабай — шаманское описательное имя, дословно переводимое с бурятского как «Верховный старец». Подобным термином, как правило, заменяли табуированное имя действительного «хозяина» местности. Отдельные информаторы видят за ним эвенкийское божество, что, вероятно, наиболее близко к истине. Различия в описании облика «Верховного старца», или «Верховного отца», стало следствием живучести совместно эвенкийского и бурятского мифологических представлений. В условиях ламаизма локальный образ Дээдэ-баабая стал еще более расплывчатым, но его «влияние» было распространено на бо-

лее обширную географическую территорию Баргузинской долины.

НЕВИДИМЫЕ ДУХИ СЕЛЕНГИНСКОЙ ДЕЛЬТЫ

Буряты, населяющие дельту реки Селенги, именуемые «байкало-кударинскими», за несколько веков своей жизни в этом краю болот и степей создали свой интересный пантеон локальных божеств Байкала, а также имеют несколько собственных святых мест и капищ. Более того, в устье Селенги сложился едва ли не единственный в регионе культ почитания территориальных духов, так сказать, «русского» происхождения. Поскольку буряты здешних мест являлись преимущественно рыболовами, главное место в их шаманско-мифологических воззрениях занимают всемогущие духи физических свойств воды озера и атмосферных явлений, влияющие на успех рыбной ловли и на благополучное плавание по морю. Можно даже сказать, что именно в дельте Селенги «морские» корни бурятского шаманизма более ярко выражены, чем в других местах побережья Байкала. Кое-что в этих культах было унаследовано с древнейших эпох, кое-что досталось «по наследству» от аборигенов-тунгусов, некогда безраздельно господствовавших по всему Хамар-Дабану, Улан-Бургасу и контролировавших степные долины впадающих в озеро рек.

ГОРА ШАМАНКА

Представляет собою небольшую возвышенность непосредственно в дельте р. Селенги, на берегу протоки Харауз. В прошлых столетиях здесь существовало рыбацкое селение и постоянный двор для проезжающих через Байкал на западное побережье в Бугульдейку, Голоустную или Лиственичное. Поскольку ямщиками являлись байкало-кударинские буряты, рядом с селением издавнеле существовало шаманское капище, почитае-

мое, кстати, и русскими. Православные христиане установили близ бурятской святыни большой деревянный крест, где молились за удачу в рыбацкой путине и благополучие морского пути. Впрочем, на карте Байкала 1695–1701 годов С.У. Ремезова на этом месте обозначена Никольская часовня, принадлежавшая Посольскому Спасо-Преображенскому монастырю. В XIX столетии часовня была перестроена в храм, но остров у русских до сих пор именуется Часовенным.

Описания бурятского культового места мы не имеем, однако есть некоторые указания на пантеон почитаемых на нем образов. Фольклорная традиция называет «хозяином» дельты Селенги некоего *Баяна*, сына *Шэрэмхэна*, о котором в шаманском призывании говорилось:

*Хозяин Барун Кудары,
Сын Шэрэмхэна Баян.
На черной горе — пребыванье,
Харауз-река, ветерок...*

Связь Баяна, «обитающего» на Шаманской горе в дельте Селенги, с *Шэрэмхэном* (досл. «Чугунный») дает возможность предполагать, что с данным местом был связан ныне забытый культ местных кузнецов, выплавлявших чугун. Идет ли данная традиция от почитания конкретного в древности кузнеца (а ими часто были шаманы), или связана она с обожествлением хребта Хамар-Дабан как местожительством небесных «черных» первокузнецов — неизвестно.

Кузнечный культ в болотистой местности дельты Селенги, в половодье заливаемой водой, вдали от железорудных месторождений, может вызвать некоторое удивление. Но следует обратить внимание на то, что в окрестностях среди береговых пляжей в изобилии встречается черный железный песок, и он-то мог послужить основой зарождения здесь как железоделательного ремесла, так и его обожествления. К. Риттер в конце XIX века, к примеру, писал по этому поводу так: «Коргинский мыс близ Посольского монастыря, известный своими богатыми рыбными ловлями и хорошей якорной стоянкой; близ него на кош-

ках или песчаных мелях находят черный железный песок». Его мысль продолжает С.А. Селивановский: «Наконец, чистый железный песок, выбрасываемый около устьей Селенги, который содержит в пуде до 30 фунтов железа, так что буряты делают из него ножи и другие вещи».

Есть основание полагать, что кузнечное производство в устье Селенги существовало издревле, так как железные шлаки — обычные находки на дюнных поселениях с рубежа нашей эры. Наконец, следует отметить, что и само географическое название этой крупнейшей забайкальской реки дает связь с железнорудными месторождениями, причем еще эвенкийской поры. На их языке Селенга дословно означает «Железная» или «Железистая» (от сэлэ — «железо», нга — уменьшительный суффикс). Комментируя данный факт, М.Н. Мельхеев в свое время писал: «У эвенков принято реки, по которым находили руды, минералы или какие-либо другие дары природы, называть их именами». Кстати, имя реки Селенги встречается в ханьских летописях при описании хуннского племенного союза в Забайкалье на рубеже нашей эры, когда ни бурят, ни других монголоязычных племен еще в природе не существовало, но обитали праторкские и прототунгусские этносы.

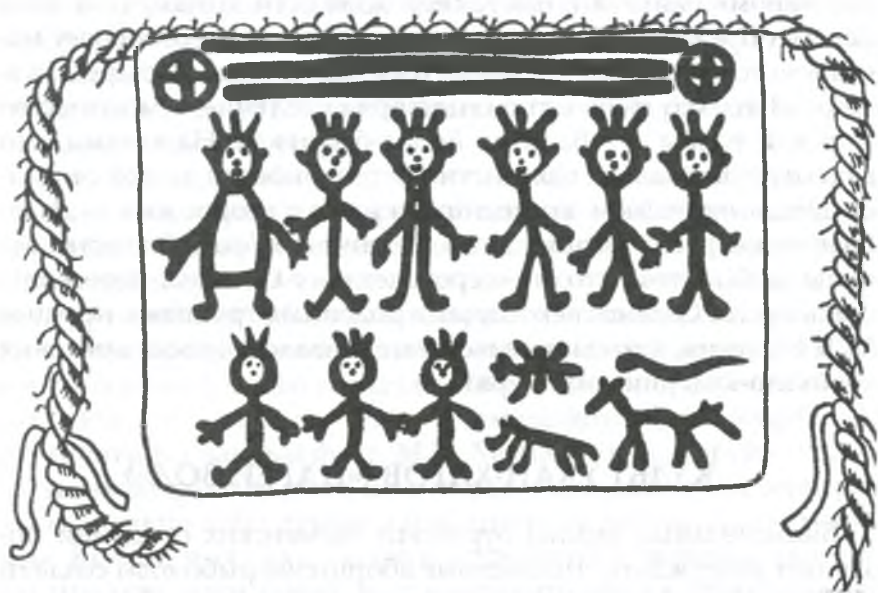
Поскольку кузнечный культ в дельте реки Селенги со временем забылся, с приходом бурят получил развитие другой образ, на этот раз напрямую связанный с рыболовством. Перед началом путины они съезжались к Шаманской горе и совершали обряд «у подножия большого православного креста, установленного на берегу Байкала». Но если учесть, что расположение креста и бурятского шаманского культового места совпадали (как и в других уголках побережья), то речь может идти и о поддержании более древней культовой традиции. Но теперь объектом поклонения являлось божество Байкала *Дархан ехэ баабай* и его жена *Дайжит хатан эзы* (по другим вариантам — *Дархан ехэ нойон* и *Дайган ехэ хатун*), у которых через жертвоприношения просили удачу в промысле, хорошей погоде и прочего, без чего невозможен рыбацкий фарт. Хотя данное божество именовалось

«хозяином» Байкала и его водной живности, однако само имя *Дархан* определенно указывает на «кузнечную» первооснову почитаемого пантеона, дословно означая «Великий старец кузнец». И только жена его олицетворяла величие и могущество морской волны — «Великая Волна-бабушка». Напомним, что владыкой Байкала у ольхонских бурят рыбаков также считался *Дархан-нойон* (но у последних он имел и второе имя — *Даир-Саган нойон*), что говорит либо о единстве образа божества вообще, либо о том, что он «перекочевал» с Ольхона, переселившись в устье Селенги некоторыми родовыми группами не ранее XVII столетия, как свидетельствуют генеалогические предания «байкало-кударинских» бурят.

КУЛЬТ УХАН-ХАТОВ («ЦАРЕЙ ВОД»)

Внимательный анализ бурятских шаманских преданий позволяет утверждать, что местные аборигены-рыболовы создали со времен курыкан, эвенков и более ранних предков бронзового и каменного веков интересный культ почитания так называемых *Ухан-хатов* («Царей вод»), особенно развившийся на поздних порах среди бурят Приольхонского края и дельты Селенги. И это обстоятельство позволяет реконструировать пантеон духов-божеств Байкала на местных шаманских капищах.

Еще М.Н. Хангалов более столетия тому назад твердо связал происхождение данного культа с далекими предками бурят еще до перехода их к скотоводству. А ольхонские и «байкало-кударинские» буряты, Напомним, так и остались верны древнему типу хозяйствования в виде рыболовства и охоты на нерпу. Поэтому «рыба являлась одним из главных видов пищи и предметом поклонения». По мнению Хангалова, старинные священные изображения «хурэг» и «зураг» (как трансформация изображений на прибрежных скалах) «ясно показывают, что в седую старину буряты обоготворяли рыб». Перед началом путины они делали Ухан-хатам религиозные обряды для достиже-

Бурятский онгон Уһан -хатов.

Рис. М.Н. Хангалова

ния успешного лова и во избавление гибели на воде. Осенью совершали аналогичный, но благодарственный ритуал.

Наиболее интересно указание первого бурятского профессионального этнографа на то, что при совершении культовых церемоний «досководческие» жители делали изображения на скалах, что называлось Уһан-хати-хурэг («Изображение Уһан-хата»). «В период скотоводства буряты далеко ушли от тех местностей, где были расположены хурэг. Поэтому хурэг стали делать на материях, которые также назывались Уһан-хати-зураг. Так появились нынешние зураг».

Полностью соглашаясь с мнением М.Н. Хангалова, Т.М. Михайлов (1980г.) добавил: «Таким образом, открывается одна из тайн береговых наскальных рисунков эпохи неолита и бронзы, устанавливается прямая связь онгонов Уһан-хатов с петроглифами». Интересна в этой связи и другая мысль исследовате-

ля: «Это обстоятельство позволяет проследить эволюцию бурятских онгонов вообще и охотничьих в частности»; «Именно эти и подобные петроглифы являются первоначальными формами онгонов бурят». Ранее примерно в том же духе высказывались за Хангаловым Н.Н. Агапитов, Б.Э. Петри, П.П. Хороших, А.П. Окладников и другие исследователи древней истории Байкала. Но, на наш взгляд, несмотря на явное тождество многих общих элементов между байкальскими петроглифами и бурятскими онгонами, относить напрямую историю протобурят к бронзе и неолиту необоснованно. Пока можно говорить лишь о преемственности культовой традиции байкальских поморов от древнейших времен до наших дней.

Так что же такое шаманский пантеон Уһан-хатов, распространенный только на озере Байкал среди рыбаков и охотников?

Согласно устоявшейся мифологии, Уһан-хаты («Цари вод») имеют небесное происхождение и относятся к числу светлых и добрых божеств, хотя и имеют подчиненное отношение к черным тэнгэринам. В современном понимании они представляются старцами, живущими на дне глубоких вод, прежде всего озера Байкал, в окружении большого числа прислужников.

Первоначально Уһан-хаты, якобы, спустились с «западных» небес на вершину горы Сумбур-улу (Хамар-ула — Хамар-Дабан) и оттуда достигли дна глубокого озера Газар-далай (Байкала), где превратились в китов или чудовищных рыб с 13 плавниками и в других крупных морских животных. С этого времени они и стали духами-«хозяевами» всех морских просторов земли и в первую очередь Байкала, а также рыболовного промысла.

Согласно шаманским молитвам, Уһан-хатам в Приангарье приписывается, кроме всего прочего, обладание каким-то особым озером, наполненным лягушками, и лугом, кишящим змеями. Кроме того, в их подчинении есть жужжащие пчелы, красный пороз и серый верблюд «для езды без повода». Однако на онгоне из Закулейского улуса Балаганского ведомства М.Н. Хангалов видел нарисованные красной краской 9 человеческих фигур с шаманскими коронами, а в числе указанных выше жи-

вотных дополнительно присутствует лошадь. Венчают рисованную композицию онгона знаки Неба в виде трех горизонтов, с солнцем и луною по краям. С чем связаны не свойственные «байкальской» морской тематике животные, неясно, но присутствие лошади и верблюда свидетельствует о более позднем происхождении данного онгона, что согласуется с датировкой М.Н. Хангалова, то есть, безусловно, отражает одну изначальную реалью — большой морской водоем.

Главными из Ухан-хатов считаются *Унхан-Лобсон-хан* и его жена *Унан-Дабан-хатун*, известные уже по мифам каменного века о «море мертвых». Мы уже давали расшифровку теонима от Унан — «водяной» и разделения слова Лобсон на Лу — «дракон» и су — «вода», хан же означает божественное существо небесного происхождения. Отсюда «Водяной божественный Дракон». Имя его жены Унан-Дабан также не вызывает затруднения при реконструкции образа — «Бабушка Водяной перевал (гора)», что является отражением буйства гигантских валов Байкала во время штормов. Божественной чете приписывается строительство дворца из серого камня, ворот — из черного, мостика — из черной и синей воды. Из данного «пояснения» очевидно, что речь идет о прибрежном скалистом утесе, омываемом водой, которое и представляет собой «жилище» повелителей Унан-хатов: типичное шаманское культовое место на побережье Байкала.

Расшифровка имен других главных лиц из пантеона Унан-хатов дает наглядное представление об их изначальной ипостаси, а именно, обожествление физических свойств воды:

Гэрэл-нойона, *Туя-хатун* — олицетворение блеска воды и гладкой, блестящей зеркальной ее поверхности (гэрэл — «зеркальный; светлый»; туя — «луч»). Дословно — «Зеркальный господин», «Лучистая царица (матушка)».

Гумгэ-нойон, *Гульбэрэ-хатун* — олицетворение глубины воды и быстроты течения (гумгэ от гунн — «глубокий»; гульбэрэ от гульмэр или гульбэр — «ящерица»). Дословно — «Господин глубины», «Ящерица-царица (матушка)».

Дошкин-нойон, Далье-хатун — олицетворение игры волны (дошкин — «пугливый, быстрый»; долъе — «волна»). Дословно — «Быстрый господин», «Волна-царица (матушка)». По И.А. Манжигееву, данный образ олицетворяет морской шторм на Байкале: «Быстрый нойон», «Волнистая царица».

Шанда-нойон, Янда-хатун — олицетворение, вероятно, твердости байкальского льда (шанда — слово непонятное, но янда — «твердый»). Дословно — «Твердая царица (матушка)».

Некоторые Ухан-хаты являются покровителями рыбной ловли и эжинами рыболовных снастей:

Гульмэшэ-нойон, Гульмэшэ-хатун — олицетворение старинной рыболовной сети, сплетенной из конского волоса (гульмэшэ — «сеть»). Дословно — «Господин (госпожа) — сеть».

Гурээшэ-нойон, Гуршэ-хатун — олицетворение рыболовного снаряда «морда» (гурээшэ — «морда рыболовная»). Дословно — «Господин (госпожа) — «морда»».

Гохоши-нойон, Хэльмэши-хатун — олицетворение трудности плавания рыбаков по Байкалу (гохо — «шест, след», хэлмэ — «весло»). Дословно — «Господин шеста», «Госпожа (матушка) — весло».

Опуская расшифровку пантеона более мелких помощников Ухан-хатов, отметим лишь, что все они во многом представляют забытые образы шаманов, вероятно, много внесших в развитие культа «Царей вод». Среди них *Уряанхай Унхув*, якобы первым обнаруживший группу данных божеств и начавший приносить им жертвы. «Уряанхай» в данном случае следует понимать не этнонимом современных сойотов (уряанхайцев), а группу под аналогичным названием из среды раннесредневековых курыкан.

Ухан-хатов не следует смешивать с водяными духами *уһаани боохолдой* и с эжинами конкретных рек и озер. Однако из их числа есть некие «морские старики и старухи» (*Далайн намгад*), явно имеющие неясный контакт с «Царями вод».

ВЛАДЫКИ БАЙКАЛО-КУДАРИНСКИХ СТЕПЕЙ

В шаманской культовой системе усть-селенгинских бурят существовало еще несколько образов, поклонение которым совершали как на территориально-родовом святилище по дороге на Энхалук, так и дома. В призывании им даны следующие имена:

Хозяин Кудары

Хуһан сагаан ноён

Хулаһан сагаан хатан...

Расшифровка этимологии теонимов представляет божественную супружескую чету «растительного» происхождения. Хуһан означает собственное имя в значении «береза». Отсюда буквально «Белая береза — господин». Хулаһан, в свою очередь, переводится как «камыш» и соответственно значение образа — «Камыш — белая госпожа».

Странно, что в теонимах перепутаны значения шаманских духов-божеств. Береза, несомненно, подразумевает «женскую» ипостась, тогда как камыш — «мужскую». Но в общей сущности имена супружеской божественной пары олицетворяют факт преобладания белой березы на суше и камыша — в болотистых низинах дельты Селенги, коим являлись и участки Саганской степи до ее погружения в воды Байкала в 1862 году. Интересно, что данное культовое место (типичный придорожный барисан) расположено вблизи ушедшего на дно во время землетрясения «улуса Петрушки-шамана», а значит, к середине XIX столетия святилище уже действовало.

Однако следует заметить, что отдельные буряты поминают на данном капище еще одного духа-«хозяина» местности по имени *Шаргайн хубун Шумар*. Его перевод с бурятского означает некое быстрое физическое явление над акваторией озера Байкал. Мы полагаем, что под этим явлением надо понимать сильные морские ветра, дующие на сушу с ураганной силой и порою делающие лесоповал просеками по розе удара. Фактически же это есть ужасающая в акватории сарма, пересекающая Байкал и достигающая порывами восточное побережье по прямой линии.

Имеющая разрушительную силу, сарма оказывает отрицательное влияние на рыбную ловлю и передвижение по озеру. Отсюда не случаен, вероятно, и тот факт, что шаманское капище в честь Шаргайн хубун Шумара сооружено на горном склоне таким образом, что с него отчетливо виден пролив Ольхонские ворота и ущелье реки Сармы непосредственно по линии направления ураганного ветра.

ШАХАНСКИЙ (ШАМАНСКИЙ) КАМЕНЬ

Представляет собою береговой (р. Селенги) утес южного обрывистого склона Фофановской горы, доминирующей в центре Байкало-Кударинской степи. По одним источникам, это **Шаманский камень**, по другим — **Шаханский**. В любом случае два топонима однозначно указывают на его культовое в прошлом значение. Однако А.П. Окладниковым в 1927 году на его плоскости обнаружены и древние рисунки красной охрой (человек) и синевато-черной краской (змея), ныне полностью уничтоженные при строительстве дорог. Местные буряты называли изображения «Шаханским (шаманским) богом» и приносили жертвы. Святое место «потеряло силу» после того, как «поп Симеон» освятил «брацкую идолишшу» рисунков православно-го креста на петроглифе.

О том, какую важную силу играл Шаханский камень в жизни бурят устья Селенги, говорит тот факт, что он упоминается в «Положении о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области Кудыринского племени существующих». Так, при разрешении особо сложных споров прибегали к ворожбе на святом месте, где произносилась в присутствии сородичей шаманская клятва «шахан орюн»: «Клянусь на сем обожаемом месте богом моим Бурхан, что я (или такой-то родственник мой), не виноват в том, в чем заподозрен и что на меня (или на него) выводят». Но если «я, принимая божбу сию ло-

жью, то меня по воле бога пусть настигнут все несчастья и ужасная смерть».

Указание на производимые здесь клятвы позволяют относить Шаханский (Шаманский) камень к числу очень немногих священных мест бурят вообще, где «обитали» наиболее грозные судьи человеческих судеб, дел и поступков. Слишком обобщенного имени Бурхан крайне недостаточно, чтобы говорить о сущности почитаемого шаманского образа. Наиболее ценен в данной ситуации факт единства бурятского культового места и древнего петроглифа, где красочный рисунок может быть датирован эпохой бронзы — раннего железа, а синева-черной краской — возможно, средневековья. В этой связи рисунок змеи очень заманчиво бы связать с популярным у тюркских обитателей Восточной Сибири культом грозовой молнии в виде дракона-змеи, но для подтверждения теории нет пока убедительных фактических данных применительно к Шаханскому камню.

Исключительную древность всей Фофановской горе в качестве святого места забайкальских племен дало обнаружение здесь крупнейшего разновременного могильника, состоящего на сегодняшний день до двух сотен уже раскопанных захоронений, но о других, еще не открытых, говорят выступающие из берегового обрыва человеческие кости. Из 41 погребения, изученного М.М. Герасимовым только в 1959 году, 7 датируются китайским периодом неолита, 29 — глазковским этапом и 5 — более поздние, не относимые к каким-то временным рамкам. Аналогичные материалы были получены А.П. Окладниковым в 1948–1950 годах. Этот исследователь, первым обнаруживший данный памятник в 1927 году, писал о костяках, ежегодно вымываемых паводковыми водами или выдуваемых ветрами из легкой песчаной почвы. Раскопки продолжаются по настоящее время. Возле древних могил теперь изучаются и повсеместно находимые следы жертвенных приношений (поминальных тризн). Обнаружены и 3 пункта палеолитических орудий труда: это либо временные стоянки первых жителей края, либо свидетельство начала сложения местного культа. О планиграфии захоронений, согласно

древней шаманской концепции о «дороге мертвых», мы говорили в начале нашей книги.

«РУССКИЕ» МОТИВЫ ШАМАНСКИХ КУЛЬТОВ

Из бесспорно поздних культов байкало-кударинских бурят в дельте Селенги особо выделяется образ *Посольскын эжин хасага тургэн нойона* («Хозяин Посольска быстрый казак-нойон»). Он относится к числу «случайно» убиенных реальных исторических лиц, а возникновение культа может относительно точно датироваться трагическим событием 1650 года, когда местные буряты «по ошибке» убили членов Российского посольства Ерофея Заболоцкого к забайкальско-монгольским ханам, якобы принятого за военный казачий отряд.

Как известно, на месте братской могилы убиенных на Каргинском мысу русские водрузили общий православный крест, затем часовню, а после 1687 года на ее месте стали возводить Посольский Спасо-Преображенский монастырь.

Стремясь «загладить» вину перед духом царского посланника и его спутников, местные буряты возвели его в ранг территориальных божеств, а именно «хозяина» деревни Посольской и окружающей местности. Хотя предания не говорят, где именно устраивали шаманские моления и делали умиловительные жертвы, но, судя по широко распространенным аналогиям, культовым местом являлся сам некрополь посольства за оградой Посольской православной обители. Лишь во второй половине XIX столетия здесь был установлен металлический крест и сооружена каменная часовня с тремя мемориальными плитами. Известно, что могилам этим поклонялись исключительно все лица, кто посещал монастырь при переправе через Байкал (у его стен действовала крупная пристань).

Правота такой мысли подтверждается текстом шаманского призывания:

*Хозяин Посольска
Посол знаменитый ноен,
Большая Сол-хатан,
Молебны Посольска высокого
Прохлада широкого моря (Байкала)...*

Кто такая **Сол-хатан** в связи с убиенными русскими послами и указание на ее высокий рост? Имя Сол, переводимое как «Дом большого размера», скорее всего, отражает белокаменный собор на месте трагедии, сооруженный после 1740 года по приказу российского государя. Не зря же теоним стоит рядом с упоминанием о пышных молебнах на берегу холодного Байкала. В этой связи это не «жена» Ерофея Заболоцкого, а реальный православный храм в его память.

Среди современной шаманской религиозной традиции интересен образ русских «хозяев» села Фофанова. Самым молодым по происхождению является культ отставного майора Ефима Павловича Седых, возникший в конце XIX столетия. Местные предания гласят, что это был их односельчанин, страдавший запоем. Однажды во время эпизоотии начался массовый падеж домашнего скота. Мольбы к добрым и злым духам не увенчались успехом. Тогда в минуты отчаяния кто-то предложил принести «кровавую» жертву в честь Е.П. Седых. На удивление всех, падеж прекратился, а отставной майор при жизни своей удостоился великой чести попасть в пантеон местных территориальных божеств.

Роль другого «хозяина» Фофанова — ссыльного поселенца *Ивана Тимофеевича* — не совсем ясна. По шаманским преданиям, он жил здесь в конце XVII столетия и водил дружбу с белым монгольским феодалом *Заргаши-нойоном*, также возведенным в пантеон местных божеств. Во время обряда байкало-кударинские буряты пели:

*Хозяин Фофанова,
Ноён-повелитель.
Вам спутником был
И вашим другом был*

Иван Тимофеевич

То русской шодойский (т.е. фофановский).

Заргаши-нойон является наиболее «темной личностью». Интересно, что жертвоприношения ему устраивали не только байкало-кударинские, но и некоторые баргузинские буряты. Последние, вероятно, являлись сородичами, которые перекочевали в Баргузин после катастрофического землетрясения 1862 года. Имя монгольского феодала переводится как «глашатай». Есть ли это слабое указание на подстрекательские действия Заргаши-нойона накануне известных событий конца XVII столетия, когда перед вторжением в район Байкала войск монгольских феодалов захватчики рассылали немало шпионов и провокаторов с целью склонить местных бурят к массовому бегству в монгольские степи? В этой связи личность некоего Ивана Тимофеевича, русского человека, противоречит историческим событиям, ибо захватчик-монгол и обороняющийся — русский казак вряд ли могли состоять в дружбе. Скорее всего предание иллюстрирует факт противостояния двух политических сил в крае, хотя следует признать, что монголы и русские действительно вели мирные переговоры в Удинском и Кабанском острогах.

Самым необычным в поздних шаманских культах байкало-кударинских бурят является образ *Ухан-халютов*. Это не что иное, как обожествление революционного подвига... парижских коммунаров, появившееся в первых десятилетиях XX века. Буряты полагали, что души французских революционеров «переселились» на дно озера Байкал и оттуда оказывают влияние на рыбацкую жизнь. За хорошие жертвоприношения они, в частности, посылают удачу в пугине и помогают выполнению колхозных производственных планов; спасают также во время бурь и штормов.

Молиться Ухан-халютам можно было как индивидуально, так и всем трудовым коллективом. Обряды совершались обычно в конце мая или начале июня, когда Байкал полностью освобождался от ледяного покрова. О наличии специального ка-

пища в честь французских духов-божеств ничего не известно. Возможно, они еще не успели сформироваться, и обрядовые действия осуществлялись на традиционных шаманских святилищах или в домашних условиях. Сегодня этого культа не существует.

ТУРКИНСКИЙ МИНЕРАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК

Данное место представляет горячий источник, впадающий в речку Турку (приток Байкала) чуть северо-восточнее дельты Селенги. И.Г. Георги в середине XVIII столетия описал здесь аж 7 термальных ключей, на которых существовали уже «языческое» и православное святилища. Пересказывая академика, К. Риттер указывал, что «больные буряты часто посещают (источник — А.Т.)», «буряты приходят сюда со своими семействами и скотом, варят в воде этих ключей мясо, купаются в них, и употребляют минеральную воду для питья». Что касается формы капища, то «язычники поместили близ этих колодцев (ванн — А.Т.) небольшие кедровые деревья, которые считают налакитами, т.е. «священными», и обвешивают их тряпками из шелковых и других материй; кроме того, они бросают деньги в воду из благодарности богам за исцеление».

Упоминание термина «налакиты», употребляемого только в отношении тунгусских святилищ, неопределенное указание о «язычниках», позволяет считать, что в основе культа Туркинских горячих ключей лежат не бурятские, а эвенкийские традиции. Это, впрочем, согласуется и с историко-этнической ситуацией. Известно, что буряты побережья Байкала от устья Селенги на север вообще не встречались вплоть до 1700 года, кроме непосредственно Баргузинской долины, проезд в которую осуществлялся по древней кочевой тропе через Икатский хребет.

С.П. Крашенников, посетивший Туркинский источник в 1734 году, нашел вблизи стойбище тунгусов, но не указал, как они относились к горячему ключу. По данным А.М. Станиловского,

многие местности по р. Турке носят названия «орочон» или «тунгусов», «когда-то тут или там живших». Тот же исследователь приводит рассказы русских жителей с. Горячинск о том, что «когда-то «бращики», по преданию, пользовались здешними водами». И что от них «тут видны следы юрты и сруба, заменявшего ванну». Русские же «поставили на верхнем бассейне большой крест, а на других маленькие». Их отношение к «языческому» месту выражалось в том, что «приходящие сюда прежде других обыкновенно пользуются этим жертвоприношением». И.Г. Георги писал об одном из местных жителей, который в год посещения ученым источника «собрал, таким образом, до десяти рублей».

К началу XX столетия шаманское культовое место, надо полагать, уже пришло в упадок, поскольку тунгусов и бурят вытеснило русское население, призванное властями для обеспечения «подводной гоньбы» — обеспечение государственной сухопутной дороги на Баргузин и организованного курорта. Как память о былом культе свидетельствовали православная церковь и тексты различных благодарственных молитв на стенах павильона над источником, типа: «Господи, благослови и излечи мою болезнь, пошли мне полного выздоровления страдальцу М.Н.К.». Были среди них и шуточные стихотворения о бесполезности лечения на байкальском курорте.

Таким образом, вполне определенно прослеживаются тунгусские истоки культа Туркинских минеральных вод (ныне — курорт Горячинск). С вытеснением аборигенных жителей (бурятами и русскими) святое место продолжало функционировать. Русские перенесли культовые действия в построенный православный храм, а буряты использовали шаманское капище. Капище продолжает функционировать до наших дней. Здесь окружающая роща считается заповедной, она окружена железной оградой, деревья считаются священными, будучи увешанными тряпочками. Здесь же буряты совершают жертвенные приношения и другие шаманские ритуалы. Сведений о пантеоне почитаемых духов не получено.

СВЯТЫЕ МЕСТА ТУНКИНСКОГО КРАЯ

КУЛЬТЫ НИЗОВЬЕВ ИРКУТА

Часть культов Тункинской долины воссоздается только исключительно по данным топонимики. Среди таковых устье р. **Шаманки**, впадающей в Иркут у так называемого Мотского расширения, то есть в месте, где горная река пробивается сквозь ущелье и выходит на степную долину. Топоним явно связан с придорожным барисаном, поскольку древняя кочевая тропа также шла по левобережью. Известна история, когда русские казаки в этом месте устроили засаду монгольским войскам (середина XVII в.), разгромили вооруженный отряд и казнили взятую в плен шаманку. Возможно, что культ возник на месте захоронения жрицы.

Между селами Тибельти и Быстрой почитается т.н. «глазной аршан» у подножья песчаной Антоновой горы. Здесь и поныне останавливаются проезжающие и кладут у источника жертвенные дары (монеты). Народные предания называют духа «хозяина» местности *Мерген Турген-донхолая*, но тремя реками «заведует» некий *хан-Докулай*. Созвучие имен, возможно, свидетельствует о едином мифологическом образе, «расчлененном» на два культовых объекта. О проводившихся ранее религиозных обрядах говорит старинное название речки **Шаманки** на перевале между Иркутом и Култуком, но более подробных сведений о них не получено. Что касается с. Тибельти, то его «хозяином» считается шаман высшего ранга — *Тебельти Тэбхэ нойон Будазаарин*. Вероятно, у истоков культа лежало шаманское захоронение в заповедной роще, какая оберегается местными бурятами до сих пор.

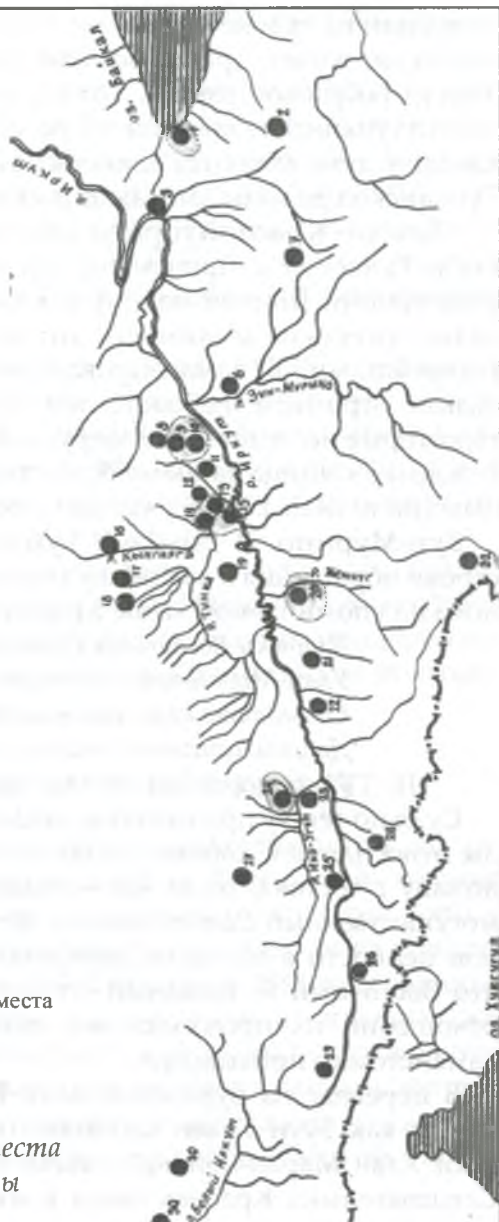
Улаани хадууд. Это культовое место находится северо-восточнее с. Торы на восточной окраине Тункинских Альп. Ранее считалось, что на горных вершинах обитают грозные эжины, потерявшие божественную силу после того, как лесозаготовители

1. Шаманский мыс
2. Хамар-Дабан (Хамар-Ула)
3. Тибельти
4. Моты
5. Улаани-Хадуух
6. Зун-Мурино
7. Маргасан
8. Буха-нойони-нуури
9. Бургэ
10. Тагархай-булук
11. Уляабар
12. Ахалик
13. Шаманская гора (Тунка)
14. Бо-горхон (Тунка)
15. Шаманская роща (Тунка)
16. Аршан (главный)
17. Субурга (Старый Аршан)
18. Папий Аршан
19. Коймары
20. Жемчуг
21. Кырен
22. Тамхи-Баряше
23. Игэ-Угун
24. Халма-Ула (Туран-Хан)
25. Могой-горхон
26. Хара-Дабан
27. Алтан-Мундарга
27. Зангисаны
29. Монды
30. Мунку-Сардык
31. Хайрем

— Шаманские похоронные места

Святые шаманские места
Тункинской долины

вырубили на склоне хребта лес. Однако до сих пор среди местных бурят живет страх за возможные козни со стороны Улаани Хадууд («Красной горы»), которые остались недовольными за то, что тункинские шаманисты не защитили их покой. Поэтому здешние духи являются единственными в шаманском пантеоне Тункинской долины, считающимся враждебным.

«Хозяин» **Красной горы** упоминается в сэржэме *Буха-нойону* после *Ринчен-хана*, причем ему произносятся те же слова, что и Буха-нойону, Шаргай-нойону и Улан-Моран-нойону (о них см. далее), то есть по значимости эти четыре образа считались наиглавнейшими. В ламаизированном сэржэме Улаани Хадууд назван «грозным небожителем *Мрачен-Помбра* со свитой». Некоторые исследователи затрудняются локализовать местонахождение капища данному божеству, предполагая, что это есть бывший шаманский дух-«хозяин» обо Улан-хара.

Зун-Мурино. В сэржэме Бухи-нойону (Ринчен-хану) есть строки обращения к владыкам местности Зун-Мурино, обитающим на упоминаемой выше Красной скале:

Владыки Восточной Красной скалы

Улан-Моран-нойон со спутниками!

Отведайте наше приношение — золотистый напиток,

Да умилостите высших и уважьте низших,

И осуществите с пользой все (наши) помыслы.

Судя по тексту призывания, владыки Восточной Красной скалы относились к добрым силам и «прикрывали» Тункинскую долину с востока, тогда как «владыки» Западного Туран-хана, могущественный *Шаргай-нойон* и другие — с запада. Об их равной ценности в пантеоне, вероятно, свидетельствует тот факт, что Восточный и Западный стражи поименованы вместе, и в отношении их произносились одинаковые слова шаманско-ламаистского призывания.

В переводе на бурятский язык **Восточная Красная скала** звучит как Зуун Улаан хабсагай. Теоним Улан-Моран-нойона (или Улан Маран-нойона) означает «Красная Река-господин». Следовательно, Красная скала в восточной части Тункинской

долины, приблизительно в районе Зун-Мурино, может находиться на берегу указанной реки.

Древность святого места у моста через реку Зун-Мурино подтвердить не удастся ввиду того, что подножье береговой горы занято современными постройками и кладбищем. Но существует информация о трех пунктах древних изображений красной охрой на скальных береговых прижимах и пещерах выше по течению. Одна из них, по данным П.П. Хороших, находится в местности Лазорька по р. Малой Быстрой. Исследований памятников не проводилось.

Маргасан — святое место — расположено в верховьях р. Марагасан — правого притока р. Зун-Мурино, близ одной из гольцовых вершин. Сам культовый объект, обожествление которого уже забыто, представляет эффектный базальтовый конус вулкана, вокруг которого местность залита толстым слоем изверженных в недавнее время лавовых потоков.

Согласно шаманской мифологии, духом-«хозяином» Маргасана является некий *Баданчи* или *Маргасан-эжен*, но функции их не совсем ясны. Истоки, вероятно, идут от придорожно-го барисана вдоль давно заброшенной Кругоморской почтовой дороги от Култука на Кяхту.

БОЖЕСТВЕННЫЕ ДУХИ ТОРСКОЙ СТЕПИ

Данный культовый объект является крупнейшим по религиозному значению святым местом Тункинской долины. Находится на южном склоне Тункинских Альп у сел Торы и Далахай. Издали напоминает фигуру лежащего быка с широко расставленными рогами. Г.Н. Потанин в 1883 году так описывал памятник: «Буха-ноином называется незначительная скала с двурогою вершиной, которая <...> резко выделяется на темном фоне хребта своим белым цветом». По его данным, женщины прежде «подходили к Буха-ноину и исцелялись; после того, как на одной из двух вершин (прежде на обоих были обо) поста-

вили крест, женщины перестали исцеляться, и буряты говорят, что бог оставил эту гору».

В народной топонимике священная гора носит название **Бычьей горы**. По данным К. Риттера, «утес, в который он (бык, — А.Т.) обратился, называется Саган шулун (Белый камень) и почитается одним из священных мест долины Иркута, упоминаемых и во время шаманства».

И.А. Манжигеев, расшифровывая шаманский термин Буха ноёни һуури, писал, что согласно мифу, скала есть окаменевшее тело прародителя племени булагатов *Буха нойон-баабая*. «У этой скалы устраивали ежегодный тайлган. На одном «роге» скалы была построена буддийская кумирня, на другом — православная часовня».

Говоря о легендах и преданиях о Буха-нойоне, следует отметить их невероятное обилие и отсюда порою несогласованность сюжетов. По одним данным, будучи сыном Эсэгэ Малантэнгэри, Буха-нойон в образе человека спустился на Тункинские горы на коне и стал прародителем эхиритов и булагатов. Этот же миф далее связывается с быком, на который Буха-нойон пересел, но, убив из-за медленного передвижения, сам переоделся в шкуру животного и продолжил свое путешествие по Тункинской долине.

По другим преданиям, с неба спустился сам сивый или голубой бык, став грозой халхасских быков, хищных зверей и воров. Будучи побежденный пестрым порозом Тайжи-хана, он поставил в Тункинских горах свое каменное изображение, о которое настигающий противник сломал рога. Г.Н. Потанин записал предание о том, как Буха-нойон в образе быка пришел из Забайкалья через хребет Санга (Санагинский), с отрог Хамар-Дабана): где он мочился, там вырастали кедры (см. далее рассказ о Бухате по р. Хейрем). Когда бык умер, тело его осталось в местности Торо в виде камня. Во время этих событий от Буха-нойона чудесным образом забеременела дочь Тайжи-хана и стала матерью предков бурят-эхиритов и булагатов.

Наконец, существует цикл преданий о том, что Буха-нойон женился на дочери неба *Буда-хатан-иби*, от которой, по Г.Н. Потанину, имел 9 сыновей и дочь Эрхэ-субэн. Сыновья выбрали на земле 9 разных гор и стали их «хозяевами» или «царями». Согласно современным шаманским воззрениям, у Буха-нойона было 90 сыновей и внуков в ранге хатов («хозяев» 9 горных вершин Восточных Саян, Тункинских Альп и других мест Прибайкалья), но из них в культе ерен хад перечисляются лишь девять.

Современные буряты считают, что Буха-нойон охраняет восточный выход Тункинской долины, однако известны различные ипостаси божества. Часть информаторов представляет Буха-нойона в виде всадника с полным боевым снаряжением, скачущим по горам, но в то же время в шаманских призываниях образ быка передается с удивительной верностью! Реалистически точно описываются все существенные, все наиболее характерные детали его массивного тела: висящий большой загривок, развесистые рога, острые копыта.

Ламаизм не смог существенно видоизменить устоявшийся канонический образ. Хотя священный бык и получил имя *Ринчен-хана* и стал богом богатства, однако осталось в силе представление о его жене (новое имя — *Хариман*), 9 сыновьях и 9 дочерях (вместо одной). Осталось в силе и представление о детях как духах-«хозяевах» отдельных географических уголков Тункинского края и его сопредельных точек Байкальского региона.

Тайлган Буха-нойону устраивали в Петров день (христианский праздник) перед сенокошением, и он носил общеплеменное значение. Впрочем, в XIX — нач. XX вв. этот культ стал общебурятским, Буха-нойон превратился в небесного покровителя всего бурятского народа. В жертву приносили молодую лошадку-кобылицу, а кости сжигали на жертвенниках — обо. «Эти каменные сооружения — обо служили бурятам предметом и местом поклонений».

Что касается шаманского капища, то сведений о его архитектуре мало, кроме самого священного камня и жертвенников вокруг него. В 40-х годах XIX в. по указанию прибывшего из Монголии ламы на одном из выступов скалы была сооружена буддийская кумирня в честь Ринчен-хана, в которую поместили бронзовые статуэтки богов, иконы-танки с изображениями, поставили столик-алтарь с семью жертвенными чашечками. Не отставали от лам и православные миссионеры: чтобы противодействовать буддизму, они в 1861 году построили на другом выступе священной скалы часовню. Бывали случаи, когда буддисты, шаманисты и христиане отправляли религиозные службы в честь Буха-нойона одновременно; еще и потому, что тункинские буряты придерживались двое- или троебожия. Эта же скала относилась к числу тех «шаханских» мест, где буряты и русские давали присяги (клятвы) в случае сложных тяжёбных дел. Причем эта функция была очень древней, что подтверждают путевые записи начала XVIII столетия С.П. Крашенникова, и ранее утес носил название **Шаманский камень**. Имеет смысл процитировать отрывок его записи, поскольку приведенные сведения можно отнести к аналогичным обрядам, совершаемым на других **шаханских** скалах, о которых мы рассказывали выше.

«Не доезжая до Тункинского острогу, — писал С.П. Крашенников, — над рекою Иркутом есть камень, который Шаманским называется. Об этом камне кочующие около Тункинского острогу соеты и братские мужики такое суеверие имеют. Ежели у них меж собою кто что украдет или иное делает и запирается будет, то его к помянутому шаманскому камню везут побожиться. И если он побожится, то хотя бы подлинно знали о его шалости, вину ему прощают. Они же сказывают, что такому человеку напрасная божба без притчи не пройдет, но или жена, или дети, или сам умрет.

Почтение оному камню такое отдают, что к нему и пешими приступить не смеют, а ежели случиться мимо ехать, то по реке, по далекому от него идут без шапки и не на коне.

Помянутый геодезист (А. Иванов, — А.Т.) отшиб одного камня несколько кусков, которые случилось ему в юрту принести, про то узнавши, буряты, что обломки Шаманского камня, все вон разбежались и просили его уничтожением, чтоб он оные обломки из юрты вынес».

Мы полагаем, что в основе данного культа лежит обожествление местности в роли шаманской усыпальницы. В этом убеждает тот факт, что окрестности Тор и Далахая до сих пор известны сосредоточением могил великих шаманов. Например, в лесу около горы **Бургэ** хоронили жрецов родов *тэртэ* и *турай*. Информаторы называют могилы таких шаманов высокой степени посвящения, как *Хорен*, *Цаган-заарин*, *Алая*. Торцы знают также культ «хозяина» горы Бургэ, но он не персонифицируется ни с одним из названных шаманов. Хонгодорцы Далахая совершают регулярные обряды на могиле большой хонгодорской жрицы *Хатан шулуун тээби* в местности **Тагархай булак**, которая, как уверяют, через 150 лет должна превратиться в такого великого «бога», как *Ринчен-хан* (*Буха-нойон*). Эта шаманка, говорят, была настолько «сильной», что ее дух не могли подчинить буддийской вере даже такие ламы, как *Жамбасан гэгэн*. Когда *Жамбасан* собирал и сжигал предметы шаманского культа («3 копны шаманских вещей») на месте захоронения *Хатан шулуун тээби*, ее непобежденный дух улетел в *Бохан*. На месте могилы было сооружено обо *Очирвани*.

Данный образ согласуется с «главным духом Торской степи» *хойто тээби* («Северной бабушкой»). Будучи когда-то шаманкой, она после смерти превратилась в родовую «хозяйку» местности, но ее волшебные силы сегодня поднимаются до ранга общеторского территориального божества, не уступающего могуществу *Буха-нойона*: ей также приносят жертвенного барашка.

Согласно мифологии хонгодоров, духом-«хозяином» Торской степи до этого был *Тоорын эжин Хиторай зарин Мульма ноён*. Судя по эпитетам, он при жизни являлся шаманом высшего ранга (*зарин*) и вместе с тем имел светскую должность *нойона*, или родового предводителя.

В шаманских призываниях при обряде жертвоприношения на **Тагархай булуке** утверждается, что предком хонгодоров был медведь, саму же шаманку сравнивают с «четырёхгодовой медведицей на перекрестке четырех дорог, с трёхгодовой медведицей на перекрестке трех дорог», что, по мнению К.М. Герасимовой, может свидетельствовать о древнейшем образе родо-племенного тотема.

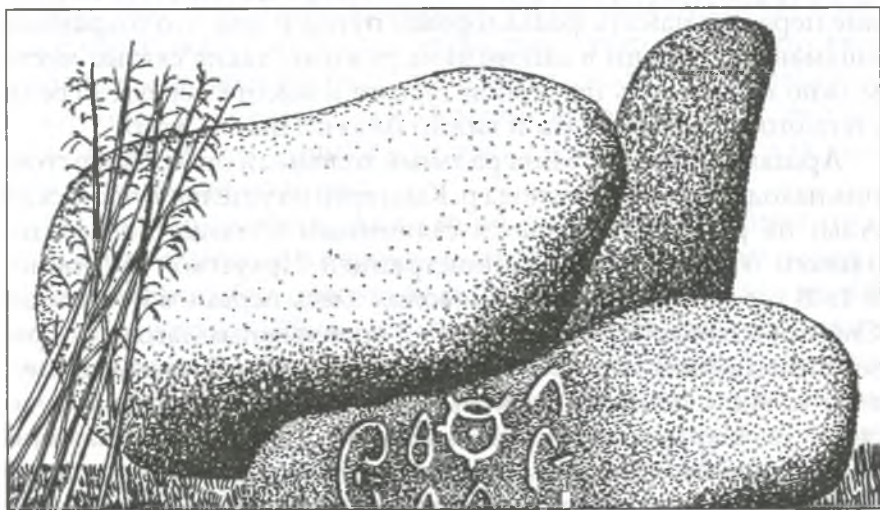
Безусловно, в Торской степи мы имеем дело с древним святым местом еще «до-бурятского» времени. Древние люди поселились здесь еще в каменном веке, что подтверждается обнаружением их поселений на песках Монсык и Тайлган (у устья р. Харагун). П.П. Хороших говорит о большой неисследованной пещере с щелеобразным входом на склоне мраморной скалы левобережья р. Иркут. Связь данной пещеры со скалой **Тумэр улгы** (досл. «Железная колыбель/люлька»), считающейся местом, где родился предок булагатов, напоминает о древнем тюркском представлении о богине Умай, из чрева которой (пещеры) происходит целый ряд родоплеменных групп. Существует этот культ и у бурят. Что касается непосредственно культа *Буха ноён-баабая* (досл. «Отец Буха-нойон», или «Отец Бык-господин»), то, по мнению И.А. Манжигеева, «этот культ является религиозным отражением перехода древних бурят от первобытной охоты и рыболовства к скотоводству».

Наконец, следует упомянуть в Торской степи еще два святых места, не связанных с культом Буха-нойона, но относящихся к типу придорожных барисанов. Одно из них, Уляабар, посвящено духу покойного *Сэмбэла*, сыну Тобсохоя, который, по мнению бурят, «ломает коровам ноги и вредит новорожденным». Поэтому ему устраивают на окраине села умиловительное жертвоприношение как вредоносному черту-бохолдою. Второе место находится на перевале возвышенности между реками Еловка и Ахалик. Местный топоним — **Шаманская гора**. Однако не установлено, связано ли данное место с захоронением шамана. Культ забытый, сведений о пантеоне не получено.

ТУНКИНСКО-АРШАНСКИЕ СВЯТЫНИ

Тункинская степь являлась центром расселения как древнего, так и современного (аборигенного) населения края. Соответственно, она имеет крупнейшие шаманские святыне места, ныне запечатленные в географических названиях. В районе с. Тунка это **ручей Бо-горхон** («Шаманский ручей»), **Шаманская гора** и **Шаманская роща** близ с. Никольского, упомянутые еще К. Риттером (1895 г.). На вершине Шаманской горы проводились присяги (клятвы) при разрешении тяжких дел. Судя по всему, это было второе, после скалы Буха-нойону, капище, где практиковалось такая традиция.

Можно полагать, что в Шаманской роще находился особо крупный и наиболее значимый шаманский некрополь. Не случайно ламы устраивали здесь массовые сожжения шаманских могил и собранных со всего края предметов шаманского культа, а затем сооружали буддийское обо как «памятник» победы над конкурирующей религиозной конфессией. А может быть, и для

Субурга ("Старый Аршан")
с пиктографическими ритуальными знаками

того, чтобы ламаизировать популярный культ духа-«хозяина» Тункинской степи. Сохранилось описание массового сожжения за 1882 год в «Правительственном вестнике»: «При помощи инородческого начальства местные ламы собрали по лесам множество шаманских костей и торжественно сожгли их вместе с принадлежностями шаманства при громе ламаистской музыки. Некоторые буряты не соглашались выдать кости своих родных на сожжение, вследствие чего произошло побоище, из которого победителями вышли, конечно, ламы, пользующиеся покровительством своего начальства (имеется в виду, светской власти, — А.Т.). На другой день было назначено идолослужение в Шоронцовевском улусе около Тункинского селения, куда каждый бурят должен был принести все, что оставалось у него от шаманского суеверия».

Отчужденность буддизма от похоронных мест реально живших шаманов и шаманок сохранилась в Тунке до сих пор. Хотя сооруженные капища на древних местах не относятся к разряду обо (за некоторым исключением), но кое-где поставлены бумханы, дарцоки (шесть с флажками). Напротив, простое население передает память фольклорным путем и тем, что сохраняют «шаманские» рощи в заповедном режиме: такие святые места можно определить по особой густоте и высоте деревьев среди степного массива, что мы и видим близ с. Никольского.

Аршан (главный). Минеральный холодный целебный источник находится в месте выхода р. Кынгарги из ущелья Тункинских Альп на равнину. Считается священным издавна, до официального открытия его администрацией Иркутской губернии. В 1808 г. землемер Чертов проводил здесь первые в Восточной Сибири археологические раскопки естественных лавовых образований, приняв их за развалины языческого храма, воздвигнутого «в честь источника». Культовая традиция сохранилась до сих пор, выраженная привязыванием ленточек отдыхающими на деревьях в месте выхода минерального ключа на поверхность. У бурят существует практика подношения жертв духу-«хозяину» аршана, не получившему, однако, четкого образного

оформления. Врач В. Никитенко (1921 г.) отмечал «бурятский» столб с кусочками материи и говорил о бросаемых в воду монетах «в дар Хангаю». От обилия монет, мол, источник загрязняется, а разложение меди выделяет ядовитые медные соли.

Субурга (старый Аршан). Находится в 5 км западнее первого. Отмечался исследователями прошлых столетий как любимое место лечения бурят и лошадей. Капище представляет нагромождение очень крупных ледниковых валунов, к которым приклонены ветви деревьев с лоскутами материи, а у их подножий совершались обряды и жертвенные подношения. Наибольший интерес у краеведов начала XX века вызывали рисунки на нижнем, особо крупном, валуне, защищенном козырьком вышележащего камня, выполненные белой краской. По мнению П.П. Хороших, авторами петроглифа были ламы близлежащего буддийского дугана, и представляют они священные изречения в честь духа-«покровителя» Аршана или же духа-«хозяина» окружающей местности. Современные ученые видят в знаках тибетскую магическую формулу «Цзендемуни», т.е. «Волшебная драгоценность» или «Три сокровища». Философия буддизма поясняет: кто обладает этой драгоценностью, у того исполняются все желания, исчезают все болезни и заботы, наступает наивысшее блаженство — нирвана. «Цзендемуни» находится везде, она невидима, но может прийти к человеку в любое время, для чего нужно усиленно молиться.

По нашему мнению, загадочные рисунки могут быть прототипами «мани», а по времени относиться к периоду первого проникновения буддийской религии в среду тункинских шаманистов, то есть к XVIII столетию. По сути своей это есть шаманская пиктографическая запись молитвы к Солнцу и Луне, что в сочетании с белым цветом давала понятие Небо, а при соединении с буддийскими знаками «Цзендемуни» выражало идею достижения счастья и благополучия (основная идея обращения к всевышним небесным божествам и улусно-территориальным духам).

Папий Аршан. Находится в 12 км западнее курорта Аршан, у подножья южного склона Тункинских Альп. Забытый культ возрождается усилиями администрации Тункинского национального парка как памятник шаманизма. Архитектура капища и формы обрядовых действий традиционны для данного типа святых мест Байкальского региона, но представления о местном пантеоне божеств уже забыты.

КАПИЩА КОЙМАРСКИХ ОЗЕР

С Коймарами связано несколько мест культового значения, но в той или иной степени связанные, быть может, с **Кунтенским Аршаном**. Последний берет начало на северном склоне небольшого вулканического холма. Всех выходов целебного источника насчитывается 18, которые имеют в народе название «Кунтёны». Г.Н. Потанин сообщал о рисунках на камнях двух белых лошадей; по другим данным, это есть рисунки Солнца и Луны. «Буряты делают этому камню возлияния». Белый цвет и лошади позволяют относить изображения к типу раннебуддийских памятников, типа того, что имеется на Старом Аршане. Лошади явно представляют образы «хи-моринов» — священных ездовых животных божественных существ.

С Коймарским священным местом связан известный тункинский миф о Буха-нойоне. Придя к озеру, он, якобы, отдыхал на холме, отчего там «осталось до сих пор заметное плоское углубление, а холму присвоено название Буха-ноин хыптыхе («Постель, место сна Быка-господина»). Отдохнув и набравшись сил, Буха-ноин перешел через Еловский перевал в Торскую степь, где и окаменел на склоне Тункинских Альп.

Судя по всему, святое место близ Коймарских озер имело очень важное значение в жизни бурят и притягивало большие массы верующих. Поэтому близ святой горы с шаманским капищем была сооружена Коймарская миссионерская православная церковь, сгоревшая в 1919 году, и буддийский дацан.

В настоящее время здесь существует местный ламаизированный культ Хун Саган-нойона — «Человек Белого господина», — в честь которого сооружено обо и поддерживается культовая традиция. Судя по этимологии имени духа-«хозяина», ламаизированный культ сложился на базе более древней шаманской основы и, скорее всего, связанной с прежними шаманскими захоронениями. Известно, к примеру, что в 1959 г. здесь было зафиксировано несколько случаев жертвоприношения духам умерших шаманов, якобы спасавших людей от различных бед. Культ Буха-нойону в эту шаманскую традицию явно не вписывается и, следовательно, является более поздним мифологическим нововведением.

Зангисаны. Вблизи села почитанием пользуются серные источники **Имыхэ-Аршиян** и **Гужирай архан**: первый с горячей водой, другой с холодной. Каких-либо подробностей о культе местных духов-«хозяев» не получено, но полагаем, что они типичны для всех аршанов Байкальского региона.

Жемчуг. Относится к числу крупных святых мест Тункинской долины, состоит из рода культовых объектов, имеющих сегодня самостоятельное значение. Прежде всего это 2 «аршана»: в 5 км от села — **Дэрхи-ари** и **Хангарульские источники** (Хонгор-ула) в пределах хребта Гурба-Дабан, в долине р. Харагун — правого притока Иркуты. Культовые капища и формы обрядовых действий традиционны для данной категории памятников. Однако легко устанавливается шаманская первооснова культа данной местности, связанная с некрополями жрецов древности.

Так, подножье горной гряды является традиционным похоронным местом шаманов бурятского рода шошоолог. Из наиболее известных шаманов на горе **Зуун-Тологой** погребены хан Мутуушка Табай, от которого происходят все шошоолоки, Хушун Табай, Хадай зарин, Заян тээби, ее сын Паха заян «на черно-белом коне». На правой стороне реки против Жемчуга «сидят» 9 ханов Бабу «на бело-желтых конях». Шаман Житан Таабай с девятью лошадьми «желтой и красной масти» похоронены близ **аршана Жемчуг** (Жимэк) и «смотрят за стороной

Хонгор-ула в Закамну». По словам информаторов, Житан был очень сильным шаманом времен первого заселения бурятами Тункинской долины, и поэтому «контролируемая» им территория (от Хонгор-улы до Харбят) является породной землей родов шошоолог, тэргэ, нойхо и сойгот. Сойготы, вероятно, есть сойоты, ныне проживающие в Окинском крае.

К сказанному следует добавить, что где-то в районе шаманских некрополей по р. Жемчуг находилось кладбище эпохи ранних монголов, частично раскопанное Б.Э. Петри. Судя по богатству погребального инвентаря, похороненные относились к числу лиц богатого (нойонского) сословия, а посему и удостоились чести быть похороненными на древнем святом месте. Есть мнение, что кладбище той поры могло относиться к разряду шаманских, поскольку часть вышеперечисленных шаманов (хан Мутуушка Таабай, Житан Таабай) отнесены бурятами к средневековью, по сути дела, в то же время, когда хоронили родовых нойонов.

В районе Жемчуга, опять же, мы видим еще один пример напластования более поздних, по всей вероятности, религиозно-мифологических представлений о Буха-нойоне. По словам К. Риттера, в XIX столетии тункинские жители считали правый приток **р. Хайрем** (впадающей в р. Жемчуг) священной дорогой следования тотемного быка из Джиды в сторону Тунки через Ургудэйский хребет. Дорога эта вела по болотистой пойме и увековечена узкой полосой кедрового леса. В прошлом в этой связи бытовало выражение «ехать по Бухату», то есть «по грязи». Предание гласит, что, придя в Тункинскую долину «именно по этой дороге», бык и оставил свой след в виде лесной полосы. Хотя Риттер указывает, что Буха-нойон пришел в Тунку «через Саян», однако речь в данном случае может идти только о горном перевале между р. Джидой и Тункинской долиной, поскольку в старые времена хребет Хамар-Дабан считали восточным продолжением Саянской горной страны. Здесь же действовал старинный купеческий тракт, а ранее — кочевая тропа, соединявшая родственные бурятские улусы Закамны и Тунки.

Кырен. Согласно буддийским обрядникам, духом-«хозяином» «столовой» горы возле с. Кырен (Бадары), считается *Кыренский хан*. Образ этот, не соотнесенный с конкретным лицом из ламаистского пантеона, адекватен шаманистскому определению «эжин», что определенно указывает на шаманскую основу данного культа. Каких-либо данных о капище и характере культовых действий не получено.

Тамхи-баряше. Находится между селами Шимки и Туран. Представляет собой изолированную «роскошную» долину, окруженную лесом. Топоним дословно означает «курить табак», то есть на место отдыха и «перекура» во время пути. По данным К. Риттера, на западном конце этой долины «останавливался всякий едущий из Шимков для небольшого отдыха под тенью кустов березы и черемухи», где закуривалась первая трубка. Данный обряд был заимствован и русскими у бурят, «которые тут приносят жертву своим духам, просят у них покровительства во время путешествия». Капище, представляющее типичный придорожный барисан, представляет собою молодые березки, к которым в качестве жертвы привязаны ленточки материи и пучки волос от гривы или хвоста лошади. Сегодня место облагорожено дирекцией Тункинского национального парка: сооружен ящик-алтарь, а из целого ствола дерева выдолблена гигантская курительная трубка.

ХАЛМА-УЛА (ТУРАН-ХАН)

Находится в 7 км от с. Туран, в долине горной реки Ихэ-Угун в глубоком ущелье, окруженном скалами. Согласно шаманской мифологии бурят, на гору Халма-Ула опустился «хозяин» всех западных хатов *Хан Шаргай-нойон*. Он сидел на соловом коне и был вооружен луком и колчаном со стрелами, сбоку имел щит, а в правой руке держал саблю и кнут. Сюда же он призвал в помощники всех местных эжинов или могущественных алманов человеческого происхождения.

Мнения информаторов из разных уголков Тункинской долины о Хан Шаргай-нойоне различно. Одни считают его сы-

ном Хухэ-тэнгри («Синего Неба»), другие — просто сыном одного из тэнгриев, третьи — сыном Урхан-тэнгри, четвертые — сыном сразу 99 тэнгриев. Отдельные низводят Хан Шаргай-нойона до уровня рядового батора или батора из небесного воинства Хармусты, или даже... индийского шамана. По данным Г.Н. Потанина, это, мол, вообще местный старец Туранского минерального источника, именуемый Алтын шаргы-моритэй Хайрхан, т.е. «Хайрхан на золото-соловой лошади». Но последнее мнение, с точки зрения монголоязычных бурят, считается ошибочным, поскольку, мол, на Туранском источнике почитают именно Шаргай-нойона, и никого более. Это божество защищает Тункинскую долину с западной стороны, тогда как Буханойон, напомним, — с восточной.

Знает Шаргай-нойона и буддизм: в сэргэме Буха-нойону о нем говорится следующее:

*Владыки Западного Туран-хана,
Могущественный Шаргай-нойон и другие <...>
Отведайте наше приношение — золотистый напиток,
Да умиловьте высших и уважьте низших,
И осуществите с пользой наши помыслы.*

Канонизированный в буддизме образ Шаргай-нойона именуется «принцем Шаргаем».

И тем не менее типичный для алтае-саянских тюрков мифологический образ *Хайрхана* (Кайракана), о чем говорил Г.Н. Потанин, вряд ли следует сбрасывать со счетов, как это делает Т.М. Михайлов. Вполне может быть, что исследователю рубежа XIX-XX столетий удалось зафиксировать ныне совершенно забытое древнее тюркское представление о шаманском духе-«хозяине» священной горы в долине р. Ихэ-Угун. По крайней мере, эти два образа едины в описании, но различаются лишь именами, что и понятно, поскольку в Тункинской долине тюрков сменила иная по языку этническая общность.

Что касается капища, то оно явно имеет очень древние традиции. К. Риттер во второй половине XIX в. писал о «священной песчаной горе» и минеральном источнике, но последний

использовался бурятами в лечебных целях и считался священным — **Туранай халуун аршан**. Доктор В. Никитенко (1921г.) описал т.н. «глазной» ключ, где «лечат больные глаза буряты, в изобилие покрывшие соседние кусты разноцветными ленточками — умиловительные и благодарственные жертвы доброму гению ключа». О стойком культе источника свидетельствует такое его наблюдение: «Разрывая ил и глину на дне ключа, я постоянно находил медные монеты в виде окислившихся — жертвы тех же бурят целебному источнику».

Видимо, какое-то пояснение к древнему культу источника могут дать археологические раскопки крупной пещеры в скалах на берегу р. Ихэ-Угун. В 1928 г. П.П. Хороших нашел здесь возле древнего кострища железные наконечники стрел, обломки костяных обкладок луков, прошитые листы бересты (колчан?), кости животных. В 1966 г. нами с тем же исследователем также найдены обломки кресала, древняя монгольская монета, фрагменты типично курыканской керамики. Судя по многочисленным аналогиям в пещерах Байкала, в подземном убежище Ихэ-Угуна явно находилось разрушенное погребение воина.

Что касается «песчаной горы» вблизи пещеры, то она явно служила шаманской усыпальницей. С Тураном и святым ме-

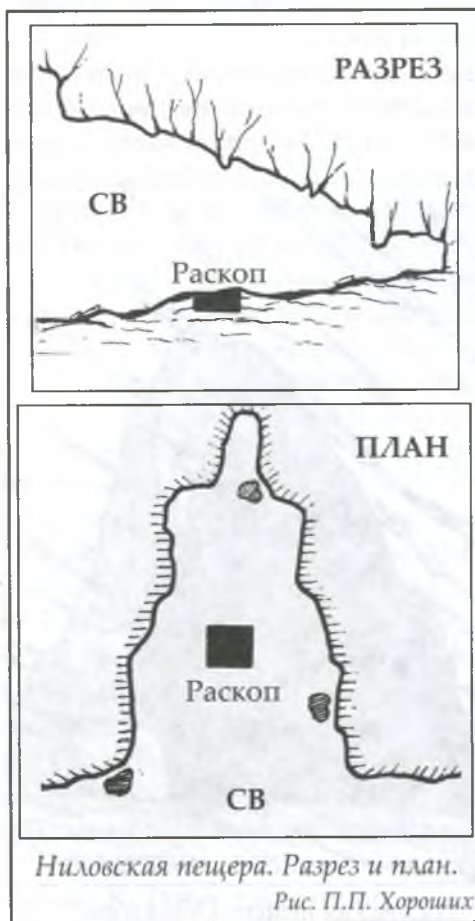
Ниловская пещера. Общий вид.

Рис. П.П. Хороших

стом по р. Ихэ-Угун связана история «искоренения» тункинско-го шаманизма ламаизмом. Точнее говоря, массовым сожжением здесь шаманских атрибутов была «закреплена» победа новой религии над «языческими» культами в 1916–1918 годах. Дарма Лушан из Тибета по прозвищу Будун Лхарамба («Толстый Лхарамба») совершил осквернение местных шаманских могил. Причем это, якобы, делалось «по просьбе местного населения,

которому надоело засилие нечистой силы, множество всяких запретов и разорительных обрядов с обильными жертвоприношениями». По приказу ламы были собраны предметы шаманского культа, сожжены все туранские шаманы. Тех, кто не желал ехать, привезли силой. Шаманов заставили дать клятвенные слова, что с этих пор они не будут шаманить. Затем торжественно сожгли собранные предметы. С тех пор, как говорят, в Тунке нет никаких шаманов и всяких бохолдоев-чертей.

Сегодня Тункинским национальным парком на р. Ихэ-Угун создан значительный по масштабам культовый комплекс типа дацана, состоящий из храмов, сумэ, алтаря, зала для коллективных трапез и пр.

СВЯТЫЕ МЕСТА ВЕРХОВЬЕВ ИРКУТА

Могой-горхон. Река в западной части Тункинской долины. По легенде, однажды из-за Саянских гор выползла гигантская змея и поплыла вниз по течению. В старину близ впадения реки в Иркут существовало специальное капище, где мифическому змею-чудовищу приносили жертвы.

По словам тункинских информаторов, змеи некогда «кишмя кишели» в горах Восточных Саян. Однажды на обряде в честь змеиногo «бога» присутствовала «нечистая» женщина. Змеи страшно разгневались из-за неуважения к ним и ушли. С ними ушло и счастье людей.

Перестали рождаться дети, исчезли верблюды. Только смерть чужой семьи, попавшей в Тункинскую долину, смягчила гнев царя змей. Вина была искуплена людской кровью (жертвоприношением?). Вновь вернулись змеи, опять пришло счастье бурят.

Вероятно, речь в данном случае может идти о почти забытом в бурятском шаманизме образе *Абарга могой*. По И.А. Манжигееву, это мифическая змея огромной величины, подобная дракону, прародитель и царь всех змей. Она часто упоминается в бурятской мифологии и представляет собой один из древнейших темных образов анималистического восприятия мира.

Хара-Дабан. Одно из старинных культовых мест в Тункинской долине. Находится близ возвышенности Хара-Дабан восточнее с. Монды. Здесь К. Риттером описано обо, сооруженное из кучи камней. Записанное им же предание гласит, как один православный миссионер, желая показать бессилие «бурятских духов», разрушил шаманское капище, но сразу же заболел и едва доехал до Хангинского (Мондинского) пограничного караула. Буряты возродили обо и стали еще более почитать местного духа-«хозяина».

О культовой традиции данного места свидетельствуют тибетские надписи, выбитые на приречных (р. Иркут) скалах. А.П. Окладников говорил мне об обнаружении здесь каких-то на-

скальных рисунков, и эти сведения нашли отражение в изданной карте памятных мест Бурятской АССР (1973 г.), но просмотренный материал в музее ИИФФ СО АН СССР (Новосибирск) дал лишь наскальные тибетские знаки. Вблизи святого шаманского места имеется и неисследованная пещера, хорошо видимая с древней кочевой тропы (ныне — шоссе в Монголию). Видимо, основой культа явился древний придорожный барисан, связанный с перевалом (**Хара-дабан** — «Черный перевал»).

Культовое место действует до сих пор. Оно выражено большим количеством ленточек, привязанных на деревьях, и алтарем с жертвенными приношениями, главным образом пищей. Проезжающие путники делают здесь остановку и брызгают местным духам водкой. Сохранилось и каменное обо, видимо, еще описанное К. Риттером. Духом-«хозяином» перевала считается *Хара-дабаани-эжен*. Интересно, что в XX столетии на Хара-Дабане стали поминать и души убитых здесь бойцов из партизанского отряда Н.А. Каландаришвили, могила и памятник которых находятся неподалеку.

Монды. Местное название Мойгу. Культовое место образовано на левом берегу Иркутка на **скале Мойгу байсан**. По данным К. Риттера, утес испокон веков считался священным: местные жители собирали здесь помет полевых мышей, водившихся в большом количестве, поскольку он считался священным лекарством. Равным образом собирали камни, хранимые как талисман.

Старые легенды повествуют, что в давние времена вблизи утеса Мойгу-байсан жили «китайцы», оставившие круглые каменные ограды (городища), но это есть типичные средневековые могильные курганы, известные также в долинах рек Оки и Жемчуга. Добавим, что древние кладбища, как правило, устраивались вблизи священных родовых гор. В старину такие памятники, не связанные с историей бурят, действительно принимались за «китайские», поскольку жители не могли их датировать.

По шаманской мифологии эжином Хангинского караула (поселения Монды) считался *Дархан-ноён*, а всей местности Мон — *Хужир-нойон*. Местных духов-покровителей, по Г.Н. Потанину, мондинские буряты вообще именовали *хат-бурхыт*, а конкретно — *Тархан-дуриск*, отцом которого был некий Тайхын, а мать — Иджи-хан. По преданиям, он жил в местности Мон в совершенном одиночестве, был шаманом и кузнецом. Поев луковицу сараны из рук «нечистой» девушки, Тархан-дуриск умер и похоронен на этой горе, ставшей с тех пор священной. С тех пор, мол, здесь нет змей, белой сараны и сосны, «и не ходит верблюд». Культ местного шамана-кузнеца сохранился до наших дней, однако почитаемому образу дано новое имя *Монходой-дархан*.

МУНКУ-САРДЫК И НУХУН-ДАБАН

Мунку-Сардык является наивысшей точкой Тункинских Алып и Восточных Саян, имеющих вечные снега и ледники. Хотя сегодня культ горного пика носит у бурят более поэтический (фольклорный) характер, тем не менее, он считается свя-

щенным у всех вблизи живущих народов — бурят, сойтов и монголов. Соответственно бытует большое количество разнообразных самостоятельных шаманских преданий.

Так, академик Г. Радде в XIX столетии приводит легенду о происхождении топонима в связи с неким богатырем Мунку, погибшим во время поисков волшебной царевны, проживавшей среди снежной Саянской горной страны и восседающей за золотым столиком с золотой чашей в руках.

Г.Н. Потанин писал о якобы сохранившихся следах о похождении Чингисхана: **Мунку-Сардык (Мунку-Саган)** есть его слюна, которую он выплюнул, покурив трубку; голец **Баин-ола** — зола от этой трубки; **Янгит-джинса** (камень) — навешенные шапки хана; **Талы-болдок-тологой** — это тот холм, на котором «был взят Шингыс-хан» (?). По другим легендам указанные 4 горы являются сыновьями Чингисхана. Есть упоминание М.Н. Хангалова об еще одной близлежащей к Мунку-Сардыку священной горе — **Ахан-Улан** (или **Ахан-Хорьхон**), которую «заселили» 9 дочерей Матери Неба Эхэ Юрин-тэнгэри.

По данным того же Г.Н. Потанина, мондинские буряты считают духом-«хозяином» высочайшей вершины Восточных Саян **Мунку-саган-хутул-хан-морин-нойона**. Называли и некоего **Хятагая**, слетевшего с неба вместе с громом и молнией на Мунку-Сардык, причем две вершины и есть **Хан Морин** и **Хятагай**. По словам мондинского ламы, Мунко-Саган был **Шоно-нойон** («Волк-господин»), или **Ляйхан-сурукдык**, который считался эжином Барун-Далая (т.е. озера Хубсугул или Косогол). По буддийскому культу «хозяином» Мунку-Сардыка (Мунхэ-Сагаана) является **Бурэн-хан**, то есть «Хан Спокойствия и Тишины».

Из приведенных мифологических образов «хозяина» следует обратить внимание на связь Мунку-Сагаана или Хятагая с лошадей. Он очень напоминает канонизированный образ известного Хан-Шаргай-нойона, также спустившегося с неба на Саянские (Тункинские) вершины. Немаловажно и то, что дух назван тюркским термином «иджин». Говорит ли это о более раннем ша-

манском мифологическом образе единого хозяина горной страны, чем современный бурят-монгольский?

С культом Мунку-Сардыка напрямую связано древнее **капище Нухун-Дабан** близ слияния Белого и Черного Иркутов. Оно представляет известняковый голец с большой аркой-дырой, откуда открывается «очаровательный вид на живописный гребень Мунку-Сардыка с его остроконечными вершинами и ледником». Нухун-Дабан является одним из самых известных святилищ по старинной караванной тропе от Хубсугула (Монд) в Окинский край мимо высочайшей горы, и, по сути, происходит от придорожного барисана на горном перевале. С глубоких времен буряты, сойоты и монголы совершали здесь культовые обряды с жертвоприношениями, «состоящими не только из медных монет, но нередко из кремней, лоскутков, пуговиц, а удачливые промышленники оставляли здесь и пару беличьих шкурок».

П.П. Хороших описывал в сквозной арке древние наскальные рисунки и тибетские надписи, нарисованные белой краской. В мифологическом образе духа-«хозяина» перевала Ехэ Саганнойоне («Великий Белый Господин») явно угадывается физико-географическая особенность Мунку-Сардыка.

Почитали духа Нухун-Дабана и русские путешественники. К. Риттер упоминал, что в середине XIX столетия вблизи арки с шаманским святилищем была построена православная часовня, где молились и буряты.

Сегодня культ «хозяина» перевала перенесен на новое капище к живописному водопаду близ сооруженного шоссе из Монд в Оку. Здесь построена беседка для отдыхающих, но она быстро превратилась в капище. Строение сплошь увешано ленточками ткани и буквально завалено жертвенными подношениями: бутылками, монетами, остатками пищи. Судя по очагам и кострищам — алтарям с костями животных, здесь проводятся и «кровавые» обряды мясом.

Помимо Нухун-Дабана действует вблизи Мунку-Сардыка еще одно культовое место, типичное для придорожных бариса-

нов. Оно расположено чуть выше от первого, непосредственно на водоразделе истоков Оки и Иркуты. Оно по виду весьма старое, поскольку количество жертвенных приношений раскидано на значительной площади среди каменных валунов горного озера. Интересно, что здесь же миссионером Я.И. Чистохинным обнаружено самое северное в Восточной Сибири палеолитическое поселение.

Цикл мифологических преданий о духе-«хозяине» местности не сохранился, кроме позднего опоэтизированного осмысления почитаемых шаманистами святых камней. Все они относятся якобы к следам разворачивавшихся в здешних местах событий, связанных с *Гэсэ-ханом* и его 33 богатырями, когда они боролись со злыми демонами. Согласно мифам, камни на святилищах и есть окаменевшие образы героев древности, сторожащие демона, который при попытке вырваться из подземного плена совершает землетрясения и горные обвалы.

ТУНКИНСКИЕ АЛЬПЫ (МУНДАРГА)

Тункинские Альпы, а точнее, его часть **Алтан-Мундарга**, в бурятской мифологии считаются местом «жительства» важнейших божеств шаманского пантеона всего Байкальского региона. К. Риттер писал о том, что «альпийские вершины (Тункинских Альп, — А.Т.) населены духами-хангаями (или Хангаем)».

Считается, что на **Алтан Мундарга** (или **Баруни харьдаг**) обитают западные добрые тэнгэрины или хаты, во главе с *Шаргайнойоном* в полном военном облачении и на лошади спустившемся с Неба на землю для защиты бурят. В буддизме имеется расплывчатый образ *Яб-лха эжена Мундарга* — «Хозяина Саянских гор», напрямую не связанный с именем «принца Шаргая», названного владыкой конкретной **горы Туран-хан** близ Ниловой пустыни.

С Тункинскими Альпами связан также шаманский образ 99 *Мундарга* («99 снежных вершин») или тэнгэринов, впоследствии

Тункинские Альпы (Алтан-Мундарга)

разделившихся на 55 добрых (западных) и 44 злых (восточных). И.А. Манжигеев писал о культе *Барууни хад* («Западных хатов») — духах-гениях горных вершин Тункинских Альп и Восточных Саян. В более конкретном выражении речь идет о *Ерен-хаде* («90 хатах»), под которыми подразумеваются, почему-то, лишь «хозяева» 9 горных вершин не только Восточных Саян, Тункинских Альп, но и некоторых других мест Прибайкалья, трактуемых в бурятской шаманской мифологии как сыновья и внуки Буханойона. Эти образы, как мы говорим выше, в свою очередь, частично совпадают с шаманскими представлениями о, так называемых, «белых» божественных первокузнецах. Есть также поэтическая легенда о 33 богатырях *Гэсэра*, превратившихся в горные вершины и «выстроившихся по северной стороне Тункинской долины».

Наибольшую сложность в данном вопросе представляет выявление конкретных географических точек культа Мундарги. Хотя в мифологии говорится о 9 горных вершинах (хотя было

бы правильно говорить о 90 или 99), но в Тункинской долине наиболее популярно представление лишь о пяти священных горах, но, опять-таки, без точной их привязки на местности. В названиях существующего религиозного обряда «хара такиха» и «хара хангай тахиха», по Г.Р. Галдановой, мы видим ясный древнейший архаичный культ Земли-Воды, ибо хада и означает «гора». Но хада, в свою очередь, идентифицируется с *хаадууд* — «сыновьями тэнгриев» (хатами и буумалами) — помогать людям, и именно высокие снежные гольцы Тункинских Альп стали местом их «обитания». Как считает Г.Р. Галданова, со временем понятия хада (гора) и хаты (духи-«хозяева» гор) сливаются, означая один и тот же объект культа, «хотя в древности, несомненно, объектом культа была сама гора, а не «хозяин горы»». Поэтому «горы представлялись посредниками между Небом и Землей», а у их подножий «проводились моления, посвященные небесным божествам».

В условиях Тункинской долины важно подчеркнуть то обстоятельство, что на какой-то стадии развития данного культа (Мундарги) появилось представление о том, что умершие шаманы становятся *хада*, то есть духами-«хозяевами» (досл. хада болхо — «стать горой») той или иной горы, однако этот образ (образы) «спустился» с Тункинских Альп на более мелкие возвышенности и урочища у подножий хребта.

Аналогичная ситуация произошла и с культом небесных кузнецов, о котором мы рассказывали выше. Напомним, что это также потомки Буха-нойона, «небесные сыновья»; после приземления на одну из горных вершин где-то у истоков Иркуты и Оки они впоследствии «переместились» еще ниже, став духами-«хозяевами» отдельных мест Тункинской долины: Турана, Торской степи, реки Иркуты, местностей Хужари и Шабартына.

Из конкретных священных вершин Мундарги пока четко определяются 2 объекта: **Мунку-Сардык** с ближайшими горными вершинами, и **Халма-Ула (Туран-хан)** по р. Ихэ Угун. По своей специфике Тункинские Альпы более всего соответствуют шаманистическому термину «эжэтуй», то есть необитаемая,

безлюдная местность, обычно горные вершины, ожидающие своего будущего духа-«хозяина».

Таким образом, культ священных вершин Тункинских Альп является малопонятным ввиду его большой древности. Это подчеркивал и И.А. Манжигеев, относя его к дошаманистическим верованиям, связанным с почитанием духов родовых или племенных гор, рек, урочищ, но затем переориентированным на обожествление шаманов, нередко совмещавших в одном лице светскую и духовную власть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТОВОГО ЗНАЧЕНИЯ НА БАЙКАЛЕ

Итак, мы осуществили, образно говоря, познавательную экскурсию по древним шаманским местам Байкала, «посетив» около ста особо почитаемых географических достопримечательностей, давших поколениям людей называть наше удивительное по первозданной красоте озеро «Святым морем». Однако рассмотренные объекты столь многочисленны и многофункциональны, а сопутствующие им религиозно-мифологические представления настолько сложны и запутанны, что требуется дать им некую научную классификацию, которую ранее никто не решался сделать.

Распространение святых мест. Поскольку береговая линия озера Байкал имеет значительную протяженность (около 2 тыс. км), сложный физико-географический рельеф, неоднородную климатическую обстановку (до 40 различных микроклиматических поясов и локально-очаговых зон), то побережье озера-моря и его островов было освоено человеком неравномерно, что отразилось и на концентрации памятников бытового и культового значения. Основное их число сосредоточено в Приольхонье, Култукском и Чивыркуйском заливах, в Баргузинской и Тункинской долинах, в меньшей степени на севере и юге Байкала. Что говорить о древности, если даже в наши дни участки Онгурены — Байкальское, Большая Речка — Ангаракан, исток Ангары — Ольхонские ворота, протяженностью в две сотни километров каждая все еще остаются недоступными человеку, кроме рыбаков, научных экспедиций и особо смелых туристов. Даже все юго-восточное побережье от Култука до устья Селенги до середины XIX столетия являлось «диким» краем, по которому более 300 верст вела плохо оборудованная кочевая тропа, а люди проникали из Иркутска в Забайкалье в

основном глухими горно-таежными дебрями хребта Хамар-Дабан по кое-как устроенным сухопутным дорогам.

Условной границей, очерчивающей круг прибайкальских культовых памятников, являются горные цепи окружающих водоем хребтов: Приморского, Байкальского, Баргузинского, Улан-Бургасы и Хамар-Дабана. Кроме того, общность этнической истории и единство эвенкийско-бурятского шаманизма племен Баргузинской и Тункинской долин делают обоснованным включение тамошних святых мест в общую географическую территорию вокруг Байкала. Поэтому в Баргузинской долине условной восточной границей Байкальской экосистемы являются Икатский хребет; в Тункинской — Тункинские Альпы Восточных Саян и хангарульский отрог Хамар-Дабана.

Если исключить р. Селенгу далее Мандрикского прижима и Иркут ниже Зыркузунского поворота, то географически выделяемая нами зона совпадает с водосборной площадью озера Байкал, что позволяет говорить о наличии единого взаимосвязанного географического региона с озером Байкал в центре. В этническом плане мы получаем особую компактную эколого-этнографическую зону (нишу), населенную родственными (в прошлом) группами коренного аборигенного населения, издревле ведущего преимущественно охотничье-рыболовный образ жизни. Этот однородный с каменного века хозяйственно-культурный тип местного населения («поморов») находит полное отражение в хорошо отлаженной тысячелетиями культовой системе байкальского шаманизма.

Итак, классификация памятников культового значения позволяет выделить три основных района их концентрации: Приольхонье, Баргузинскую и Тункинскую долины, что объясняется наличием здесь благоприятных физико-географических условий жизни аборигенного населения как в древности, так и в настоящее время. Что касается других частей побережья Байкала, то там культовых объектов немного. Практически нет святых мест вдоль юго-восточного и юго-западного побережий, заселение которых началось лишь два-три столетия тому

назад. Совершенно их нет в до сих пор не освоенном участке северо-западного побережья. Но и эти труднодоступные уголки Байкала, где лишь изредка появлялись эвенкийские охотники и никогда не жили буряты, также нашли отражение в шаманских представлениях поморов об окружающем мире, но многие из этих культов уже утрачены, забыты и не могут быть восстановлены.

Общая мифологическая ситуация. Как мы рассмотрели в нашей книге по изученным культовым памятникам, места, в которые, образно говоря, не ступала нога человека, (Тункинские Альпы и Хамар-Дабан) считались древними аборигенами местожительством хатов (сыновей) западных (белых и добрых) и восточных (черных, злых) тэнгэринов — небесных божественных существ наивысшей категории, сошедших на землю помочь людям в обустройстве их жизни. Сами горы, впрочем, считались географическими точками, через которые тэнгэрины лично или через своих сыновей-посланцев управляют землей вокруг Байкала. Именно отсюда хаты впоследствии «заселили» и стали духами-«хозяевами» наиболее крупных и особо значимых уголков страны бурят и эвенков (в прошлом и якутов). «Слуги-помощники» хатов из среды земных людей (как правило, великие шаманы), естественно, превратились в эжинов более мелких природных объектов Байкала, вплоть до отдельных скал, ручьев, озер, рощ. В их числе также персонажи низшей ступени шаманского пантеона, «заведующие» атмосферными явлениями, отдельными физическими свойствами воды и озера, рыболовными и охотничьими промыслами и т.д.

После долгих раздумий мы предлагаем при изучении культовой системы Байкальского региона руководствоваться основными положениями:

— Функциональным назначением святых мест, когда четко выражена главная цель (основное назначение) отдельно взятого святилища: напр. шаманское похоронное место, источник со «святой» водой, место жительства (резиденция) эжина-

«хозяина» родо-племенной территории, место для дачи клятв (божбы, присяги) при особо крупных тяжёбных делах и т.д.;

— Социально-общественной значимостью святилища, когда святое место является общенародным, общеплеменным, родовым, улусно-территориальным или семейным. С помощью археологических раскопок нами твердо установлено, что многофункциональность и степень социально-общественной значимости шаманского святого места являются прямым следствием его древности, когда с течением веков и тысячелетий происходит наложение религиозно-мифологических воззрений и обрядово-ритуальной практики разных эпох и народов, но единых по традиционно охотничье-рыболовному укладу жизни.

Второе основное положение при разработке классификации шаманских святых мест байкальской природной среды обитания человека полностью согласуется с иерархической лестницей шаманского пантеона бурят, эвенков и якутов, когда социально-общественная значимость святого места определяется теонимией (разбором происхождения имен богов). Произведенные экспериментальные археологические раскопки следов жертвенных приношений на ряде памятников подтвердили этногенетическое триединство понятий: древность культовой традиции + многофункциональное назначение объекта + социально-общественная значимость святого места.

Чтобы подтвердить нашу теорию, обратимся в качестве примера к одному из таких памятников — Шаманской скале (мысу Бурхан) на острове Ольхон:

а) Древность культовой традиции: неолит — бронза — ранний железный век — курыканы — ранние буряты — современность;

б) Многофункциональное назначение памятника: могильник эпохи неолита, бронзы и раннего средневековья; жертвенник с костями — артефактами от неолита до современности; шаманское похоронное место общенародных или общеплеменных жрецов высшей категории; «вход» в подземно-подводный мир умерших предков (курыканская эпоха, реликты представлений

в шаманизме бурят); пещера–жилище духа-«хозяина» о. Ольхон и всего Байкала; божества грома; великого местного шамана; ламаистский пещерный храм и деревянный дуган в честь «адского божества» Бег-дзе или Жамсарана; христианская часовня на шаманском святом месте.

в) социально-общественная значимость святого места: общенародные святилища в честь: курыкано-якутско-бурятского священного орла (тотема, хозяина о. Ольхон и всего Байкала, прародителя первых бурятских шаманов и вообще людей) Хан-хутэ-нойона или его сына Ехэ Шубууна; верховного божества грома (сына Неба) Угутэ-ноина; знаменитого ольхонского шамана Нагре-бо; ламаистского божества Бег-дзе или духа-хранителя буддийской веры и Байкала Жамсарана; основателя Великой монгольской империи Чингисхана и его 13 спутников («13 северных нойонов»); христианского покровителя озера Байкал, рыбаков, купцов и путешественников Николая Мирликийского Чудотворца.

Наоборот, молодость создания культового памятника (особенно в тех случаях, когда почитаемый объект организован и действует в течение жизни не более одного поколения людей), отсутствие устоявшейся религиозно-мифологической и обрядовой традиции, дают неясный расплывчатый образ духа-«хозяина» отдельно взятого места. А поскольку практически все существующие географические объекты района озера Байкал уже «заселены» обширным пантеоном шаманского мира, согласно иерархической лестнице, вновь создаваемые святилища чаще всего однофункциональны и незначительны по своей социально-общественной роли и относятся, как правило, к типу мелких улусно-территориальных культовых объектов.

ТИПОЛОГИЯ ШАМАНСКИХ СВЯТЫНЬ

1. Озеро Байкал как единая географическая святыня. Культ этот, бесспорно, очень древний и поэтому не со-

Древние кочевые тропы через орографический барьер Байкальской природной среды обитания человека и схема размещения пограничных "застав-святых мест" на горных перевалах

всем понятный с точки зрения современного мировосприятия. Получается, что аборигенные поморы, жившие за счет рыболовства, в первую очередь, и охоты, во-вторую, считали сибирское озеро-море источником жизненного существования и этнической консолидации вокруг этой географической святыни в центре своей экологической ниши. На поздней стадии развития культа возникли представления об эжинах различных уголков побережья, физических свойств воды и атмосферных явлений Байкала, объединенных в общую мифологическую концепцию об Ухан-хатах («Царях вод») или в глобальную религиозную доктрину о Земле-Воде.

Что касается памятников культового значения, то пока мы можем отметить лишь несколько святилищ, на которых отмечался культ всего Байкала или его наиболее крупных геогра-

фических частей. Это Хаман-Кит и Ушканьи острова у эвенков, Саган-Заба, Ая, Бурхан, Хилман-Хушуун (или Святой Нос), устье Селенги, исток Ангары и др. у бурят, часть из которых они также унаследовали от эвенков. У русских божеством Байкала (хотя, об этом говорится иносказательно) стал Св. Николай Мирликийский (Чудотворец), в честь которого было сооружено абсолютное большинство православных храмов и часовен на его берегах, однако христианскую (как и буддийскую) традиции культа оз. Байкал мы не рассматриваем.

Важность культа оз. Байкал в прошлом хорошо подтверждается на примере курыкан раннего средневековья, потомки которых — якуты — до сих пор сохранили образ Байкала в своей шаманской системе. В якутских легендах Байкал есть место изначального обитания народа Саха-урянхай. У бурят Байкал вообще называется священной прародиной, а такие животные, как налим, нерпа, белка, лебедь, орел и другие до сих пор считаются тотемными предками. Вся мифологическая система бурят основана на образе озера Байкал.

2. Горные системы вокруг Байкала. Мы пока выделяем два крупных географических района, имевших особо важное значение в шаманизме бурят на поздней стадии мифологии о Байкале. Это Тункинские Альпы — местожительство западных добрых тэнгэринов и белых кузнецов и хребет Хамар-Дабан — область «обитания» восточных злых небожителей и черных кузнецов. С этими же горами неясным образом связаны генеалогические предания западных бурят и сонм «водяных царей» Унанхатов. Последние якобы спустились в глубины Байкала с вершин Хамар-Дабана, и, очевидно, Тункинских Альп, но «белые» Унанхаты играли явно подчиненное зависимое положение по отношению к «черным» Унанхатам. Я полагаю, что «черное» происхождение божеств свидетельствует о древности почитаемых образов.

Культовые места, специально посвященные тэнгэринам, неизвестны, однако их поминали в шаманских молитвах почти на всех без исключения святилищах бурят. Что касается эвенков,

то культ горных хребтов в их шаманской мифологии неизвестен. Однако есть слабое указание на священное отношение их к Баргузинскому хребту, дух-«хозяин» которого «обитал» на горной вершине в истоке реки Кудалды (Подлеморье). Важность данной святыни очевидна из того, что географически это святилище совпадает с самой главной географической святыней баргузинских бурят — горой Барагхан, но и в истоке этого культа лежат тунгусские корни. Местный эвенк А.С. Шубин указал на хребте несколько «крупнейших» святилищ, но не мог разъяснить сущность их культов.

3. Крупнейшие географические объекты. В Прибайкалье шаманская мифология бурят называет их немало, причем с самого разного плана. Отдельными священными территориями, имеющими своих верховных духов-«хозяев», считаются Баргузинская и Тункинская долины, остров Ольхон, реки Иркут и Ангара, дельта реки Куртун, Голоустная и Бугульдейка, устье р. Сармы и др. Разумеется, все они отнесены к святыням межплеменного значения. Культовые действия в честь эжинов и хатов столь высокого ранга проводятся и поныне на многих капищах за пределами Байкала по всей территории, заселенной бурятами, но есть они и на самом побережье: Шаманский камень в истоке Ангары, пещера Бурхан и гора Ижимей на Ольхоне, Барагхан в Баргузине, скала Буханойона и место Хан-Шаргайнойона в Тунке и др.

4. Промысловые (охотничье-рыболовные) угодья. Судя по текстам шаманских призываний, почти все святыне места Прибайкалья считались (поначалу) местожительством эжинов, от которых зависела удача на охоте, рыбной ловле, хлебопашестве или скотоводстве. Однако из их числа выделим в качестве примера изначального функционального назначения такие места, где промысловый культ сохранился наиболее отчетливо. У эвенков это Шаманская скала и Хаман-Кит на северо-восточном побережье Байкала, где у «хозяина» Байкала Дианду просили удачу в рыбном промысле; Ушканьи острова, считавшиеся местожительством царицы всех нерп, одаривающей охотников

множеством добычи; Хилман-Хуушун (или Святой Нос), где обитала царица Осетриха.

Аналогичные культы имеются у ольхонских и байкало-кударинских бурят (Уһан-хатов), для отправления которых, собственно говоря, и служило основное число здешних шаманских святилищ. Увеличению поголовья домашнего скота «способствовали» придорожный барисан Буха-шулуун в Баргузинской долине и скала Буха-нойона в Тунке.

Собственно говоря, и сами придорожные капища, преимущественно посещаемые охотниками (на горных перевалах), служили им не только для выражения благодарственности за безопасный путь, но и для испрашивания у духов-«хозяев» мест (напр. Баян-Хангай) удачи в охотничьем промысле. Мы полагаем, что в каменном веке, когда человек всецело зависел только от удачи в таежных промыслах и рыбацкого фарта, такое функциональное значение культовых мест было особо ярко выражено, что подтверждают сам смысл наскальных рисунков, реликты дошаманистической мифологии, пантеон древнейших божеств и культовая обрядность. Именно в культурных слоях каменного века среди святилищ Байкала чаще всего встречаются кости рыб и нерпы, грузила для сетей, ритуальные фигурки тех же рыб и нерпы, предметы рыбного лова.

5. Следы крупных геологических катастроф. Территория вокруг озера Байкал, как известно, относится к зоне активного рифтогенеза (подвижек земной коры) и связанных с ним крупных геологических катастроф. Среди них: вулканическая деятельность, лавовые потоки, землетрясения, оползни склонов гор, опускание береговых низменных участков, тектонические разломы и т.п. Сюда же следует, вероятно, отнести и некоторые физические явления, связанные с климатической обстановкой: сход селевых потоков, сохранившиеся реликтовые ледники, следы былого великого оледенения в виде боковых и конечных морен. По имеющимся археологическим данным, первый человек, появившийся на берегах Байкала около 100 тыс. лет тому назад, встретил все эти явления еще в их ярком выражении, по-

скольку формирование физико-географического облика крупнейшего водоема в центре материка проходило активную фазу, которая, собственно говоря, не завершилась и сегодня. И поэтому, на наш взгляд, источником для начального этапа возникновения религиозно-мифологических представлений о Байкале могли послужить как раз перечисленные выше геологические явления, связанные с рифтогенезисом.

Отдаленные отголоски событий сохранились в древнем фольклоре аборигенных народов Байкала. Среди них миф о расколе земной поверхности и образовании крупнейшей трещины на планете (причем при сопровождении «моря огня»); о необычайно крупном потоке воды, хлынувшем с гор Хамар-Дабана и заполнившем собою образовавшуюся впадину Байкала (таяние местного ледника и следы крупнейших селевых потоков в районе р. Снежная), погасившем огонь земных недр; о катастрофическом обрушении в истоке Ангары громадного куска суши, где Шаман-камень является надводной вершиной образовавшейся перемычки; об опускании на дно Байкала отдельных участков побережья; о гигантской рыбе Мажин, являющейся «причиною» землетрясений и крупных оползней склонов гор; о действиях вулканов и т.п.

Расплывчатость шаманских представлений о катастрофических геологических явлениях на Байкале, вероятно, свидетельствует об их исключительной древности и желании людей поменьше «поминать» свирепых божеств местности во избежание «накликать» новую беду. Отражением этих культов являются мифологические сюжеты о Мунко-Сагане или гигантском реликтовом леднике Мунку-Сардык; о лавовых вулканических конусах и потоках в Окинском крае и в Тункинской долине; о Шаман-камне в истоке Ангары; о «жителях» местности Хыр-Хушун в Приольхонье, где два свирепых нравом брата Азрэ и Алмэ наводят катастрофические селевые паводки и т.п.

Поздним переосмыслением мифов о катастрофических природных явлениях у бурят и якутов (через их общих предков курыкан) служит антропоморфный культ вулканов Тункинского

Присяжняя и Хамар-Дабана, теперь тесно связанный единой религиозной концепцией о небесных первокузнецах, принесших людям огонь и научивших их ковать железо. Шаманские капища в их честь существуют на горах Души, Хан-Уле и Сохор на Хамар-Дабане; Шаманке в устье Селенги; Шабарте, Буха-ноёни-хуури, Монды в Тунке и пр.

6. Шаманские места для дачи клятв (присяги). Анализ святых мест Байкальского региона позволяет выделить из них особую серию, связанную с религиозно-правовым решением тяжёлых дел, причем как применительно к эвенкам, так и к бурятам. У последних такие клятвы именовались «тангарик» или «шахан» (букв. перевод «божба»).

Самым важным объектом такого рода считался Шаманский камень в истоке Ангары, к которому приезжали со всех уголков бурятской земли в чрезвычайных ситуациях. На втором месте — пещера Бурхан на Ольхоне и Шаманский камень близ устья Селенги. С.П. Крашенников подобное место отметил в Тунке (Буха-ноёни-хуури). И.Г. Георги и К.Риттером описано эвенкийское культовое место аналогичного назначения на северо-восточном побережье Байкала (Шаманская скала в бухте Фролиха) и эвенкийско-бурятское на южной оконечности озера (Шаманский мыс) и в долине р. Голоустной. Вблизи истока р. Лены находилась еще одна подобная скала общепобурятского значения — у дер. Шишкино.

7. Шаманские похоронные места (рощи, боры, некоторые водные источники, острова, горы). Полной неожиданностью для нас явилась констатация факта необычайно широкого распространения вокруг Байкала шаманских похоронных мест. В принципе, получается, что многие культовые объекты «среднего» плана в основе культа имели либо захоронение шамана (шаманов), либо шаманские некрополи составляли одну из самых значимых поздних (с конца неолита) традиций для поддержания культа определенной географической точки Байкала. По крайней мере, именно шаманские погребения дали начало пантеону духов-«хозяев» отдельных местностей: баабай, убо-

гэн, ноён, хатан, басаган, тээдэй, хубуун, объединенных сегодня общим термином «дайдайн убгэд — далайн һамгад» («Земные старцы — Морские старухи»). Еще Т.М. Михайлов пришел к выводу о том, что «всякого рода почитаемые «старушки», «девицы», «старцы» и т.п. — это, как правило, «души» умерших шаманов и шаманок». К этому кругу относится и термин «эжин». Более определенную связь с шаманскими похоронными местами имеют те духи-«хозяева» (эжины), к персонифицированным именам которых присоединены термины, прямо указывающие на их шаманское происхождение: заяан, заарин, боо, одегон (адёган, удаган), тээби (ибии), онгон.

В плане топонимики на наличие в прошлом шаманских некрополей определенно указывают географические названия святых мест: Шаманка, Шаманская гора, Шаманский камень и др., где, как правило, сохранились заповедные шаманские рощи и боры, и существует табу на их посещение. В топонимике эвенков подобные места также отмечены словами «айха» или более конкретно — «аранга» (Арангатуй, Арангас), что в переводе в первом случае означает «бояться» (в смысле табу), а во втором — деревянный помост в лесу, на котором устанавливали гроб с телом умершего шамана. К.М. Герасимова писала, что «обычно с шаманскими похоронными местами связан также и обычай жертвоприношения на барисанах». Ею же установлено, что «хозяевами обо (в ламаизме, — А.Т.) являются или шаманские хаты <...>, или души умерших родовых шаманов».

Интересно, что если на побережье оз. Байкал шаманские захоронения «одиоchnы», то в Баргузинской и Тункинской долинах они занимают компактное сосредоточение (целые кладбища), но здесь они более поздние по времени. А древнейшие захоронения на Байкале утрачены и сохранились лишь в фольклоре и топонимике, а иные обнаруживаются при археологических раскопках.

8. Термальные источники. Тектоническая зона вокруг озера Байкал является уникальным местом, где имеется множество горячих и холодных источников: абсолютное большинство их рас-

положено в Тункинской долине и в северной половине озера, включая Баргузинскую долину. Но «аршанами» буряты называют и любой горный ключ с чистой водой, которых неисчислимо-е количество.

По мнению исследователя И.А. Манжигеева, у шаманистов аршаны почитались потому, что их воды считались священными, излечивающими от многих болезней. Более того, он полагает, что культ этот «существовал еще до появления шаманизма как разновидность культа природы». По шаманистским представлениям, каждый отдельный источник имеет своего духа-«хозяина», которого необходимо ублажать жертвенными приношениями. В истоке же культа аршанов, по Т.М. Михайлову, лежат забытые образы духов умерших когда-то людей, «главным образом шаманок и шаманов».

Аршаны Тунки имеют довольно компактный район сосредоточения вокруг Уляборского и близлежащих к нему вулканов: Аршан (главный), Субурга (Старый Аршан), Папий Аршан, Коймары, Жемчуг и др. В некотором отдалении от них расположены Туранский минеральный источник, Тибельтинский (глазной) Аршан. Широко известна система Шумацких Аршанов в Тункинских Альпах. Из рек Тункинской долины священными считаются р. Иркут («дорога духов»), Зун-Мурино, Могойгорхон, Тибельти, Ихэ-Угун, куда эти аршаны впадают в виде ручьев.

На побережье озера Байкал почитается горное озеро Фролиха, горячие источники Хакусы, Убугун-хушун («Бо-шулун») в Баргузинском хребте; реки Куртун, Бугульдейка, Хурай-Нур, холодный ключ в Байдинской пещере в Приольхонье и другие. Существует культ духов дельты Селенги. Да и воды самого Байкала считаются целебными, а потому священными.

В Баргузинской долине к числу водоемов культового значения относятся оз. Алдан, устье р. Алдан, истоки Турукчи, Баргузина, Суво, аршаны Кучигер, Гарга, Барагхан и др.

Следует отметить, что в настоящее время число вновь объявляемых святых мест на аршанах и речных переправах неред-

ко опережает традицию сооружения придорожных барисанов на перевалах. С точки зрения шаманской идеологии, подобные места, не имеющие под собою историко-мифологической и обрядовой основы, бесполезны и не обладают действенной силой. Нужно долгое время для того, чтобы они обрели «священное» признание.

9. Придорожные барисаны (горные перевалы с кочевыми тропами через них, развилки дорог, примечательные объекты географических уголков, через которые пролегают пути передвижения людей). Они являются, наряду с аршанами, наиболее многочисленными и распространенными типами шаманских культовых памятников, своего рода маркерами границ родоплеменной территории. Их истинное число не поддается исчислению, поскольку часть барисанов прекратила существование ввиду изменения магистральных путей перемещения, другие всякий раз возникают на новых местах при проложении дорожной сети.

Нами установлено два типа придорожных барисанов: 1) улусно-территориальные как границы родо-племенных владений, 2) межплеменные, ограничивающие обширные географические регионы в пределах водосборной площади озера Байкал. К последним мы относим культовые капища на горных перевалах вдоль древних кочевых троп, в большей части уже бездействующих и забытых. Интересно, что такие барисаны четко маркируют границу байкальской экологической ниши по окружающим Байкал хребтам вдоль существовавших удобных путей их пересечения. На Хамар-Дабане это Маргасан, собственно перевал Хамар-Дабан, Снежная, Зангисан, и, скорее всего, немало других перевалов вдоль бывших купеческих трактов: Кругоморского, Игумновского, Удунгинского и др. В Тункинской долине наиболее известными придорожными барисанами на горных перевалах через Восточные Саяны являются Нухун-Дабан, слияние Черного и Белого Иркутов, на водоразделе Иркуты и Оки, Шумак, Хангарул. Среди придорожных барисанов местного значения отметим Тамхи-баряше и Ахалик.

На озере Байкал места пролегания древних кочевых троп через Приморский и Байкальский хребты существуют по рекам Маритуй, Куртун, Бугульдейка, Анги, Сарма, Онгурены с шаманскими капищами в их верховьях.

Наиболее известными придорожными барисанами побережья Байкала считаются культовые объекты на водоразделе рр. Лены и Онгурена, а также рр. Мантурихи и Убукуна. В первом случае духом-«хозяином» перевала считался «Зулхэйн-ноёд» — «Ленские нойоны». Будто бы ими были разбойники из прибайкальских бурятских родов, угонявшие скот и грабившие соседей-поморов. Во втором случае капища Барисан, Бурхан Галта-ула, Сангай обо, Дрэвин шулуун на водоразделах рек Оронгой, Большая, Култушная, Мантуриха на Хамар-Дабане связываются с именем Чингисхана, будто бы гнавшегося за бежавшими бурятами вплоть до Байкала, но археологические памятники на этих кочевых тропах уходят в глубины бронзового века. До сих пор культовые обряды проводятся бурятами на перевале Шаргайн-Ундэр (Даши Балбар) в верховьях рек Загустай, Убукун и Мысовки.

Придорожные культовые места (улгакиты) через прибайкальские горные перевалы существовали и у эвенков. Конструкция капищ и характер жертвенных приношений не отличаются от бурятских. Такой перевал существовал на Северомуйском хребте и у оз. Иркана. На Баргузинском хребте улгакиты впервые описаны в XVIII в. И.Г. Георги близ оз. Фролиха, в верховьях р. Кудалды и через Икатский хребет по дороге на Еравнинские озера (Алдан, Турукча, Болон-тэмур).

То, что такие барисаны служили священными маркерами родо-племенной территории байкальских поморов, (конкретно, эвенков как более древних аборигенов этих мест) доказывается многочисленными преданиями и топонимикой случавшихся на горных перевалах сражениях с «иноземными» родовыми группами, пытавшимися проникнуть на побережье озера Байкал, то есть в Байкальскую экологическую нишу со сложившимся комплексом религиозных и бытовых традиций ее насельников.

10. **«Жертвенные комплексы».** Этот тип культовых памятников отмечен пока только в Приольхонье от Тажеранской степи до Онгурен. Долгое время назначение грандиозных каменных сооружений, порою исчисляемых десятками в одном месте, не было понятно. И лишь в последние годы установлено, что это не что иное, как «жертвенные комплексы», вероятно, общенародного или межплеменного значения. Внутри каменных ящиков-шэрээ обнаружено множество костей принесенных в жертву животных, угли кострищ, есть сведения и о человеческих останках (жертвах?). Но мы пока не в состоянии реконструировать характер проводившихся шаманских обрядов, однако человеческие жертвы свидетельствуют о собрании на таких местах весьма большого количества народа, и только на общенародных или родо-племенных святилищах допускалось принесение такой величайшей жертвы, как человек. Авторы раскопок склонны датировать капище XVII–XIX столетиями, но странно, что упоминания о столь масштабных святилищах нет ни в шаманском фольклоре бурят, ни в материалах первых исследователей их шаманской системы, кроме весьма схематической зарисовки М.Н. Хангалова: но он писал о единичных памятниках, а не о скоплениях их в десятки объектов. Скорее всего речь все же идет о более древнем времени и, быть может, о курыканской эпохе.

11. **Пещеры и гроты.** Они расположены по всему побережью озера Байкал, преимущественно на участке от истока Ангары до северной части Малого моря, есть они на Севере Байкала, а также в малом числе в Тункинской и Баргузинской долинах. Не все они использовались в качестве временных укрытий, но и в роли склепов умерших людей: Скрипер, Угловая падь, Голоустная, Байдинские пещеры, Шаманка, Шида, Лударь, Хакусы и пр. Культ пещер-мавзолеев хорошо зафиксирован в шаманских преданиях бурят. На факте почитания пещер возник культ духов-«хозяев» родо-племенной территории и богини Земли Ульгэн, покровительствующей деторождению (а дети — это души умерших предков, возрождающиеся в потомках). Во многих таких пещерах действовали шаманские капища поминания

предков: Бурхан, Шаманский мыс, Хаман-Кит, Ая, Байдинские пещеры, Куртун, Саган-Заба, Ихэ-Угун, Зун-Мурино и т.п.

12. Петроглифы (скалы и камни необычных форм с культовыми изображениями). Они представляют исключительную ценность для нашей темы, поскольку дают яркие и бесспорные доказательства древности того или иного святого места, реконструируют пантеон почитавшихся духов и обрядовые действия. Я уже не говорю о том, что есть возможность «читать» древние изображения на основе традиционных шаманских молитв, на что первыми обратили внимание М.Н. Хангалов, Н.Н. Агапитов, П.П. Хороших более столетия тому назад.

Самыми известными петроглифами Байкала являются Куртун, Саган-Заба, Ая в Приольхонье. А.П. Окладников пополнил их число памятниками Хурай-нур, Сахюртэ, Орсо, Елгазур, Тажеран, Убугун-хушун. Иркутяне выявили писаницу в устье р. Сармы. Нами найдены новые объекты Шара-Хапсагай, Хоргой, Шаманка (Бурхан), а на севере Байкала впервые обнаружены памятники Лысая Гора, о. Богучанский, Писанный камень, Лударики (6 пунктов), Лударский мыс, пещера Лударь. Впервые же петроглифы выявлены в Баргузинской долине: Шаманка, Душелан («Кладово»), Шэнэгольджин, Улюкчикан; на южной оконечности озера — Шаманский мыс. Имеются непроверенные сведения о рисунках на Онгоконском мысу, Снежной, Дрэвиншулууне, Зун-Мурине, Коймарах, Хара-Дабане, Нухун-Дабане, в Окинском крае и т.п. Не сохранились древние изображения в Максимихе и на Шаханском камне в устье Селенги. Многие памятники такого рода связаны с пещерами.

13. Древние памятники. Мы выделили этот тип культовых памятников Байкала только потому, что они выявлены нами только в результате археологических раскопок жертвенных приношений, поскольку они давно забыты местными жителями. В первую очередь они связаны с петроглифами, пещерами и могильниками. Вторую их группу составляют так называемые «городища» (Лударь, Лударики, Ольхонские ворота, Шэбэтэ и т.п.), часть из которых представляет, как оказалось, элементар-

ные культовые площадки, огороженные защитным оборонительным поясом. Раскопок их не производилось, кроме одного места на мысе Лударь: найденное обилие керамики курыканского времени явно относится к ритуальной посуде, использовавшейся при ритуальных действиях большого скопления людей.

14. Кресты на Байкале. Интересными памятниками обожествления Байкала русскими являются большие православные кресты, устанавливаемые в отдельных местах побережья. Путешественники и рыбаки молились у таких крестов, испрашивая удачу в рыбном промысле и благополучный переезд с одного берега на другой.

Как правило, подобные кресты устанавливались на старых шаманских капищах бурят и эвенков. Помимо них на скалах (и зачастую поверх древних петроглифов) выбивались их изображения. Топонимы подтверждают, что кресты православных христиан имелись на мысах Кресты (Ольхонские ворота), Крестовом (Приольхонье), Крест в Лударской бухте. Нами их изображения встречены на горе Шаманской, в Крутой губе, на мысах Бурхан, Дайн-Хушун, Котельниковом, в Саган-Забе и др. Суть подобных памятников объяснена самими христианскими миссионерами прошлых столетий — для «уменьшения бесовской силы шаманских капищ». Но на самом деле речь идет о попытке поставить популярные шаманские культы на службу православия, как это делал и буддизм.

Категории почитаемых географических объектов. Опираясь на данные топонимики, археологии и практикуемую обрядность, нами предпринята попытка разделить более чем 100 культовых объектов Байкала на 4 категории по их социально-общественной значимости, но категории эти могут быть уточнены новыми материалами, если найдутся последователи изучения начатой нами темы.

1. Культовые памятники общенародного значения: озеро Байкал в целом, Тункинские Альпы (Алтан Мундарга), Хамар-Дабан, Баргузинский хребет, Ехэ Ёрд, остров Ольхон, Бурхан,

Шаманский камень, Буха ноёни нуури, Халма-ула (Туран-хан), Иркут, Мунку-Сардык.

2. Культовые памятники общеплеменного значения: Лысая Гора, Ченча, Иркана, Фролиха (Шаманская скала), Хаман-Кит, Кудалды, Святой Нос, Ушканьи острова, Болон-Тэмур, Бархан-ундэр, Барагхан, Шэнэгольджин, Гурбан Чисога, Суво, Сахули, Саган-Заба, «Жертвенные комплексы» Мухорского залива, Ижимей, Шаханский камень, Барисан, Зун-Мурино, Тунка, Жемчуг, Ольхонские ворота, Нухун-Дабан.

3. Памятники улусно-территориального значения: Богучанский, Крест, Фролиха (стойбище), оз. Алдан, устье р. Алдан, исток р. Турукчи, Турка, Максимиха, Кучигер, Байдинские пещеры, Орсо, Елгазур, Тажеран, Сарминское ущелье, Шида, Убугун-хушун, Чанчер, Хара-Хапсагай, сэргэ-коноязы (Ольхон и Приольхонье), Посольск, Фофаново, Уляабар, Снежная, Моты, Тибельти, Маргасан, Ахалик, Аршан (главный), Субурга (Старый Аршан), Папий Аршан, Тамхи-баряше, Хара-Дабан, Зангисан, Монды, Коврижка, Арангатуи и т.п.

4. Археологические памятники. Это объекты, выявленные нами только путем раскопок следов древних жертвенных приношений. В качестве примеров назовем: Лысая Гора, Лударики, Лударь, Шаманка, Душелан («Кладово»), Шэнэгольджин, Бурхан, Шаманский мыс, Шаханский камень, Коврижка, Барагхан, Максимиха, Куртун, Саган-Заба, Ехэ Ёрд, Ая, Сарминское ущелье, Дрэвин-шулуун, Зун-Мурино, Буха-ноёни-нуури, Жемчуг, Халма-Ула (Туран-хан), Монды и т.п. Уточним, что речь идет не о фиксации проведения современных обрядов, а о выяснении путем раскопок истоков культов, уходящих в каменный век. Во многих случаях обряды проводились в другом месте, на том, где выявлены более древние следы обожествления того или иного святого географического объекта.

Проблемы датировки древних святилищ. Анализ этнической ситуации в районе Байкала прошлых столетий дает понимание, почему многие культовые места являются эвенкийскими, а в шаманской традиции бурят все же отчетливо просма-

тривается пратунгусская основа, особенно по части жреческих погребений.

Характер вскрытых раскопками жертвенных приношений, изучение архитектуры святилищ (алтарей, изваяний и др.), анализ теонимов, петроглифов, мифологии, топонимики и прочих источников позволяют выделить 3 основных этапа истории шаманских святых мест Байкальского региона:

а) древнейший (неолит — бронзовый и ранний железный века);

б) курыканский (VII–XI вв. н.э.);

в) современный (эвенки, буряты).

Все они в целом сохранили преемственность долгой культовой традиции:

1. *Древность — пратотунгусы — эвенки (в горно-таежной зоне);*

2. *Древность — курыканы — буряты (в лесостепной зоне).*

В ряде случаев курыканский и пратунгусский пласты культовой традиции меняются очередностью, вероятно, по причине смены этносов в отдельных районах Байкала, но преимущественно связанной с лесостепной зоной побережья (исключая Тункинскую и Баргузинскую долины).

Наиболее важным результатом археологического метода исследования культовых памятников стало установление факта очень длительной традиции ныне существующих культов, уходящих нижней границей в начало неолита. Второй вывод — есть основание полагать, что более 80 современных шаманских мест и культов, с ними связанных, почти в мало измененном виде являются культурной традицией курыкан (предков западных бурят и якутов, а также какой-то части «байкальских» эвенков).

Все это позволяет дать первую, пусть и очень приблизительную, ретроспективную картину появления и развития сугубо «байкальских» культов.

Собранный материал показывает, что в основе культового отношения к Байкалу лежит палеоэкология, или же выработка поколениями людей адаптации к суровому природному окру-

жению, где, помимо прочего, происходили и активные геологические процессы. Уже в палеолите фиксируются культы тотемных (?) животных и природных явлений, основы охотничьей магии и почтение умерших соплеменников, обоготворение географических территорий, дающих промысловых животных.

Неолит, пришедший на смену палеолиту, ознаменовал наиболее существенные перемены в жизни поморов Байкала. Главная причина — резкое изменение природно-экологической обстановки в послеледниковое время. Произошла смена растительного и животного миров, климата, понижение уровня озера и рек. С исчезновением крупных источников добывания мяса (мамонт, носорог, бизон и т.п.) на Байкале возник рыболовный и лесо-собираТЕЛЬСКИЙ уклад жизни. Техника круглогодичного рыболовства достигла наивысшего развития именно на Байкале. Появились лодки и морская охота на нерпу. Временные стойбища в устьях рек превращаются в стационарные поселения с жилищами типа полужемлянок.

В это же время пантеон дошаманистических верований заметно усложнился. Появились представления о «море мертвых», куда можно попасть по «дороге-реке мертвых» на лодках или плотах. Тогда же с развитием рыболовства возник культ владык водных глубин и рыболовства (Ухан-хатов — «Царей вод») и «водный» тотемизм, что нашло отражение в сюжетах наскальных изображений и мелкой пластике культового назначения.

Скалы с петроглифами, безусловно, относятся к разряду крупнейших священных мест неолитического времени, причем тематика древних изображений таежной зоны носит явно культовый характер: рисунки в основном отражают знакомую еще по палеолиту идею магического достижения плодородия, удачи в охотничьем и рыболовном промыслах. Имеются также сцены религиозно-мифологического и обрядового характера, которые находят прямые аналогии в практике современного сибирского шаманства.

Многочисленные и повсеместные примеры почитания петроглифов таежной зоны Байкальского региона коренным насе-

лением края достаточно убедительно свидетельствуют о глубокой преемственности культовой традиции на протяжении тысячелетий, причем сущность и характер жертвенных приношений, иконографика и обрядовые действия претерпели не слишком существенные изменения. В первую очередь это относится к эвенкам, в этнографическом комплексе которых сохранились многие элементы материальной и духовной культур неолитических предшественников.

Таким образом, в эпоху неолита мы наблюдаем сложившуюся традицию культа Матери-Земли, который первоначально ассоциировался с почитанием родо-племенных гор (скал) на побережье Байкала. В названиях современных бурятских обрядов «хада тахиха» и «хада хангай тахиха» сохранились представления о культе самой Земли, ибо хада — это и есть гора. Сами же понятия хада (гора) и хаты (духи-«хозяева» гор окрестностей) сливаются, означая один и тот же объект культа, хотя в древности объектом почитания являлась изначально именно гора, а не «хозяин горы».

Так что профессор Б.Э. Петри, изучая в начале XX века ольхонскую неолитическую стоянку Улан-Хада, был недалек от истины, когда теоретически высказался в пользу множества духов, владевших урочищами побережья озера Байкал. Согласен с ним был и Л.П. Хлобыстин, полвека спустя изучавший святилище Бурхан на Ольхоне: он также полагал, что у «байкальских племен» существовали «особо почитаемые места, связанные с религиозными культами, являвшиеся традиционными».

Наконец, в позднем неолите, согласно многочисленным археологическим фактам, фиксируется появление профессионального института шаманского жречества и развитой культовой мифологии и обрядности, почти в неизменном виде дошедших до наших дней.

Принято считать, что кочевое скотоводство проникло к берегам Байкала в позднюю пору бронзового века с юга вследствие естественной миграции населения Центральной Азии на север в поисках новых пастбищ для домашнего скота. С точки

зрения палеоэкологии, такой процесс спровоцировало общее усущение климата, когда началось движение лесостепей на север. Судя по собранным фактам, около 2–2,5 тыс. лет назад степные ландшафты появились в средней части восточного побережья Байкала (в районе оз. Котокель, в Баргузинской долине, на Ольхоне, в Тажеранской степи и возле мыса Лударь) на северной оконечности озерного водоема. Однако байкальская экологическая ниша продолжала держать население в традиционном охотничье-рыболовном хозяйстве.

В этой связи здесь развивалась неолитическая шаманская мифология «доскотоводческого» периода, что особенно заметно по специфике наскальных композиций. Главное место в этой идеологии играл культ «царей вод» Ухан-хатов.

Поэтому на петроглифах побережья Байкала нет ни одного изображения домашних животных, но обычны лоси, олени, нерпа, рыбы, гуси, лебеди и чайки. Есть рисунки рыбаков и многоместных лодок. Но скотоводство на периферийных степных участках также еще не получило должного развития. И там обычны сюжеты, хорошо понимаемые через тунгусские традиционные представления об окружающем мире. Новый пласт скотоводческой идеологии проник на Байкал только в раннем средневековье. Но и в этот период окружающая природная среда не позволила придать скотоводству приоритетный характер хозяйствования. На Байкале удобнее было все же вести охоту, рыболовство и лесное собирательство. Это подтверждается таким фактом, что в слоях жертвенных приношений у подножий петроглифов все еще преобладают кости нерпы и диких таежных зверей.

КУЛЬТОВЫЕ ТОПОНИМЫ ОЗЕРА БАЙКАЛ У АЗИАТСКИХ НАРОДОВ

Древнекитайские: Ханьхай, Бэйхай («Северное море»), Широкое море, Великое озеро, Большое озеро, озеро Великое, море Байкал.

Древнеарабское: Бахр-ал-Бака («Море, рожающее много слез» или «Море ужаса»).

Старомонгольские: Далай («Море»), Байкал-озеро, Море-река, Море-ручеек, Тенгис («Великий», «Подобный океану», «Море»).

Старобурятские: Байгал, Хун-Далай («Молочное море»), Газар-далай («Бездонное море», «Широкое море»).

Эвенкийское: Ламу («Море»).

Древнеякутские (курыканские?): Муус Кудулу Байгал («Великий Ледяной Байкал»), Баягал, Байяггал («Прозрачное море»), Байкал/Байкель («Большое (или Великое) озеро»), Арат-Байгал («Широкий Байкал»), Дьэнгкэрэ Байгал («Ангарский Байкал»).

Русские: Байкал, Святое море, Священный Байкал, Байкал-озеро, Море.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности: изображения на утесах Байкала // Известия ВСОРГО. — Иркутск, 1881. — Т. 12. — № 4-5.

Агапитов Н.Н., Хангалов М.Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири // Известия ВСОРГО. — Иркутск, 1883. — Т. 14. — № 1-2.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. — Иркутск, 1941.

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. — М. - Л., 1958.

Анисимов А.Ф. Этапы развития первобытной религии. — М. - Л., 1967.

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. — Новосибирск, 1980.

Балдаев С.П. Культ писаниц у западных бурят // Записки БМНИИК — Улан-Удэ, 1956. — Вып. 22.

Балдаев С.П. Избранное. — Улан-Удэ, 1961.

Балдаев С.П. Материалы о бурятских племенах и родах // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1961. — Т.1.

Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. — Улан-Удэ, 1970. — ч. 1: Булагаты и эхириты.

Баранникова Е.В. Бурятские волшебные-фантастические сказки. — Новосибирск, 1978.

Баторов П.П. Аларские тайлаганы // Труды секций ВСОРГО. — Иркутск, 1920.

Бердникова В.И., Яковлева В.В., Горюнова О.И. Жертвенные комплексы Приольхонья (VI — XIX вв.) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.

Брянский В.П. Памятники природы. — Иркутск, 1983.

Бурятские народные сказки. — Улан-Удэ, 1973.

Бурятские летописи. — Улан-Удэ, 1995.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX вв.). — Л., 1969.

Галданова Г.Р. Почитание животных у бурят // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. — Новосибирск, 1981.

Галданова Г.Р. Доламаистические верования бурят. — Новосибирск, 1981.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. — СПб, 1776-1777. — ч. 1-3.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. — СПб, 1799. — ч. 4.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1953 г. // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975.

Герасимова К.М. Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1969. — Вып. 5.

Горюнова О.И., Евстафьев В., Кожин О.С. Наскальные рисунки Сарминского ущелья // Проблемы археологии Северной Азии. — Чита, 1988.

Горюнова О.И., Ветров В.М., Бердникова Н.Е. Археологические исследования пещер Прибайкальского национального парка // Палеоэтнология Сибири. — Иркутск, 1990.

Горюнова О.И., Павлуцкая В.В. Погребение воина в пещере Шида (Малое море оз. Байкал) // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992.

Гунгаров В.Ш. Отражение мифологических воззрений в легендах и преданиях хори-бурят // Традиционный фольклор бурят. — Улан-Удэ, 1980.

Гусев О.К. Вокруг Байкала. — М., 1978.

Гусев О.К. Священный Байкал. — М., 1980.

Дашибалов Б.Б. Курумчинская культура Байкальской Сибири и проблемы ее этнической интерпретации // Актуальные проблемы истории Бурятии. — Улан-Удэ, 1990.

Дашибалов Б.Б. Культ пещер у бурят и его древние истоки // Банзаровские чтения. — Улан-Удэ, 1992.

Долгих Б.О. Некоторые вопросы древней истории западных бурят // КСИЭ АН СССР. — М., 1953.

Дриженко Ф.К. Лоция и физико-географический очерк озера Байкал. — СПб., 1908.

Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. (На материале обрядового фольклора бурят). — М., 1991.

Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. — М., 1977.

Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов // ТИЭ, 1936. — Т. 14. сер. этнограф. — Вып. 3.

Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. — Л., 1934.

Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. — М., 1964.

Иванов С.В. Происхождение бурятских онгонов с изображением женщин // ТИЭ. — Л., 1951. — Т. 14.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX вв. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. — М. — Л., 1954.

Иметхенов А.Б. Памятники природы Байкала. — Новосибирск, 1991.

Ионов В.М. Орел по воззрениям якутов. — СПб, 1913. — (Сб. МАЭ АН: Т. 1., вып 16). — Отд./ оттиск.

Ионов В.М. Медведь по воззрениям якутов. — Пг., 1916. — (Сб. МАЭ АН: Т. 4, вып. 1).

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). — Новосибирск, 1982.

Крашенинников С.П. В Сибири. Неопубликованные материалы. — М. - Л., 1966.

Коротнев А.А. Отчет по исследованию оз. Байкал летом 1901 года // Юбилейный сборник ВСОРГО. — Киев, 1901. — Вып. 1.

Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. — 1982. — №2.

Ламаизм в Бурятии XVIII — начале XX вв. Структура и социальная роль культовой системы. — Новосибирск, 1983.

Ленхобоев Г.Л. Древние памятники, свидетельствующие о происхождении бурят-монгольского народа. — Улан-Удэ, 1952. — (Рукопись, архив автора).

Ленхобоев Г.Л. Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят // Записки БМНИИ. — Улан-Удэ, 1955. — Вып. 22.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов. (Конец XIX — начала XX вв.) — Новосибирск, 1984.

Манжигеев И.А. К вопросу о процессе отмирания пережитков шаманства у бурят // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1961. — Вып. 2.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. — М., 1978.

Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. — Иркутск, 1961.

Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. — Улан-Удэ, 1969.

Мельхеев М.Н. По берегам Байкала. Географические условия побережья. — Иркутск, 1977.

Миллер Г.Ф. История Сибири. — М. - Л., 1937. — Т.1.

- Михайлов Т.М. Шаманство у бурят и его пережитки. — Иркутск, 1962.
- Михайлов Т.М., Хороших П.П. Бурятский шаманизм. Указатель литературы (1774—1971). — Улан-Удэ, 1973.
- Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма. (С древнейших времен по XVIII в.). — Новосибирск, 1980.
- Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. — Новосибирск, 1987.
- Никитенко В. Минеральные источники Тункинского края // Известия ВСОРГО. — Иркутск, 1921. — Т. 16. — Вып. 1 — (Отд. оттиск).
- Окладников А.П. Очерки по истории западных бурят-монголов. — Л., 1937.
- Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги. (Предварительное сообщение о раскопках, проведенных в 1948 г.) // КСИИМК. — М. - Л., 1950.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М. - Л., 1950. — ч. 1—2.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — Л., 1955. — ч. 3: Глазковское время.
- Окладников А.П. История Якутской АССР. — М.- Л., 1955 — Т. 1.
- Окладников А.П. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. — Иркутск, 1959.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. — Л., 1969. — ч. 1; Л., 1970. — ч. 2.
- Окладников А.П. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. — Новосибирск, 1974.
- Окладников А.П. История и культура Бурятии. — Улан-Удэ, 1976.
- Очерки истории культуры Бурятии. — Улан-Удэ, 1972. — Т. 1.
- Отчет Б.Э. Петри о командировке на Байкал для археологических разведок // Отчет о деятельности Импер. Акад. наук по отд. Физико-матем. наук, истор. наук и филологии за 1916 г. — СПб, 1916. — (Отд. оттиск).
- Окладников А.П., Молодин В.И., Конопацкий А.К. Новые петроглифы Прибайкалья и Забайкалья. — Новосибирск, 1980.
- Петри Б.Э. Вторая поездка в Предбайкалье // Известия Русск. комитета для изучения Средней и Восточной Азии в истор., археол., лингв. и этнограф. отношениях. — Пг., 1914. — №3 — сер. 2.
- Петри Б.Э. Далекое прошлое бурятского народа. — Иркутск, 1922.
- Петри Б.Э. Старая вера бурятского народа. — Иркутск, 1928.
- Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. — Иркутск, 1928.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб, 1883. — вып. 4. Материалы этнографические.

Потанин Г.Н. Избранное. — СПб, 1910.

По Хамар-Дабану. — Иркутск, 1971.

Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. — Л., 1976.

Рашид-ад-дин Сборник летописей. — М. - Л., 1952. — Т. 1-2.

Ринчен Б. Культ исторических персонажей в монгольском шаманизме // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Новосибирск, 1975.

Риттер К. Землеведение Азии. — СПб, 1879. — Вып. 1.

Риттер К. Землеведение Азии. — СПб, 1895. — Вып. 2 (П.П. Семенов, И.Д. Черский, Г.Г. ф. Петц).

Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи. — Улан-Удэ, 1958.

Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ, 1961.

Сборник документов по истории Бурятии XVII века. — Улан-Удэ, 1960. — Т. 1.

Свинин В.В. Археологические исследования на севере Байкала. — Улан-Удэ, 1965. — (Рукопись, архив автора).

Свинин В.В. Археология озера Байкал. — Иркутск, 1969. — (Рукопись, архив автора).

Свинин В.В. Энеолитический могильник на Шаманском мысу (Южный Байкал) // Вопросы истории Сибири. — Иркутск, 1971.

Славное море. — Иркутск, 1856.

Седякина Е.Ф. Курыканы // Материалы по древней истории Сибири. — Улан-Удэ, 1964.

Станиловский А.М. Легенда о Шаманской пещере на острове Ольхон // Известия ВСОРГО. — Иркутск, 1903. — № IV(2).

Станиловский А.М. Байкал. — Иркутск, 1916.

Стуков К. Нечто о монголо-бурятской присяге // ПИЕВ, 1879. — №32. Сказания бурят, записанные разными собирателями. — Иркутск, 1890.

Татаринов М. Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым. — Улан-Удэ, 1958.

Т.С. (Тимофей Савенков). Байкал // Сибирь. — Новониколаевск, 1925. — № 4.

Тиваненко А.В. Новый энеолитический могильник на берегах Байкала // V конф. молодых научн. сотр., посв. 50-летию образования Бур. АССР. — Улан-Удэ, 1973.

Тиваненко А.В., Митыпов В.Г. В тайге за Байкалом. — Улан-Удэ, 1974.

Тиваненко А.В. Новые петроглифы побережья оз. Байкал // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1975.

Тиваненко А.В. Древнейшие жертвенные места Забайкалья // Археология и этнография Восточной Сибири. — Иркутск, 1978.

Тиваненко А.В. Новые петроглифы Западного Забайкалья. — АО 1977. — М., 1978.

Тиваненко А.В. Новый энеолитический могильник на берегах Байкала // Краеведение Бурятии. — Улан-Удэ, 1979.

Тиваненко А.В. Древние культовые святилища — новый тип археологических памятников Забайкалья // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. — Новосибирск, 1979.

Тиваненко А.В. Исследование петроглифов в Северной Бурятии // АО 1978. — М., 1979.

Тиваненко А.В., Цыбиктаров А.Д. Северобайкальский очаг «селенгинских» петроглифов // АО 1978. — М., 1979.

Тиваненко А.В. Вокруг Байкала. — Улан-Удэ, 1979.

Тиваненко А.В. Мифические страны Сибири // Сибирь. — Иркутск, 1979 — № 1.

Тиваненко А.В. О дешифровке пиктографов бронзового века Центральной Азии // Исследования по культуре народов Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1980.

Тиваненко А.В. Неисследованные пиктографы Восточных Саян // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1983.

Тиваненко А.В. К проблеме дешифровки петроглифов бронзового века Забайкалья и Восточной Монголии // V Международный конгресс монголоведов: Доклады советской делегации. — М., 1987. — Т. 3.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. — Новосибирск, 1989.

Тиваненко А.В. Пиктографическое письмо культуры плиточных могил Центральной Азии // Исследования по истории и культуре Монголии. — Новосибирск, 1989.

Тиваненко А.В. Новые данные о петроглифах «селенгинского» стиля в Забайкалье // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. — М., 1990.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии: новые памятники. — Новосибирск, 1990.

Тиваненко А.В. Славное море — священный Байкал // Земля Сибирская, дальневосточная. — Омск, 1991. — № 1–12.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. — Новосибирск, 1994.

Тиваненко А.В. Шаманские святы места Байкала // Обозрение, 93 (Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году). — Новосибирск, 1995.

Тиваненко А.В. Шаманские святы места Байкала // Отчий край. Краеведческий сборник № 2. — Улан-Удэ, 1995.

Тиваненко А.В. Посольский Спасо-Преображенский монастырь. Краткий исторический очерк. — Улан-Удэ, 2002.

Тиваненко А.В. Из предыстории основания Посольской обители на Байкале // Русская православная церковь в Сибири: история и современность. — Улан-Удэ, 2003.

Тиваненко А.В. Славное море // Международная жизнь. — 1993, май-июнь. — Спецвыпуск «Ворота на восток».

Тиваненко А.В. Загадочный мир Байкала // Вершины. — Улан-Удэ, 2003. — № 3–6.

Тиваненко А.В. У истоков познания «Даурской земли» русскими в XVII столетии // Ефремовские чтения — 1. — Улан-Удэ, 2004.

Тиваненко А.В. Наскальная пиктографическая письменность Центральной Азии и Сибири. (Основные принципы дешифровки). — Улан-Удэ, 2003.

Тиваненко А.В. Путешествие в бездну Байкала // Мир Байкала. — Улан-Удэ, 2008. — № 4.

Тиваненко А.В. Тайны байкальских глубин. — Чита, 2009.

Тиваненко А.В. У истоков байкальских мифов // Мир Байкала. — Улан-Удэ, 2009. — № 3.

Тиваненко А.В. История исследований Байкала // Байкал: природа и люди. Энциклопедический справочник. — Улан-Удэ, 2009.

Токарев С.А. О культе гор у народов Евразии // СЭ. — 1082. — № 3.

Хамзина Е.А. Плиточный могильник в Баргузинской долине // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. — Улан-Удэ, 1958. — Т. 1; 1959 — Т. 2; 1960. — Т. 3.

Харинский А.В. Городище Байкальское: хронологический и культурный аспекты // Проблемы археологии Северной Азии. — Чита, 1988.

Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края // Известия Биол.-Геогр. Ин-та при ИГУ. — Иркутск, 1924. — Т. 1, кн. 1.

Хороших П.П. По пещерам Прибайкалья. — Иркутск, 1955.

Хороших П.П. Наскальные рисунки на побережье озера Байкал // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 1.

Хороших П.П. Петроглифы Байкала // Сибирь. — Иркутск, 1971. — № 3.

Хороших П.П. Из шаманских воззрений иркутских бурят // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1969. — Вып. 5.

Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья озера Байкал. (Каменный и бронзовый века). — Автореф. дисс., канд. ист. наук. — Л., 1964.

Хлобыстин Л.П. Из истории нерпичьего промысла на Байкале // СА. — 1963. — № 1.

Хлобыстина М.Д. Культурная символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири // СА, 1971.

Фольклор эвенков Прибайкалья. — Улан-Удэ, 1967.

Черский И.Д. Некоторые примечания к описанию Байкала К. Риттера // Известия ВСОРГО. — Иркутск, 1881. — Т. 12.

Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. — Новосибирск, 1981.

Цыбиктаров А.Д. Исследования на Северном Байкале // АО 1978. — М., 1979.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. — Улан-Удэ, 1972.

Шань Хай цзин (Каталог гор и морей). — М., 1977.

Шаракшинова Н.О. Миф о Буха-нойне // Этнографический сборник. — Улан-Удэ, 1962. — Вып. 3.

Шаракшинова Н.О. Мифы бурят. — Иркутск, 1980.

Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII — XX вв.). — Улан-Удэ, 1973.

Эвенкийско-русский словарь. — М., 1958 (Г.М. Василевич).

Уланов А.И. Древний фольклор бурят. — Улан-Удэ, 1974.

Уржанов А.Д. Об одном санагинском списке «сэржэма» Буха-нойону на тибетском языке // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1970, — Вып. 4.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. — М., 1987.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
КУЛЬТЫ КАМЕННОГО ВЕКА	
Ханьхай-Бэйхай-Байкал	8
Байкал «святое море»	19
Наблюдения академика Георги	24
Открытие исчезнувшего мира	36
Тени забытых предков.....	48
Находка Кузьмы Калашникова	62
Загадки байкальской нерпы	73
У истоков байкальских мифов	79
МОРЕ УЩЕДШИХ ПРЕДКОВ	
На земле прародины якутов	87
Курыканские духи Байкала	93
Святые древности Ольхона	103
Место, откуда нет возврата	109
Чудовищные змеи Баргуджин-Токума.....	118
В ЦАРСТВЕ ЧЕРНЫХ ТЭНГЭРИНОВ	
Хребет без названия.....	127
У подножья Хамар-улы	131
Обитель гроз и туманов.....	133
Край небесных кузнецов	136
Духи Шаманского камня	141
Забытые святыни реки Снежной	150
Гора «священного огня».....	152
Страна восточных небожителей.....	156
ШАМАНСКИЙ ЦЕНТР БАЙКАЛА	
Шаманский камень в истоке Ангары	160
Голоустная — Куртун — Саган-Заба	170
Хурай-Нур (Сахюртэ) — Ехэ Ёрд-Ая.....	177
Святые места Тажеранской степи	188
Языческие капища Малого моря	195
Шаманка (Бурхан) на Ольхоне.....	204
Гора Ижимей	211

Сэргэ-коновязи	213
СВЯТЫНИ БАРГУЗИНСКОЙ ДОЛИНЫ	
Страна загадочных баргутов.....	215
Святой Нос и Ушканьи острова.....	217
Гора Барагхан (Бархан-ула).....	221
Шулун-Шэнэгольджин и Гульмагта	223
«Кладовой камень», Суво и Шаманка.....	231
Барисаны Икатского хребта	236
Шаманские некрополи	238
Эвенкийско-бурятские культы.....	240
НЕВИДИМЫЕ ДУХИ СЕЛЕНГИНСКОЙ ДЕЛЬТЫ	
Гора Шаманка	242
Культ Ухан-хатов («Царей вод»).....	245
Владыки Байкало-Кударинских степей.....	249
Шаханский (Шаманский) камень.....	251
«Русские» мотивы шаманских культов.....	253
Туркинский минеральный источник	256
СВЯТЫЕ МЕСТА ТУНКИНСКОГО КРАЯ	
Культы низовьев Иркуты	258
Божественные духи Торской степи.....	261
Тункинско-Аршанские святыни.....	267
Капища Коймарских озер	270
Халма-ула (Туран-хан)	273
Святые места верховьев Иркуты.....	277
Мунку-Сардык и Нухун-Дабан	279
Тункинские Альпы (Мундарга).....	283
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТОВОГО ЗНАЧЕНИЯ НА БАЙКАЛЕ	
Распространение святых мест	286
Общая мифологическая ситуация	288
Типология шаманских святынь	290
Категории почитаемых географических объектов	303
Проблемы датировки древних святилищ.....	304
Культовые топонимы озера Байкал у азиатских народов	309
Библиографические ссылки на источники.....	310

Научно-популярное издание

Тиваненко Алексей Васильевич

ДРЕВНИЕ БОГИ БАЙКАЛА

Черно-белые рисунки и фото автора, а также из архива П.П. Хороших.
Цветные фото предоставлены издательским домом "Эйдос",
фондом Содействия сохранению озера Байкал и А.Д. Карнышевым

Верстка: Е. Фалькина

Корректор: Е. Чеботарева

Подписано в печать: 6 марта 2012

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 94

Отпечатано в ООО "Экспресс-издательство"

672000, г. Чита, ул. Полины Осипенко, 25

Тел.: 26-02-47, 32-25-67.

Факс: 26-02-65

Кандидат исторических наук, докторант, археолог, историк и географ, Алексей Васильевич Тиваченко из Байкальского института природопользования СО РАН является признанным специалистом по ранним формам религии (шаманизму) аборигенных народов Сибири. Свои многолетние исследования по этой тематике он изложил в 25 научных монографиях и около 200 статьях в академических изданиях. В связи с организацией массового отечественного и зарубежного туризма на озере Байкал автор предлагает первую в своем роде научно-популярную книгу о шаманских святых местах сибирского озера-моря (географических объектах), о почитаемых на них духах-божествах, о формах обрядовых ритуалов, о религиозном мировоззрении, с ними связанных, от глубин каменного века до наших дней.

Тема книги является победителем Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук (Российского Гуманитарного научного фонда, 1994 г.) и Международного научного фонда Дж. Сороса «Культурная инициатива» (1994–1995 гг.).